

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Олег Рой

Эдельвейсы для Евы

(Капризы судьбы)

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства: «Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя. По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном — о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. МАРИНИНА

Глава 1 «Кладоискатели», или лучше бы этот день никогда не наступал

— Ну что же никак не объявят мой рейс? — от нетерпения Юлька только ногой не притопывала. — Ведь уже давно пора! Меньше часа осталось!

— Успеешь, не волнуйся, — как мог, успокаивал я.

— Ну да, тебе легко говорить — не волнуйся! А мне *такое* предстоит!

— Не дрейфь, все будет нормально...

Я изо всех сил старался ее поддержать, но в глубине души надеялся — да что там надеялся, просто мечтал! — что в последнюю минуту что-нибудь произойдет, и мой Дельфиненок никуда не полетит, останется здесь, со мной и Светкой... Ну мало ли что может случиться? Может, погода испортится, и аэропорт закроют. Может, с документами выйдет какая-нибудь заковыка. А может, в последний момент позвонят с этого треклятого телевидения и скажут, что поездка отменяется. И тогда у нас в семье все будет по-прежнему... Глядя на переминавшуюся с ноги на ногу Юльку, я подумал о том, какой она, в сущности, еще ребенок — несмотря на двадцать три года и почти четырехлетний стаж семейной жизни. Иногда мне кажется, что она немногим старше нашей Светки. Эта егоза, такая же белобрысая и такая же неугомонная, как и ее мать, крутилась у наших ног, одной рукой держала за матерчатую лапу своего обожаемого смешарика Бараша, а другой дергала то меня, то жену за штанины джинсов и канючила:

— Ну, Гелман! Ну, Юля!.. Ну пойдем...

Если б она знала, с каким удовольствием я был готов выполнить ее просьбу!

Этой зимой, едва дочке стукнуло три, Юлька отдала ее в сад, «чтобы привыкала к детскому коллективу». Я был против, но Дельфиненок заняла принципиальную позицию:

— А кому с ней сидеть? Мои мама с папой, как ты знаешь, работают, им до пенсии еще далеко, а у тебя здесь родни нет.

— А матери у ребенка что, тоже нет?

— Ну, знаешь!.. Я не собираюсь на всю жизнь записаться в домохозяйки! У меня совсем другие планы.

К счастью, Светка, будучи существом общительным, в сад ходила охотно. Увидев, что она там прижилась, Юлька заговорила было о том,

чтобы выйти на старую работу в больницу — когда мы познакомились, она была медсестрой в хирургическом отделении. Но тут я решительно воспротивился.

— Чтобы всякий, кому не лень, тебя там за задницу хватал? Ну уж нет! Только через мой труп!

Юля не слишком расстроилась (похоже, ей и самой не очень-то хотелось возвращаться ко всем этим капельницам, уколам и анализам) и вскоре задумалась о поступлении в медицинский университет имени Данила Галицкого. Эта идея понравилась мне куда больше. Пусть учится, авось моей зарплаты начальника львовского автопарка хватит на то, чтобы дать ей образование. Она накупила учебников и справочников для поступающих, записалась на подготовительные курсы и уже начала перечитывать «Мертвые души», как тут на нашу голову свалились эти чертовы «Кладоискатели».

Дельфиненок всегда была любительницей острых ощущений. Все горки, «тарзанки», аттракционы в парке — были ее. Плаванием она увлекалась с детства, в бассейн ходила регулярно до самых последних месяцев беременности и очень быстро возобновила свои занятия после родов. Именно там, в водно-спортивном комплексе на улице Княгини Ольги, и выловили ее телевизионщики.

Когда в начале весны Юлька, взволнованная, с горящими глазами, вернулась из бассейна и рассказала, что какой-то не то режиссер, не то продюсер предложил ей принять участие в телепередаче, я поднял ее на смех.

— Такая большая девочка и веришь в сказки! — сказал я тогда. — В твоём возрасте уже пора бы знать, что подобным способом вот уж лет шестьдесят-семьдесят разводят смазливеньких дурочек. Приглашают сниматься в кино, а на самом деле они оказываются в постели таких вот режиссеров в кавычках.

Но Юлька, разобиженная до слез, замахала у меня перед носом какими-то проспектами и визитками, тут же принялась звонить по указанным телефонам на телевидение, и там подтвердили, что да, действительно, начат совместный для России и Украины проект, называется «Кладоискатели». Полтора десятка человек из разных городов и весей закинут на необитаемый остров где-то посреди Тихого океана. Там они будут жить несколько недель, искать запрятанный на острове клад и бороться с дикой природой и друг с другом — клад достанется только одному, самому-самому.

— Ну-ну! — только и смог сказать я. — Чем бы дитя ни тешилось...

Первое время я все эти ее кастинги, собеседования и отборочные туры даже всерьез не воспринимал. Не верилось, что девчонка с улицы, пусть даже и такая хорошенькая (а она действительно очень хорошенькая, моя Юлька, у нее милое личико, длинные стройные ножки и совершенно обалденная фигурка), сможет пробиться на телевидение. Так что пусть поиграется в новую игрушку, авось ничего. Но она прошла сначала конкурс у нас в городе, потом съездила в Киев раз, другой, третий... И вскоре меня уже стало раздражать, что по вечерам моя жена, вместо того чтобы поджидать мужа дома с горячим ужином, пропадает неизвестно где, а ребенка забирают из сада ее родители, и я, усталый после работы, вынужден заезжать за дочкой к теще с тестем чуть не на другой конец города, сам кормить Светку и укладывать спать. Дочку нашу я, конечно, очень люблю и с удовольствием с ней вожусь в свободное время, но все-таки уход за ребенком — это дело матери. И когда за пару недель до окончательного решения Юльке по нескольку раз в день стал названивать какой-то мужик, я взорвался.

— Вот что, надоело мне это! — заявил я. — Не поедешь ты никуда, и точка.

В ответ жена разрыдалась, что случалось с ней нечасто.

— Ты что, с ума сошел?! — кричала она сквозь слезы. — Ты не представляешь, чего мне это стоит, какая там борьба идет за этот остров! Сказать, какие у меня конкурентки? Катька Здоровега — племянница ректора Киевского университета, Наташка Головка — дочь мэра Винницы, а Кристинка Притула, фотомодель, вообще знаешь, чья любовница?

— Мне наплевать, чья любовница Кристинка, мне важно, чтобы моя жена...

— Ты думаешь только о себе!

— А ты о ком? О муже? О ребенке? Или о том типе, который обрывает нам телефон?

— Так ты что, ревнуешь? — рассмеялась Юлька с облегчением. — Брось, вот это уж совершенно зря. Михаил Борисович очень приличный человек, тут ничего такого нет, да и быть не может. Уж поверь мне.

— И почему же я должен в это поверить?

— Да потому что он уже старик совсем!

— И сколько же ему лет, твоему старику?

— Ну не знаю, я ему в паспорт не смотрела. Но очень много! За пятьдесят — это точно.

В голосе Юльки была такая убежденность, что полтинник — это уже глубокая старость, что я чуть не рассмеялся. А потом огорчился. Ведь мне

самому скоро должно стукнуть сорок... Правда, пока я еще выгляжу вполне прилично, и женщины это замечают. Даже молоденькие. И я, грешная душа, иногда этим пользуюсь. Ну, люблю я прекрасный пол, что уж тут поделаешь. Наследственность у меня такая. И счастье еще, что Юлька в этом отношении вполне современная жена. Если и догадывается о чем-то, то скандалов не устраивает.

До последнего дня Юлька так и не знала, попала она в команду или нет. Но на всякий случай ко всему подготовилась, все продумала. И выяснилось, что попала — на мое несчастье.

— Увидишь, я обязательно выиграю приз! — щебетала она, собирая чемодан. Многочисленные наряды нужны были только для поездки в Москву. По правилам игры, на остров разрешалось взять с собой только одну какую-то вещь, и Юлька выбрала целебный шампунь, призванный защитить ее тонкие светлые волосы от морской воды и палящего тропического солнца. — Три миллиона рублей — это почти сто тысяч долларов и больше пятисот тысяч гривен. Это огромные деньги! Мы столько всего сможем купить...

— Не выиграешь ты ничего! — готовил я ее к худшему. — Съедят тебя там твои соплеменники. А еще скорей — соплеменницы. Из ревности к твоей красоте.

— Я не дамся! — смеялась она. — А за Светку не беспокойся. Сад работает до первого июля, но у мамы уже с семнадцатого июня отпуск, они с папой заберут ее на дачу, почти на все лето.

— Да, я все помню... Дельфиненок, а может, ты все-таки передумаешь? Дался тебе этот остров! Лучше купили бы путевки да съездили на море, хочешь со Светкой, хочешь — без нее. Куда-нибудь в Египет, в Анталию или на Кипр...

Но Юлька, казалось, не слышала:

— А какие перспективы передо мной откроются после «Кладоискателей»? Стану фотомodelью или буду сниматься в сериалах, а может, даже предложат передачу вести по телевизору... Как думаешь, мне какой купальник брать — этот или лучше тот?

И что я мог? Я мужественно стерпел все — даже съемку для будущей передачи, запечатлевшую, как любящие муж и дочь провожают кладоискательницу в далекие края. По требованиям телевизионщиков сцену проводов пришлось разыграть за четыре дня до настоящего отъезда.

Табло, около которого мы стояли, замигало, текст задергался, сменяя старую информацию на новую. Одновременно из динамиков зазвучал официальный женский голос:

— Шановни пассажиры! Оголошуеться посадка на рэйс 1452 Львив — Москва!

— Мой! Наконец-то! — Юлька наклонилась и торопливо чмокнула Светку, машинально пригладила почти растрепавшиеся белые волосики. — Ну пока! Не скучай, я скоро приеду и привезу тебе большую ракушку и настоящего краба.

— Мама, не уходи! — вдруг заревела девочка, и сейчас мне больше всего на свете хотелось к ней присоединиться.

— Герман, ну возьми же ее!

Я подхватил дочурку на руки, и оттого наш прощальный супружеский поцелуй вышел каким-то скомканным. Мыслями Юлька была уже на острове.

— Не плачь, доню! — утешал я. — Мама скоро вернется. Помашки-ка ей ручкой, а я пока подержу твоего Бараша...

Не переставая рыдать, Светка замахала ладошкой, но Юля этого уже не видела. Не оборачиваясь, она спешила навстречу приключениям.

Дочка меж тем расплакалась не на шутку, и я, чтобы утешить ее, не сразу отправился из аэропорта домой, а повез кататься по городу. Мы заехали в магазин игрушек, купили новое «Лего» — пони с тележкой и кукольную посуду, потом остановились около одного из моих любимых кафе, на улице Низкий замок. Светке я заказал большую порцию шоколадного мороженого с орехами и взбитыми сливками, себе же взял пятьдесят граммов коньяка. Обычно я, как всякий уважающий себя профессионал, не позволяю себе спиртного за рулем, тем более если в пассажирах Светка, но нынче день выдался особый, и выпить было необходимо.

Когда мы вышли из кафе и вернулись в мой старенький «Форд», уже вечерело, солнце клонилось к закату. Светка, утомленная обилием сегодняшних впечатлений, задремала на заднем сиденье, положив под голову своего кудрявого приятеля, и я старался ехать медленно и плавно, чтобы ее не разбудить. До дома было уже недалеко. Я свернул в узкий переулок — и вдруг перед лобовым стеклом мелькнула не пойми откуда взявшаяся фигура, раздался глухой стук, машина испуганно вздрогнула. Я резко ударил по тормозам и выскочил из автомобиля. У правого переднего колеса лежала высокая девушка. Лицо ее было бледно, глаза закрыты, длинные распущенные волосы темно-рыжего цвета разметались по асфальту, юбка задралась, обнажая красивые стройные ноги. Господи, и откуда она только взялась, как я мог сбить ее?! Неужели насмерть? Что теперь делать? Словно в поисках поддержки я оглянулся по сторонам, но

переулок был безлюден. Я склонился над девушкой, и тут, на мое счастье, она открыла глаза. Поморгала и с ужасом посмотрела на меня.

— Вы живы? — прерывающимся голосом спросил я.

— Кажется, да, — неуверенно отвечала девушка.

— Как вы себя чувствуете? Что у вас болит?

— Нога... — Она осторожно села, морщась от боли. Я опустил взгляд на ее бедро. От колена и выше колготки были разорваны, сквозь дыру виднелась широкая свежая рана.

— Я отвезу вас в больницу. Вы можете встать?

— Попробую, — опираясь на меня, она с трудом поднялась. Я помог ей добраться до машины и сел на переднее сиденье. За этой сценой с любопытством наблюдала проснувшаяся Светка.

— Гелман, а что ты делаешь с тетей? — поинтересовалась она.

— Доня, помолчи, не до тебя сейчас! — Я очень нервничал. — Черт, даже не соображу, где здесь ближайший травмопункт...

Светка обиженно засопела, но притихла.

— Не надо никакого травмопункта! — горячо заявила моя невольная жертва. — Лучше отвезите меня домой. Я живу на Двирцевой площади, недалеко от вокзала.

— Сначала обязательно нужно в больницу, там сделают рентген, посмотрят, нет ли переломов, сотрясения мозга...

— Нет-нет, с этим все в порядке, я чувствую. Просто ушибла ногу, вот и все.

Сколько я ни уговаривал девушку обратиться к доктору, она лишь отрицательно мотала головой:

— Нет, ни за что. Терпеть не могу эти муниципальные больницы! Грязь и нищета. У нас есть свой семейный врач, если что-то будет не так, я ему позвоню, он направит меня в хорошую частную клинику.

— Так, может, поедem прямо к нему, чтобы он сразу вас посмотрел?

— Нет, домой.

Мы вернулись в центр, быстро нашли нужный дом, въехали через высокую арку и остановились у одного из подъездов. Посреди двора рос огромный, только что отцветший каштан, крона его, как крыша, нависала чуть не над всем свободным пространством. Я помог девушке выйти из машины. Чувствовалось, что без моей поддержки ей трудно даже стоять. Я оглядел старинное, построенное не меньше века назад, здание.

— Вы на каком этаже живете?

— На самом последнем, четвертом, — виновато улыбнулась девушка.

— И лифта, конечно, нет?

— Нет... Даже не представляю, как я доберусь до квартиры.

Ее можно было понять. Путь предстоял непростой, если учесть, что в таких домах лестницы обычно крутые, а высота потолков метра четыре, а то и побольше.

Я стал прикидывать про себя. С девушкой все ясно, ее придется нести вверх на руках, с этим я справлюсь, я мужик крепкий. Но вот как быть с дочкой? Вскарabкаться на такую высоту без посторонней помощи ей будет не по силам. Придется оставить ее в автомобиле.

— Светик, — ласково обратился я к дочке. — Мне нужно помочь бедной тете добраться до дома. Видишь, она сама не может, у нее болит ножка. Ты посиди в машине, а я скоро вернусь.

Светка наморщила носик — это был плохой признак.

— Хочу с тобой! — заныла она.

— Со мной не получится, — принялся терпеливо объяснять я. — Там очень много ступенек, и они высокие-высокие. Ты сама не дойдешь, а взять тебя на ручки я не могу. А я тебе потом куплю «Киндер-сюрприз».

— Ну, ладно, — неожиданно легко согласилась Светка. — Только ты быстро.

Я включил свет в салоне, чтоб малышка не боялась, подхватил на руки ожидавшую окончания нашего разговора девушку и вошел в прохладный полутемный подъезд. Внутри не было ни души, мои шаги гулко отдавались под высокими сводами. Я нес свою ношу, крепко обхватив руками. Ее дыхание горячей волной касалось моей щеки и шеи, от рыжих волос шел горьковатый запах полыни.

— Вас как звать? — спросил я.

— Региной. А вас?

— Герман. Как вы себя чувствуете?

— Я никогда так хорошо себя не чувствовала, как сейчас, — засмеялась она.

Я улыбнулся:

— Я серьезно. До сих пор в себя прийти не могу. Откуда вы взялись? Вообще не успел заметить, как вы оказались на моем пути.

— Вы меня обижаете, — хихикнула она. — Разве меня можно не заметить?

Она была права — не заметить такую очень трудно, и я успел это рассмотреть почти сразу же: стройная, длинноногая, с аппетитными пухлыми губками и зелеными, в желтую крапинку, глазами. У меня есть давняя привычка сравнивать женщин с животными. Эта напомнила мне ящерицу из сказок Бажова, которыми я зачитывался в детстве. Были там

такие золотые ящерицы, кажется, даже Хозяйка Медной горы превращалась в одну из них.

— Вы настоящая женщина, — снова улыбнулся я. — Кокетничаете даже в таком положении.

— А что мне еще остается делать в таком положении? — Она сильнее обхватила меня за шею, и я почувствовал, как ее губы коснулись моего уха.

На дверях квартиры, перед которой она велела мне остановиться, висела табличка: «Профессор Збигнев Бартошинский».

— Похоже, я сбил профессорскую дочку? — Я осторожно поставил девушку на ноги.

— Вы совершили еще большее преступление — вы сбили профессорскую внучку, — засмеялась она, открывая двери.

Квартира была, очевидно, отнюдь не маленькой — во всяком случае, холл, в который мы вошли, оказался площадью метров двадцать, не меньше. Стены, от пола до потолка, сплошь заставлены книжными шкафами.

— Это библиотека моего деда, — объяснила Регина, зажигая свет — холл был без окон, а двери во все комнаты закрыты. — Он сейчас в Нидерландах, на международном конгрессе.

Прихрамывая, она кое-как доковыляла до стоявшего здесь же покрытого клетчатым пледом дивана и с облегчением повалилась на него. Я помог ей устроиться поудобней. Нисколько не смущаясь, Регина приподняла юбку и осмотрела рану. Я неловко переминался с ноги на ногу.

— Для начала надо приложить холодное, чтобы не было синяка, — авторитетно произнесла она. — Принесите, пожалуйста, лед из холодильника. Кухня вон там, вторая дверь направо.

— Да-да, — заторопился я.

В большом холодильнике я не сразу отыскал то, что было нужно. Открыл дверцу и бессмысленно глядел на свертки, банки и кастрюли, даже зачем-то снял крышку с одной из них, почему-то оказавшейся пустой.

— Лед в морозильнике! — донесся из холла голос Регины. — В морозиль-ни-ке!

«Ну да, конечно», — прошептал я. В морозильнике, кроме льда, ничего и не было. Кое-как вытряхнув лоток, я попытался насыпать его в ладонь, но обжигающие кубики выскальзывали из рук. Тогда я снял с крючка полотенце, завернул в него лед, отнес в холл и протянул узел Регине.

Рыженькая еще выше подняла юбку, так что обнажились черные кружевные трусики, соблазнительно оттенявшие молочную белизну ее

кожи. Рваные колготки она уже успела снять. Трусики были почти прозрачными, и я против своего желания не мог отвести от них взгляда.

— Приложите вот сюда! — показала она.

Я осторожно опустил узел на стройное бедро. Регина вскрикнула.

— Больно?

— Холодно, — тихо ответила она, накрыла своей ладонью мою руку и призывно взглянула мне в лицо.

И тут на меня накатила такая волна... Сам не знаю, откуда что взялось, ведь я только что проводил Юльку, и проводил по всем правилам — чтобы не забывала обо мне на этом своем проклятом острове. Звериное желание, вдруг проснувшееся внутри, даже испугало меня — до этого я каждую секунду помнил о том, что Светка ждет меня одна в машине, а тут все вмиг вылетело из головы. Я весь отдался захватившему меня течению; где-то в самом далеком уголке сознания еще горел слабый огонек тревоги... Но рыженькая одним движением гибкого тела потушила его: уж она-то точно не сопротивлялась, она очень даже не сопротивлялась, только повизгивала, когда ее кожи касались разбросанные по всему дивану холодные до колючести кубики льда. Очень скоро лед под нашими горячими телами растаял, и весь диван покрылся мокрыми пятнами. Нам уже ничего не могло помешать.

— Я рад, что наехал на тебя, — сказал я, одеваясь. — А ты?

— Мне под тобой было очень хорошо, — улыбнулась она в ответ.

— Нужно бежать, дочка уже, наверно, заждалась..., Тебе помочь дойти до спальни?

— Нет, не нужно, я сама. Знаешь, ты оказался отличным доктором! После твоего лечения нога уже почти не болит...

— Дай мне свой телефон, завтра позвоню, узнаю, как ты себя чувствуешь.

— А ты что, хочешь еще раз встретиться со мной? — она лукаво поглядела на меня сказочными зелеными глазами. Цвет их вызывал во мне какое-то смутное воспоминание, но сейчас мне некогда было об этом думать.

— Ну еще бы!

— Тогда лучше ты дай мне свой номер. У тебя ведь есть мобильный? А то знаю я вас, мужчин. Я буду ждать, а ты так и не позвонишь.

— Как скажешь, — я быстро черкнул в протянутом мне блокноте цифры. Пускай звонит сама, если ей так больше нравится. А Юльке всегда можно будет сказать, что это клиентка... Ах да, Юлька же теперь далеко, на острове. Ну что же, тем более.

— Все, побежал! — Я поцеловал ее в пухленький ротик и бегом ринулся вниз по лестнице.

Светки в машине не было. Все было так, как я оставил. Кроме нее. В салоне горел свет, на переднем сиденье лежали перевязанные веревкой коробки с новыми игрушками, заднее было пусто. Ни Светки, ни этого ее смешарика.

«Как же она могла выйти, ведь двери были закрыты? — лихорадочно размышлял я. — Она никогда не смогла бы их открыть, у нее просто силенок не хватит! Или все-таки научилась? Черт их разберет эту малышню, они так быстро все осваивают... Помню, уходил на работу, она еще ползала, а возвращаюсь — топает мне навстречу на собственных ножках и даже не держится ни за что.

— Светик! Светик! — позвал я, оглядываясь вокруг. Ответом мне была тишина. Я обежал двор, выскочил на улицу, заглянул в соседний, потом в другой. Сгущались поздние майские сумерки. Немногочисленные прохожие испуганно посматривали на меня и только мотали головой, когда я накидывался на них с расспросами, не видели ли они маленькую беленькую девочку в голубом платьице. Это было каким-то абсурдом, какой-то дикостью. Я просто не мог понять, что происходит.

Вконец растерянный, я вернулся в Регинин двор, к огромному каштану и своей опустевшей машине. Тут запиликал мобильник — звонила Юлька.

— Привет! — затараторила она. — Слушай, мы так быстро долетели, всего за четыре часа! Все в порядке, меня встретили, отвезли в гостиницу, поселили в отдельный номер. Номер, кстати, шикарный, с холодильником, с телевизором и даже с телефоном, представляешь? Слушай, Герман, Москва, оказывается, такая огромная! Мы столько ехали от аэропорта до гостиницы! И такая красивая! Особенно вечером, тут так здания здорово подсвечивают, обалдеть можно!

— Да-да, — бормотал я, просто чтобы не молчать. Ее звонок был как нельзя более некстати.

— Ну, а вы где ходите? — весело поинтересовалась Юлька. — Звоню домой, а там никто трубку не берет.

— Да мы тут со Светкой... — я судорожно придумывал, что бы такое сказать. — ...к Андрею зашли...

— Ты с ума сошел? У вас ведь уже почти десять, ребенку давно спать пора!

— Да мы... Уже домой едем.

— Ну, то-то же! Ладно, дай мне Светку, я ей пожелаю спокойной ночи.

— Юль, она... Задремала там сзади...

— А, вот оно что! А то я все не могу понять, почему ты так странно разговариваешь.

— Да-да! — ухватился я за эту отмазку, как утопающий за соломинку. — Боюсь ее разбудить.

— Ну ладно, целую вас! И тоже пойду спать, завтра у меня трудный день.

Беседуя с Юлькой, я ни на секунду не переставал шарить глазами по темным углам двора, выискивая знакомый матросский воротничок-капюшон Светкиного платица. Но тщетно, девочки нигде не было видно. А едва закончился разговор с женой, как телефон опять засветился и снова заиграл мелодию из «Кармен». Я взглянул на экран, чтобы определить номер звонившего, и удивился странной надписи «скрыт». -Да?!

— Куда это ты сейчас звонил? — спросил странный глуховатый голос.

— А вам какое дело? Кто вы?

— Такое дело, что твоя девчонка у нас. И не вздумай звонить в милицию, если хочешь получить ее назад живой и здоровой.

Я застыл на месте, чувствуя, что не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Раньше со мной такое случалось только в кошмарных снах.

— Слушай меня внимательно! — продолжал странный голос. — Девчонке твоей сейчас — я подчеркиваю: *сейчас!* — мы ничего плохого не сделаем.

— Сволочи! — вырвалось у меня.

— Тихо-тихо. Не зли меня, это не в твоих интересах. Твое дело — ждать наших дальнейших указаний. А потом, конечно, исполнять их. И знай, что мы наблюдаем за каждым твоим шагом. Мы люди серьезные. Сунешься к ментам или другую какую-нибудь глупость выкинешь, частного детектива там вздумашь нанять или еще что — пеняй на себя. Не удивляйся потом, если получишь свою Светку обратно по частям, в разных посылках.

Он довольно засмеялся, будто сказал что-то очень остроумное. Я задохнулся.

— Судя по тому, как ты пыхтишь, ты меня понял. Ну вот и веди себя хорошо, мальчик. Никому ничего не говори. Повторяю для тех, кто туго соображает: никому и ничего. Ведь тебе очень дорога твоя дочь, не правда ли? — На том конце не стали дожидаться моего ответа-в трубке раздались короткие гудки.

Не знаю, сколько еще времени я провел в темном колодце двора со старым каштаном посередине. А когда очнулся, то увидел, что так и стою, сжимая в руке сотовый, около своего «Форда», в салоне которого все еще

горит свет. Аккумулятор, наверное, вот-вот сдохнет. Я машинально сунул в карман телефон, открыл машину, выключил лампочку, запоздало включил сигнализацию. Ноги сами понесли меня уже в знакомый подъезд, вверх по лестнице, к высокой двери с медной табличкой: «Профессор Збигнев Бартошинский».

Регина открыла не сразу и предстала передо мной во всей красе: нога от колена перемотана бинтом, руки перепачканы йодом и зеленкой, рыжие волосы растрепаны — видно, что лежала.

— Ты! — радостно воскликнула она. — Вернулся?! Неужели уже успел соскучиться?

Но при одном взгляде на меня она, очевидно, сразу поняла, что мне сейчас не до шуток.

— Герман, что случилось? На тебе лица нет!

— Регина, у меня дочь украли... Только что... — я никак не мог перевести дыхание.

— Господи, да что ты такое говоришь! Она, наверное, просто вылезла из машины и убежала куда-нибудь. Ты хорошо искал?

— Я хорошо искал. А потом мне позвонили и сказали, чтобы я не искал.

— Что сказали? Кто позвонил? — похоже, рыженькая ничего не могла понять.

— Те, кто ее украл.

— Да ты что?... — Ее зеленые в крапинку глаза округлились, казалось, они вот-вот вылезут из орбит. — Даже так? Господи, ужас какой!.. Ты, наверное, хочешь в милицию позвонить, да? Телефон вон там, на столике.

— Нет, в милицию звонить нельзя ни в коем случае. Если они узнают об этом, Светке конец.

— Они так сказали? — Да.

— Тогда, наверное, и правда лучше не звонить... — Девушка осторожно опустилась на стул. — Я где-то читала... Похитители редко оставляют заложников в живых. Свидетели им не нужны, это очень опасно.

Меня передернуло, она это заметила и торопливо заговорила:

— Но у тебя ведь не тот случай! Твоя дочка ведь еще совсем маленькая, какой из нее свидетель! Надо верить и надеяться, что все будет хорошо. Чего они хотят от тебя? Денег? Сколько?

— Не знаю, они еще ничего не сказали. Только велели никому ничего не говорить.

— А ты вот сказал мне! — грустно улыбнулась рыженькая. — Знаешь, мне кажется, единственное, чем ты можешь спасти свою девочку, — это во

всем их слушаться. Постарайся все делать, как они велели, и никому об этом не рассказывать... А сейчас поезжай скорее домой — вдруг они позвонят туда?

— Ты права. Пока.

Через пятнадцать минут я уже был на пороге своей квартиры и, спешно открывая дверь, слышал, как внутри разрывается телефон. Как назло, руки дрожали, и я никак не мог попасть ключом в скважину. Когда я, наконец, справился с замком и подбежал к аппарату, на том конце уже положили трубку. Я выругался и бессильно опустился на пол. Но тут телефон вновь зазвонил:

— Да? — поспешно выкрикнул я. Но это были не похитители.

— Герман? — раздался сквозь помехи далекий женский голос. — Это Виктория.

— Кто?

— Ну я, Виктория, твоя сестра! Ты что, не слышишь меня?

— Нет, слышу, только очень плохо...

— И я тебя плохо слышу. Герман, у меня к тебе очень важное дело! Нам немедленно нужно увидеться!

— О чем ты, Виктория? Мне сейчас не до чего...

— Что? Говори громче!

— Я говорю, что мне сейчас некогда! — почти прокричал я.

— Все равно ничего не могу разобрать, что ты говоришь... Герман, ты слышишь меня? Я завтра же к тебе выезжаю, уже билет взяла. Встречай меня послезавтра вечером...

Глава 2 Герман. детство на улице Герцена

Виктории даже в голову не могло прийти, насколько лишним был для меня ее визит. Но, видимо, и у нее произошло что-то важное, если вдруг она решила преодолеть добрую тысячу километров, разделяющих Москву и Львов, только чтобы поговорить со мной. Признаться, я был сильно удивлен — раньше ничего подобного никогда не случалось. Мы практически не общались друг с другом, не виделись, наверное, уже лет десять, не переписывались и не созванивались. И дело не в ссоре или каких-то принципиальных разногласиях, из-за которых мы не поддерживаем отношений. Просто так получилось. Я знал Викторию с самого своего рождения и часто, даже очень часто, бывал в ее доме, но при этом ни я, ни она понятия не имели, кем мы приходимся друг другу. К тому же у нас разница шестнадцать лет, а это значит, что когда я пешком под стол ходил, она была уже вполне взрослым человеком, со своей взрослой жизнью, взрослыми интересами и взрослыми заботами. Занятая своими проблемами, которых у нее всегда было предостаточно, Виктория все эти годы практически не замечала меня. О том, что я ее брат, а она моя сестра, мы узнали сравнительно поздно, и ошеломляющее известие, свалившееся на наши головы, конечно, не сумело моментально сделать нас родными людьми.

История моя вообще не совсем обычна. Меня вырастила бабушка Барбара, или Бася, как называли ее в генеральской семье, в которой она прослужила верой и правдой почти всю свою жизнь. Родителей своих я не помнил и знал о них только по рассказам Баси. А она говорила, что мой отец был альпинистом и сорвался в пропасть во время восхождения на Эльбрус не только до моего рождения, но даже еще не успев узнать, что я должен появиться на свет. По ее словам, родители не успели расписаться, и оттого я носил фамилию мамы и бабушки — Шмидт.

Мальчишкой я часто пытался представить себе отца, и воображение рисовало что-то высокое, плечистое и мужественное, но очень расплывчатое — ни одной его фотографии в доме не было. Зато сохранилось много маминых снимков, и вечерами я очень любил, забравшись с ногами на диван, листать в уютном свете торшера плотные серые листы старого альбома, рассматривать приклеенные к ним черно-белые карточки и читать чернильные подписи, сделанные аккуратным округлым почерком Баси: «Берта и Вика в зоопарке, 20 мая 1949 года»,

«Первый раз в первый класс, 1 сентября 1952 года», «Берту приняли в пионеры, 22 апреля 1956 года», «Новый, 1959-й, год», «Выпускной бал, 25 июня 1962 года», «Берта с друзьями на Московском море, 12 июля 1962 года». Мама, тоненькая, белокурая, большеглазая, казалась мне самой красивой на свете. Больше всего она мне нравилась на фотографии с мотоциклом — одетая, как парень, в брюки и кожаную куртку, мама держит в руках мотоциклетный шлем и улыбается, а ветер играет ее длинными волосами. А бабушка не любила этот снимок, потому что именно на этом мотоцикле мама разбилась, не вписавшись на скорости в поворот, когда мне было всего два года.

Мы с бабушкой жили на одной лестничной площадке с ее хозяевами: героем войны генералом-лейтенантом Валерием Курнышовым, его женой Марией Львовной, пышноволоосой и черноокой, и их дочкой Викторией. Правильнее будет сказать, даже не на одной лестничной площадке, а в одной квартире.

В дореволюционные времена «приличные» дома всегда строились с учетом запросов состоятельных людей. В любом, даже относительно скромном по тем меркам, комнаты так в три-четыре, жилье всегда делалось помещением для прислуги. У нас же это была не просто каморка за кухней, а целая отдельная квартира, с собственным входом, с ванной, прихожей, кухней и большой жилой комнатой. В ней и обитали мы с Басей, а генеральская семья занимала «барскую» квартиру — из семи комнат, общей площадью под двести квадратных метров. Только став взрослым, я узнал, что обе квартиры на одной площадке имеют общего ответственного квартиросъемщика. И все мы — и я, и бабушка, и мама, пока была жива, и генерал с женой и дочкой — были записаны на одном лицевом счете. Ну, вроде как большая семья.

Бабушка служила у Курнышовых экономкой, покупала продукты, готовила еду, сдавала белье в стирку, мыла окна, натирала полы мастикой, смахивала пыль с завитков антикварной мебели. До смерти генерала я почти каждый день бывал в соседней квартире и очень гордился, когда Курнышов заглядывал к нам. Но это почему-то случалось нечасто. Бабушка всегда добродушно ворчала:

— Ой, смотрите, Мария Львовна прознает... А генерал бодро отвечал:

— Не прознает, она сегодня у портнихи, раньше девяти не придет!.. Налей-ка мне лучше чайку покрепче, а ты, Герман, тащи шахматы, я тебя обыгрывать буду.

Приносились шахматы, расставлялись фигуры. Начинался упоительный бой. А надо сказать, что мы с моим закадычным дружкой

Сашкой Семеновым с шести лет занимались в кружке юного шахматиста при Доме пионеров, и там я быстро приобрел кое-какой опыт по части применения коварных ходов. Многие взрослые, усаженные по настоянию генерала со мной за доску, очень быстро меняли снисходительное отношение сначала на удивление, затем на восхищение, а далее на азарт. Финальная реакция противника зависела от того, кто выигрывал. Если гость первым говорил «мат», то в его глазах можно было прочесть: «Да, ты силен, малыш, но и я не лыком шит!» Если же удача улыбалась мне, то мой противник смущенно улыбался или преувеличенно громко смеялся и выдавал что-нибудь в духе: «Вот молодежь пошла!», «Ну, это я просто поддался» или «А куда это моя ладья так незаметно запропастилась?». Генерал обнимал проигравшего и уверял его, что продуть мне совсем не стыдно, а ладья ушла, потому что зевать не надо. Но второй раз играть со мной никто не садился.

Шахматы у меня были необыкновенные, не деревянные и не пластмассовые, а янтарные, из светлого и темного камня. Искусно вырезанные фигурки вызывали у проходящих ко мне приятелей нескрываемую зависть, и даже взрослые, пощелкав ногтем по полупрозрачным бежевым и коричневым клеткам доски, редко удерживались от восхищенного «Ого!». Эти шахматы я получил в подарок от генерала на свое восьмилетие. Он поощрял мое увлечение и был, по моему, очень счастлив, что его подарок не пылится на полке. Сам Курнышов играл неплохо, обычно сдержанный и рассудительный, наверное, только во время шахматных баталий со мной и позволял себе проявлять эмоции. Он то и дело удивленно кричал, нервничал, теряя фигуры, обдумывая ход, постукивал ногой об пол, а в драматические моменты даже вскакивал. Когда проигрывал, жал мне руку, широко улыбался и говорил неизменное: «Ну, Герман, как ты меня... как ты меня!» Когда же он сам победно выкрикивал: «Мат!», то его радости не было предела. «Есть еще порох в пороховницах!» — довольно заявлял он, расплываясь в широкой улыбке и оглаживая лысину. Потом он хлопал себя по карманам, вытаскивал оттуда мелочь, давал ее мне «на ситро и на кино», обнимал на прощание и уходил к себе.

— Бабушка, а что такое ситро? — спросил я, когда это случилось в первый раз.

— Лимонад раньше такой был, вроде твоего любимого «Буратино», — отвечала Бася.

Возможность таким легким способом заработать «на ситро» сначала смущала меня, однако потом, насладившись благами, которые давали

деньги, я стал часто поддаваться. В один из таких счастливых для меня проигрышей генерал посмотрел исподлобья тяжелым взглядом, смахнул рукой свою победоносную армию вместе с жалкими остатками моей и, с грохотом отодвинув стул, встал.

— Запомните, молодой человек, — строго сказал он, обратившись ко мне, к моему ужасу, на «вы», — я люблю побеждать. Но — побеждать, а не играть в победу! А если вы полюбили проигрывать, это не делает вам чести.

Суровый тон, каким были сказаны эти слова, будто окатил меня ледяной волной. От этого холода мне стало жарко-жарко. Я покраснел и не знал, куда деть глаза от стыда.

С того дня я стал бояться проигрывать, а это только мешало. И я начал жульничать. Стоило генералу отвернуться, с его поля пропадали фигуры. Он не замечал, и я снова легко выигрывал. Но Бася как-то сказала мне:

— Герман, а тебе не совестно *так* выигрывать? Ведь ты же просто ворующь победу.

Мне снова стало стыдно, и я заплакал.

После ее слов я стал бояться садиться с генералом за шахматы и старался увильнуть от игры под любым предлогом. И взрослые, как я догадался лишь много лет спустя, организовали против меня заговор. Скорее всего, это бабушка смекнула, в чем дело, и, видимо, поделилась своими догадками с генералом. Однажды поздним вечером, когда мне, десятилетнему пацаненку, было уже *не* с руки говорить, что «надо к Сашке переписать задание на завтра», к нам пожаловал генерал.

— Ну что, — бодрым голосом сказал он, — сыграем? Я понуро побрел расставлять фигуры.

— Мы с тобой будем играть на интерес, — кинул мне вдогонку генерал.

— На интерес?... — не понял я.

— На интерес — значит, на деньги, — Курнышов полез в карман.

— На деньги? Но у меня... — начал было я, но генерал остановил меня.

— Я тебе дам в долг для начала. Отыграешь — твои.

И, надо сказать, именно с этой игры, когда «ситро и кино» мне могло принести не поражение, а выигрыш, я обрел душевное равновесие и волю к победе: боролся, как лев, за каждую фигуру, был предельно собран и нацелен только на успех. В тот раз я поставил ему мат за двадцать три хода. Курнышов пожал мне руку, и я с радостью заметил, что он совсем не огорчен своим промахом. Наоборот, в его глазах светилось такое торжество,

будто это не его король, а мой был загнан в угол доски мощным ферзем, резвым конем и несокрушимой ладьей.

— Молодец! — искренне воскликнул он, вручая мне деньги, да не мелочь, а целый рубль! И с тех пор повторял это слово и действие каждый раз, когда я выигрывал. А побеждал я, довольный тем, что недоразумение разрешилось столь благоприятно, довольно часто.

— Да ты разоришь меня, — смеялся генерал, доставая очередную желтую бумажку или, изредка, большую серебристую монету.

Бабушка только головой качала, наблюдая, как ее внук складывает свою добычу в коробку из-под зефира:

— Какие-то легкие деньги, не испортить бы мальчишку.

— Легкие? — не соглашался генерал. — Легкие — это когда украл, а здесь все по-честному: игра есть игра.

— Но не на деньги же! — сокрушалась Бася.

— Почему — нет? Мужчина должен уметь играть в карты, шахматы и бильярд. А игра без интереса — не игра, а так, кружок «Умелые руки».

Но если случалось, что Мария Львовна приходила от портнихи раньше, чем мы заканчивали свою мужскую игру, то это всегда оборачивалось конфликтом в соседней квартире. Один раз я не удержался, тихонечко подкрался к комнате, где происходила ссора, и принялся подслушивать под закрытой дверью, но мало что услышал и почти ничего не понял. Генеральша строго отчитывала супруга, а тот вяло возражал что-то своей половине, но было ясно, что он полностью признает ее правоту. Я не мог понять, почему генералу нельзя к нам ходить, ведь бывал у них и я, а бабушка так вообще проводила целый день в «барской» квартире, наводя порядок и занимаясь стряпней. Я спросил об этом у Баси.

— Генерал должен быть там, где его всегда могут найти, — отвечала Бася. — А вдруг война, пришлют за ним солдата — а командира и дома нет. Такое объяснение меня вполне устроило.

К генералу часто приходили его боевые друзья. Накрывался большой круглый стол в зале, бабушка суетилась с тарелками и закусками, бегала туда-сюда на кухню и обратно, Мария Львовна помогала ей. Если я оказывался в такой момент рядом, генерал усаживал меня подле себя.

— Садись, парень, ближе, — говорил он. — Садись и слушай.

— Зачем ребенку наши разговоры? — встревала Мария Львовна. — Пусть идет погуляет во двор.

— Во дворе он такого не услышит. Пусть мужчина растет мужчиной, — хлопал ладонью по столу генерал и этим как бы ставил точку.

Мария Львовна, как я слышал от бабушки, почти всю войну была

рядом с мужем. Но если Валерий Курнышов и в старости сохранил военную выправку и какую-то особую, истинно генеральскую, статью, заметную не только, когда он надевал увешанный орденами китель и брюки с лампасами, но и в обычном спортивном костюме, то генеральшу, с ее расплывшейся фигурой и визгливыми нотками в голосе, я ну никак не мог представить себе на поле боя. Однако когда Валерий Андреевич доставал альбомы с фотографиями и, дымя сигаретой, рассматривал старые снимки, я с трудом, но все-таки узнавал в молодой черноволосой женщине в шинели, строго глядящей в объектив, нынешнюю Марию Львовну. Большие выразительные глаза и прямой пробор гладко уложенных волос были как опознавательный знак. Уже будучи в возрасте, она в первую очередь привлекала к себе внимание именно черными горящими глазами. И волосы были по-прежнему стянуты в тугий пучок на затылке. Мария Львовна красила их в иссиня-черный цвет, но неизменный пробор на голове предательски посверкивал серебром. Я не помню ее улыбающейся: генеральша всегда была сосредоточена на каких-то важных взрослых делах. По мне, она была очень строгой. Я немножко ее побаивался. Часто замечал, что жена генерала пристально меня рассматривает, словно хочет увидеть на моем лице что-то особенное. Я смущался и отводил глаза.

— Герман, разве тебя не учили, что, когда разговариваешь с человеком, надо смотреть ему прямо в глаза? — Мария Львовна любила делать замечания.

— Учили... — мямлил я и еще ниже опускал голову. В день своего одиннадцатилетия я стал свидетелем очередного, пожалуй, самого бурного за всю историю скандала генерала и Марии Львовны. Вышло это из-за того, что, по заведенной традиции, мои дни рождения всегда отмечались на генеральской половине. Я привык к этому, но как же завидовали мне мои приятели, приглашенные в этот день в гости! Семикомнатные хоромы, наградная сабля на стене и вид Курнышова в генеральской форме с орденами на груди производили на них неизгладимое впечатление. В такие дни еду подавали не как обычно — в столовой, а в зале, где накрывался тот самый большой стол, за которым сживали друзья генерала.

Начало торжества я помню смутно. Был мой лучший друг Сашка Семенов и еще с полдюжины приятелей — одноклассников и товарищей по двору, был сам генерал, была Мария Львовна, разумеется, была моя бабушка Бася и еще, совершенно точно, Виктория, хотя она появлялась на моих днях рождения нечасто. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — к моему одиннадцатилетию ей уже исполнилось двадцать семь, она успела закончить Консерваторию по классу скрипки, выйти

замуж, развестись, устроиться в оркестр Большого театра и уйти оттуда!

Итак, мы уселись за стол. В честь праздника передо мной был поставлен бокал венецианского стекла — одна из самых больших ценностей в доме. Таких бокалов в генеральской семье было два, каждый с цветным изображением. На одном нарисована Ева с надкушенным яблоком в руке, на другом — Адам, протягивающий руку в сторону. Когда бокалы ставили рядом, получалась копия с известной гравюры Дюрера, только вольная — неизвестный мастер, создавший эти фужеры, превратил черно-белое изображение в цветное. В его интерпретации волосы Евы приобрели восхитительный рыжеватый опенок, а змея, свисающая с ветки Древа познания, стала изумрудно-зеленой в золотистую крапинку. В тот день мне налили вишневый компот как раз в бокал с Евой, фужер с Адамом, по традиции, был в руках у генерала.

— Ну что, за именинника! — поднял он первый тост. — За его одиннадцать лет, которые он прожил на этой земле.

Все потянулись ко мне со своими бокалами (попроще, но тоже старинными и очень красивыми), комната наполнилась мелодичным перезвоном. Тут же настенные часы пробили пять часов вечера — бум-бум-бум-бум-бум, — и праздник начался. Я гордился перед друзьями и моим генералом, и этим большим залом, заставленным горками со стеклянными витринами, посудой и всякими дорогими диковинами, старинной мебелью с замечательными охотничьими сценами, шикарной сервировкой стола: белоснежной крахмальной скатертью, серебряными приборами, дрезденским сервизом на двадцать четыре персоны и фужерами из цветного стекла. Мальчишки, конечно, стеснялись взрослых и такой торжественной обстановки, сидели тихо-чинно, не произносили ни слова, кроме «спасибо» и «пожалуйста», и изо всех сил старались есть красиво, ничего не разбив, не пролив и не уронив. Мне перед генералом и Марией Львовной было за них не стыдно.

— А ну-ка, виновник торжества, подойди сюда! — пробасил Курнышов с того конца стола. Я оторвался от вкуснящей рыбы под маринадом и приблизился к нему. Генерал, улыбаясь, протянул мне какой-то сверток, напоминающий по форме большую книгу.

— С днем рождения! Расти большой, оправдай наши надежды! — Он крепко, по-мужски, пожал мне руку.

Я торопливо разорвал бумагу и с трудом удержался, чтобы не заорать от восторга. Внутри был кляссер для марок — толстый, новенький, остро пахнущий кожей. А я к тому времени уже месяца четыре просто бредил филателией, собирал конверты со всего дома, осторожно отпаривал марки,

менялся с Сашкой и другими друзьями и хранил свою коллекцию в коробке из-под печенья «Светлячок». О специальном альбоме я и мечтать не смел — они были слишком дороги. Само появление кляссера уже было для меня неземным счастьем, а тут, приоткрыв его, я убедился, что альбом еще и не пустой — по крайней мере несколько плотных желтых страниц с кармашками в виде узких прозрачных полосок были заполнены разноцветными квадратиками и треугольниками.

— Ну-ну, не увлекайся, потом посмотришь! — добродушно проговорил генерал. — А сейчас иди на место, да только не садись! Второй тост за родителей, нам его надо пить стоя. Помянем твою маму, пусть ей земля будет пухом...

И тут — не знаю, что потянуло меня за язык, должно быть, ошалел от радости, что сбылась моя мечта, — я ляпнул:

— А почему только маму? И папу надо! Тост ведь за родителей, значит, за обоих. За маму, ну, и за отца. Пусть и ему земля будет пухом!

И сам не понял, почему взрослые вдруг так прореагировали на мои слова. Мария Львовна как-то нервно и злорадно засмеялась, генерал побледнел, а бабушка выронила из рук бокал, закрыла лицо руками и выбежала из зала. Курнышов нахмурился, встал и вышел вслед за Басей. Мария Львовна тяжело вздохнула, обвела взглядом нашу притихшую компанию и сказала:

— Вот так, юноши, бывает в жизни.

Мы дружно засопели носами, и, хотя никто так и не понял, что же, собственно, произошло, постарались на всякий случай принять важный вид.

— А что случилось, мама? — растерянно спросила Виктория, но та ей не ответила.

Неловкость замяли, генерал вернулся и как ни в чем не бывало уселся за стол рядом с супругой, Бася быстро подмела осколки разбитого фужера, вытерла пятно от разлитого вина и вскоре уже подавала горячее, а потом и свой фирменный торт «Высокий замок». Торт был большой, но мы с ребятами смели его за десять минут, после чего нам позволено было выйти из-за стола и поиграть, только не очень шуметь.

— Отдыхайте, орлы, квартира в вашем распоряжении! — напутствовал нас генерал.

— Кроме спальни и комнаты Виктории! — уточнила Мария Львовна. — Ну и, конечно, кабинета.

— Да ладно, что уж там! — милостиво разрешил ее супруг. — Можете и в кабинет зайти. Только чтобы ни в столе, ни на столе ничего не трогать!

Мы с Сашкой первые вскочили и вылетели из зала, за нами, с радостью, переходящей в буйство, бросились остальные ребята. Что может быть привлекательнее для мальчишек, чем кабинет настоящего генерала? Такую возможность нельзя было упустить. Чего там только не было — и полевой бинокль, и кобура для пистолета «ТТ», и именной кортик, и рында с корабля «Смелый», и альбомы с изображениями нашей и иностранной техники, и старые военные карты, и коллекция солдатиков в диковинном обмундировании — словом, целое богатство. Время так незаметно пролетело, что, когда на пороге появилась Бася и сказала, что уже поздно и ребятам пора домой, мои друзья ахнули. Нам дали еще полчаса на все про все, затем последовал ритуал прощания с гостями. Каждый получил свой подарок — так было принято в генеральской семье. Мальчишкам вручили по маленькой иностранной машинке — тогда это было целое состояние — и по пакетику с бананом, апельсином, яблоком, конфетами и парой Васиных пирожков.

Проводив друзей, я вернулся в пустой зал, где давно убрали со стола, отыскал свой кляссер, залез с ногами в большое кресло, полностью меня поглотившее, стал рассматривать подаренные марки и сам не заметил, как уснул. Сквозь дрему я ощутил чье-то осторожное прикосновение. Кто-то очень бережно, явно стараясь не потревожить мой сон, взял меня на руки, и я, не открывая глаз, понял, что это генерал — догадался по характерному запаху ароматного табака «Золотое руно». Курнышов аккуратно опустил меня на диван, накрыл теплым пушистым пледом, заботливо его подоткнул, а потом вдруг поцеловал в лоб.

— Мальчик мой, — прошептал он, и в его голосе было столько нежности, что в другое время я, не привыкший к таким проявлениям с его стороны, наверное, очень бы удивился. Но в тот момент я был в полудреме. А когда проснулся, то уже не был уверен, что это мне не приснилось.

Вокруг было темно и незнакомо, и мне понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, где я нахожусь. Я сел на диване и стал всматриваться в выступающие из темноты предметы. Но вот за стеной часы пробили двенадцать раз, и все мои сомнения развеялись. Конечно же, я в генеральской квартире!

Очень хотелось в туалет. В одних носках — ботинки с меня сняли, а надевать и зашнуровывать их вновь было лень — я пробежал по залу и вышел в коридор. Миновал два поворота и уже почти добрался до цели, как вдруг услышал из-за дверей гостиной громкие голоса и странные булькающие звуки. Я остановился у двери, прислушался (мне это было не впервой) и вскоре понял, что это за шум. В гостиной плакала Мария

Львовна, она, как это называется, *выясняла отношения* с мужем.

— Ты думаешь только о себе! — говорила она сквозь рыдания. — Ты всегда все делал так, как тебе хотелось.

— Маша, ну сколько можно: одно и то же!

— А ты что хотел... Чтобы я молчала, молчала да еще радовалась?! — Мария Львовна сорвалась на крик.

— Тише, ребенка разбудишь...

— Ты так о дочке своей, о Вике, не печешься, как об этом мальчишке!

— Ну зачем ты так? Я люблю Вику, и ты это прекрасно знаешь.

— У девочки и так неприятности — и в работе, и в личной жизни! А теперь еще ты хочешь лишить ее всего...

— Не говори так, Маша. Да, я виноват. Перед тобой, перед этим мальчишкой, перед... перед Басей. Но что же мне теперь-то делать?! Что?! Душа ведь болит. Думаешь, мне легко жить с этим?

— Раньше надо было думать! Прежде чем ложиться в постель с этой!.. С этой!..

— Не смей ничего о ней говорить, слышишь?! Тишина, наступившая в комнате, то и дело прерывалась всхлипываниями Марии Львовны.

— Ну, хорошо, — вновь заговорила генеральша, и в голосе ее слышались просящие нотки. — Я и так сделала для тебя все, что могла! Он живет здесь, рядом с тобой, постоянно у тебя на глазах. И я терплю его, хотя один бог знает, чего мне это стоит! Но зачем же усыновлять?... Ты же опозоришь этим и меня, и Вику...

— Маша! — Генерал явно был раздражен и еле сдерживал себя. — Я же объяснил тебе, что с усыновлением ничего не получилось!..

— И слава тебе Господи! — прошелестела генеральша, но Курнышов не обратил внимания на ее слова.

— Мне объяснили, что по закону я не имею права его усыновлять. Видите ли, я уже стар для этого! Так что речь идет не об усыновлении, а о завещании.

— О завещании? Ты что же, хочешь?...

— Да, Маша, хочу! Я хочу быть честным перед сыном и перед собой. Он же моя кровинка, и я люблю его, черт возьми!

— А о другой твоей кровинке, о Вике, ты подумал?

— Представь себе, подумал! Ничего с ней не случится из-за того, что она получит не все картины и стекляшки, а только половину. Уж поверь, бедствовать она не будет.

— Да я даже не об этом! Неужели ты не понимаешь, каким это будет для нее ударом?! Узнать всю правду. Какой позор!

— Успокойся, Маша. Вот, выпей воды.

— Я спокойна! — В комнате раздался звон.

— Ну вот, разбила мой любимый бокал, — печально констатировал генерал. — Теперь не будет у нас Адама, одна Ева останется... А с Викторией я поговорю сам. Она уже взрослый человек, как-никак больше четверти века за спиной, она поймет.

— Что поймет? Что ее отец, боевой генерал, уважаемый человек, добропорядочный семьянин, оказался любителем малолеток и чуть под статью не попал за растление несовершеннолетней?! — Мария Львовна была в бешенстве. — Да если бы не мой отец, ты бы потерял и свои звезды, и все свои ордена, и доброе имя!

— Да, твой отец, царствие ему небесное, хороший был мужик. Но, черт возьми, лучше бы я потерял все — и звезды, и ордена, и доброе имя, — но зато не слушал бы каждый день твоего нытья, не видел бы этой гримасы, с которой ты на него смотришь! Да, я виноват. Сто, тысячу раз виноват. Но чем виноват ребенок?! Чем?! — Чувствовалось, что генерал уже не владел собой.

— Тем, что я его ненавижу! И этого щенка, и его мать, твою шлюху малолетнюю! Счастье еще, что она сдохла! Ненавижу, ненавижу, ненавижу! — Мария Львовна орала в полный голос и, судя по звуку, колотила по чему-то кулаками.

— Заткнись! Заткнись, слышишь! Убью... — Голос генерала сорвался и перешел в хрип.

Я стоял под дверью, ни жив ни мертв, забыв даже, куда и зачем шел.

— Что с тобой? — в ужасе закричала вдруг Мария Львовна. — Валера?! Валерочка, тебе плохо?

Генерал сдавленно прохрипел что-то, но я не разобрал его ответа.

— Я сейчас, сейчас. Врача... Лекарство... Неотложку... — забормотала его жена.

Послышались шаги, и я в ужасе кинулся прочь, в считанные мгновения вернулся в зал, захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной, пытаюсь унять сердцебиение. Я мало что понял из услышанного, но твердо осознал одно — в моих интересах скрыть ото всех, что я стал свидетелем этого разговора. И я решил, что никому не стану об этом рассказывать.

Очень хотелось в туалет. Я выждал некоторое время, прислушался: вроде все было тихо. Больше ждать не было никаких сил. Я тихонько выглянул и только хотел выйти, как вновь послышался шум, и я вновь испуганно закрыл дверь. Судя по звукам, Мария Львовна помогала генералу дойти до спальни.

— Вот так, так... — приговаривала она. — Потерпи еще чуть-чуть. Сейчас ляжешь в кровать, и все будет хорошо...

Но я лично терпеть больше не мог. Вспомнилось, что на одной из горок в зале стоял большой кубок — подарок генералу. Я подставил стул, снял со шкафа кубок и облегченно расстался с содержимым мочевого пузыря. Теперь надо было решать новую проблему — с кубком. Я подождал минут десять в надежде, что путь к туалету свободен, и вновь отправился к заветной комнате. Но меня опять подстерегала неудача — дверь в спальню была открыта, в коридор падала полоска света, и доносились голоса: взволнованный — Марии Львовны и сдавленный — генерала, невнятно бормотавшего что-то вроде: «Ничего, прорвемся!» Пройти мимо спальни незамеченным не было никакой возможности. Надежда избавиться сейчас от содержимого кубка испарялась на глазах. Сначала я ждал в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, потом вернулся в зал, поставил кубок в угол и сел на диван.

«Утром, — решил я, — незаметно вылью это в туалет». Я прилег, сон сморил меня, я отключился и проснулся уже на рассвете. В квартире была какая-то странная суета, слышались незнакомые голоса, сильно пахло лекарствами. Я вышел и наткнулся на хмурую Басю. Она была необычно бледна, нос ее как-то заострился, глаза покраснели и припухли, точно она не спала всю ночь или много плакала.

— Ба, что случилось? — испуганно спросил я. Меня пугали перешептывания взрослых, всхлипы, доносившиеся из генеральской спальни.

— Сегодня ночью скончался Валерий Андреевич, — сказала она, сжав губы. — Иди домой и сиди там.

— Валерий Андреевич? — переспросил я. — А кто это?

— Валерий Андреевич — это Валерий Андреевич.

— Генерал?! — ахнул я. — Не может быть!

Глава 3 Виктория. детство на улице Герцена

Путь от Москвы до Львова был неблизким. Шутка ли — целые сутки в поезде! Самолетом, конечно, быстрее, но летать Виктория не любила — при взлете и посадке у нее почему-то всегда разбалчивалась голова. Да и стоил билет на поезд намного дешевле. Теперь, когда в ее жизни появился Игорь, она стала не то чтобы жадной, но, скажем так, экономной.

За двадцать три с лишком часа Виктория успела познать все прелести дороги из Москвы на Западную Украину — дважды за ночь была разбужена для встречи с пограничниками и таможенниками обеих стран, полюбовалась бескрайней красотой Днепра, вдоволь наелась свежайшего «Киевского» торта, который предприимчивые жительницы украинской столицы приносили продавать прямо к поездам, купила мягкую игрушку в Конотопе и два кило крепких, румяно-красных яблок в Жмеринке.

Куле у них получилось чисто женское. Попутчицами оказались бойкая украинка, торгующая в столице на рынке и теперь ехавшая навестить своих с огромными баулами, и две москвички, мать и дочка лет шестнадцати, обе такие свеженькие, веселые и жизнерадостные, что Виктория даже приняла их сначала за сестер. Едва поезд отошел от вокзала, хохлушка тут же принялась рассказывать о жизни в родной деревне, о ненаглядном маленьком сынишке Хриньке, которого видит четыре раза в год, стала показывать гостинцы и ругать бывшего супруга, никчемного и непутевого. Разговор быстро перешел на мужчин и уже не сходил с этой благодатной темы на протяжении всего пути. Украинка призналась в своей симпатии к хозяину Алику, который «хоть и хачик, но мужик что надо», мама с дочкой наперебой щебетали о своих сердечных делах, и Виктория, не удержавшись, тоже поведала попутчицам о своей столь внезапно и столь счастливо обретенной любви. Даже говорить об Игоре — и то было для нее величайшим наслаждением, она могла бы делать это, не переставая, на протяжении многих и многих часов. И попутчицы реагировали именно так, как надо — слушали внимательно, ахали, удивлялись, вздыхали: «Ведь бывает же! А говорят, нету настоящей любви!» — и, казалось, искренне радовались за нее и желали ей счастья.

Расставались почти как родные. Хохлушка сошла в Хмельницком, расцеловавшись со всеми и только что не всплакнув, мама с дочкой ехали дальше, до Ужгорода. При подъезде к Львову Виктория, уже полностью

собранный, стояла с вещами в коридоре и глядела в окно, соседки по купе вертелись рядом.

— Уже совсем скоро. И лучше с этой стороны смотреть, отсюда вид просто бесподобный! — говорила старшая.

— Обожаю Львов, он такой красивый! — вторила ей младшая.

Их руки лежали рядом на поручне, и взгляд Виктории невольно сравнил пухленькую ладошку юной соседки с собственной, и сравнение это оказалось никак не в пользу Виктории — кожа дряблая, морщинистая, на пальцах уже заметно выделяются суставы. Увы, время не обманешь... Даже если тебе повезло с фигурой — на свое счастье, Виктория комплекцией пошла не в склонную к полноте мать, а в отца, остававшегося стройным и подтянутым до самой старости. С тех пор как в ее жизни появился Игорь, Вика стала очень следить за собой, не реже раза в неделю посещала салон красоты и даже сделала несколько очень дорогих косметических операций, ради чего пришлось продать одну из лучших картин — летний пейзаж Левитана. Так что с лицом у нее сейчас все было в порядке, но вот шея и руки, неподвластные ухищрениям современной медицины, предательски выдавали возраст. Когда Виктория работала в Большом театре, одна старая примадонна любила повторять, что с годами лицом женщины становятся шея и руки. Тогда Вику, еще молоденькую, эта поговорка приводила в недоумение. А теперь каждый раз, когда Игорь брал ее за руку или целовал кисть, у нее болезненно сжималось сердце.

«Господи, — подумала Виктория, — почему все так? Только-только начинаешь понимать всю прелесть жизни, только-только ощутишь свободу от условностей, предрассудков, каких-то обязанностей, а старость — вот она. На пороге. А сколько же еще хочется: и одеться красиво, и жизнь посмотреть, и даже — она закрыла глаза и сладко вздохнула, — завести семью».

Мысли ее то и дело возвращались к Игорю. Не проходило и четверти часа, чтобы она не подумала о нем. С думами о любимом Виктория засыпала, почти каждую ночь он снился ей во сне — вне зависимости от того, проводили они эту ночь вместе или порознь, первая ее мысль, когда она просыпалась утром, тоже была о нем. Его образ, еще чуть в смутной дымке полудремы, появлялся у нее перед глазами, и тогда Виктория замирала от счастья, больше всего на свете боясь, что все это окажется сном. Не может быть, чтобы Игорь, такой красивый, такой замечательный, такой заботливый, существовал на самом деле, просто не может быть, чтобы он любил ее, Викторину, да еще *так* любил... Она была счастлива. По-настоящему счастлива, впервые в жизни.

— Ну вот, въезжаем во Львов! — прокомментировала мама-попутчица, и Виктория, прерванная в самый разгар своих радужных мыслей, торопливо схватилась за вещи.

— Не спешите, еще не пора, тут до вокзала долго ехать, чуть ли не полчаса, — успокоила ее дочка. — Красиво, правда?! Обожаю старые города!

Виктория полностью разделяла ее восторги. Ей тоже всегда нравились старинные города. Они как антикварная вещь: их можно рассматривать до бесконечности. Вот так возьмешь какую-нибудь серебряную солонку из далекого века, начнешь вертеть ее перед глазами: кто те люди, первыми насыпавшие в нее соль, какая судьба была им уготована, сколько соли было съедено за семейным столом, какие разговоры слышала солонка? Никто не знает. Один Господь. Можно, конечно, пофантазировать, но это не то. Как бы узнать наверняка? Если бы только вещи могли говорить... Но они молчат — хранят семейные тайны.

Вечернее солнце в самом выгодном свете представляло старые, столь непохожие на московские, дома, уютные дворики, полные деревьев и цветов, узкие улочки... Вот из окна в окно на уровне третьего этажа протянута веревка, и на ней висит белье. Надо же, как это мило! Подобную картину Виктория недавно видела в каком-то итальянском фильме, годов, кажется, пятидесятых. Когда все эти хлопоты закончатся, они с Игорем обязательно поедут в Италию. Будут гулять, взявшись за руки, по таким вот старинным улочкам, мощенным булыжником, будут пить местное вино, есть настоящие спагетти, кормить голубей на главной площади Рима, увидят Колизей, Пизанскую башню, Флоренцию и Венецию... Да-да, Венецию! Закажут гондолу и всю знойную южную ночь будут плавать по каналам, а стройный гондольер со жгучими очами будет чудным голосом петь им баркаролу.

— Ну, подвинься, совсем меня в угол оттеснила! — старшая попутчица шутливо толкнула дочь округлым бедром.

— Сама подвинься, все окно занимаешь! — повторила ее движение младшая.

Соседки по купе весело завозились, и Виктория посмотрела на них с нескрываемой завистью. Ничего подобного в отношениях со своей матерью она и представить себе не могла. Ни о какой возне, шутках, необидных подначиваниях не могло быть и речи. Тем более о взаимной откровенности, доверительных разговорах, обмене душевными переживаниями. С самого детства Виктория привыкла носить все свои радости и горести только в себе. Знала — ее никогда не поймут, более того, осудят и накажут. И очень

рано научилась выдавать вслух только то, что от нее хотели услышать. Потому что мать, пока была жива, ни на минуту не прекращала своих расспросов. Мария Львовна хотела знать о своей дочери буквально все, вмешивалась в каждую сторону ее жизни, контролировала каждый шаг — где она бывает, с кем говорит по телефону, во сколько приходит домой и даже о чем задумалась. Не помогли ни отмалчивания, ни слезы, ни скандалы, ни серьезные разговоры, ставящие своей целью втолковать тезис «я уже взрослая». Диктат матери продолжался до самой ее смерти. И касался всего, даже одежды, которую носила ее дочь.

Никогда в жизни Виктория не могла позволить себе красиво и модно одеваться. И совсем не потому, что у нее, как у большинства ее сверстниц, чья молодость пришлась на шестидесятые, не было на то средств или возможностей, как тогда говорили, «достать» нечто приличное. Наоборот, денег в семье хватало, и родители, если бы захотели, вполне были в состоянии без всякого ущерба для семейного бюджета приобрести единственной дочери модные вещи. Но Мария Львовна была убеждена, что все эти кофточки-лапши, расклешенные кримпленовые брюки и джинсы — неподходящая одежда для девушки или молодой женщины. Не говоря уже о мини-юбках и декоративной косметике — о, это ужасно, вызывающе, вульгарно! В таком виде только на панель! Оттого почти до пятидесяти лет Вика проходила в каких-то мешковатых костюмах тусклых цветов, сшитых материнскими портнихами, а из косметики ей было разрешено пользоваться лишь кремами и лосьоном да изредка — легкими ненавязчивыми духами.

Разумеется, одним только внешним обликом Вики дело не ограничивалось. Мария Львовна, казалось, поставила себе в лице дочери какую-то непонятную цель, которой надо или добиться, или умереть, и с тех пор занималась ее воспитанием с таким остервенением, с которым садист-прапорщик муштрует провинившегося новобранца.

В детстве Вике запрещалось не только дружить, но даже общаться с ребятами, чьих родителей Мария Львовна считала «неподходящими», не разрешалось гулять во дворе, играть в шумные игры, смотреть телевизор больше двух часов в неделю, нарушать режим дня. Спать она должна была ложиться ровно в девять — и это несмотря на то, что она всегда была ярко выраженной «совой», — с огромным трудом вставала, все утро ходила сонной и разбитой и собственно просыпалась-то только после обеда. И чем старше становилась Виктория, тем больше появлялось запретов. Ее подруги наряжались, то и дело меняли модные прически, ходили друг к другу в гости, в кино и на танцы, влюблялись и встречались с парнями. На переменах в школе они, собравшись в кружок, обсуждали новые фильмы

или рассказывали о своих приключениях, Вика же стояла в стороне и зубрила ненавистную химию, физику, алгебру... Не дай бог ей было получить даже четверку — мать тут же поднимала крик. «Ты позоришь отца!» — вопила она. После школы Вику ждали не прогулки и развлечения, а занятия музыкой и иностранными языками. А вечером, когда сгущались поздние весенние сумерки и со двора доносились веселый смех и неумелые гитарные переборы, Вика неминуемо отправлялась в постель. В старших классах время отбоя ей милостиво сместили с девяти часов на десять. Но не секундой позже!

«Ты должна быть такой, чтобы отец тобой гордился!» — эти слова преследовали Викторину всю жизнь. Ради отца она должна была учиться на отлично, соблюдать режим дня и вообще быть во всем «хорошей девочкой». И Вика безропотно подчинялась, несмотря на то что довольно быстро поняла — вся эта муштра нужна была только матери, но никак не отцу. Генерал, как раз наоборот, был снисходителен к ней, баловал дочку и почти не бывал с ней строг. Но Марии Львовне все-таки удалось возвести стену между отцом и дочерью. Виктория обожала отца, но в то же время постоянно чувствовала некоторую дистанцию. Он был для нее чем-то священным — а значит, почитаемым, но недостижимым. Она боготворила отца, героя Советского Союза, кавалера многих орденов и красавца — мужчину. Идя с ним за руку по улице, она каждый раз бывала вне себя от счастья и гордости. А когда он прижимал ее к себе или целовал, Вика тихо млела, буквально задыхаясь от неги и нежности, и в этом чувстве было что-то стыдное, *неприличное*, как сказала бы Мария Львовна, если бы дочь имела наивность поделиться с нею своими переживаниями. Отцовский запах, сочетавший в себе ароматы чистого мужского тела, хорошего одеколона и сладковатого табака «Золотое руно», Виктория запомнила навсегда. И никогда не смогла бы влюбиться в некурящего мужчину, от которого не пахло бы табаком.

Был в жизни Вики и другой человек, которого она обожала, — Берта, дочь домработницы Баси. Берта была старше на два года, а, как известно, два года в детстве — это целая эпоха. Берта была для Вики не просто старшей подругой и непререкаемым авторитетом, она была идеалом, к которому всегда хотелось стремиться. Ловкая, отчаянная, изобретательная и бесстрашная, Берта ничего не боялась и всегда знала, как выйти из любой переделки. Трусоватой Вике оставалось только завидовать и восхищаться. Как ни странно, сначала Мария Львовна не препятствовала их дружбе, и все дошкольное детство Берта была практически единственной сверстницей, с которой Вика общалась. Когда подруга стала чуть старше, ее

отдали в спортивную школу, она стала реже появляться дома, и Вика очень страдала в разлуке. Но тем привлекательнее были нечастые встречи. Берта была такой красивой, такой бойкой, такой уверенной в себе! Начиная со средних классов, у нее уже появились поклонники. Но при этом она совсем не задавалась, не дразнила Вику и не унижала ее, наоборот, всегда стремилась ее понять и стать на ее сторону. Тайком девочки разговаривали о таких вещах, о которых с Викой никто никогда не говорил. К Берте можно было подойти с любым вопросом, она никогда не дразнилась, не поднимала на смех и всегда отвечала, для чего у человека пупок, почему некоторые фильмы не разрешают смотреть детям до шестнадцати и что значит слово, услышанное на улице. Именно она рассказала младшей подруге об отношениях мужчин и женщин. Без Берты Вика, наверное, до самого замужества бы думала, что влюбленные наедине только целуются, а детей покупают в специальных магазинах.

А потом, Виктория отлично помнила это время, ей было пятнадцать лет, все как-то вдруг резко переменялось. Берта стала нервной, вспыльчивой, избегала откровенных разговоров, легко могла сорваться на крик или на слезы, чего за ней даже в детстве не водилось. Удивленная состоянием подруги, Вика почти не замечала того, что и со взрослыми стало твориться что-то странное — Бася непривычно молчала целые дни и постоянно ходила с заплаканными глазами, мать и отец разговаривали на повышенных тонах и всегда замолкали при появлении Вики. Генерал старался как можно реже бывать дома, Мария Львовна днем и ночью пилила дочь, кричала на нее или читала нотации.

Как-то раз Вика вдруг заметила, что подруга поправилась — расплылась в талии, и у нее даже появился живот, что очень странно смотрелось на ее худенькой спортивной фигурке.

— Берта, как ты потолстела! — ахнула девочка. — Что с тобой? Ты больна?

— Дура, я беременна! — огрызнулась Берта.

— Что ты говоришь? Как же это так? От кого?

— Не твое дело. Отвали! — еще более грубо отвечала та. Вика испугалась и не решилась задавать вопросы, хотя ей и очень хотелось узнать, что же произошло.

У Берты родился сын, Герман. Вика, как большинство девочек ее лет, была очень рада возможности поиграть в живую куклу и с нетерпением ждала, когда же ребеночка принесут из роддома. Берту с мальчиком встречали только Бася и шофер. Генерал заранее — он был в какой-то длительной командировке — распорядился, чтобы за ними послали

машину. Вика очень просилась с ними, но Мария Львовна не позволила ей пропустить занятия. Но, разумеется, вернувшись из школы, Вика даже не зашла домой, а сразу же побежала к соседям.

— Знаешь, он такой смешной! — взახлеб рассказывала она потом матери. — Ручки маленькие, пальчики крохотные! Когда плачет, то становится весь красный и так забавно морщится! А еще он лысенький! Только на затылке волосы, ну прямо как у папы.

Лицо Марии Львовны сделалось землисто-серого цвета, потом налилось кровью. Она начала кричать на дочь и вопила так, как до этого никогда в жизни на нее не орала.

— Не смей водиться с детьми прислуги! Чтобы ноги твоей никогда в этом доме не было! Ты, генеральская дочь, опустилась до того, чтобы нянчить бастарда, ублюдка, рожденного малолетней шлюхой! Не вздумай с ней больше и слова перемолвить, слышишь!

Вика испуганно вжалась в стену.

— Хорошо, мама, я больше никогда... — пролепетала она. И с тех пор долгое время не смела не только зайти в соседнюю квартиру или заговорить с Бертой, но даже взглянуть на мальчика. Нянчила Германа в основном Бася, каким-то чудом успевавшая и продолжать свою работу в доме Курнышовых, и ухаживать за младенцем. Берта почти не занималась сыном. Сначала она впала в апатию, круглые сутки была словно во сне, но потом, стараниями все той же Баси, потихоньку стала выкарабкиваться и возвращаться к прошлой жизни. Она опять занялась спортом, снова начала смеяться, встречаться со старыми друзьями и поклонниками, заводила новых. Словом, через год после родов она стала почти прежней, вот только былой близости между ней и Викой уже не было, да и быть не могло. А потом вдруг Берта погибла — внезапно и нелепо. Это было страшным ударом для всех. Вика каждую ночь тайком ревела в подушку, на Басе лица не было, и никто не сомневался, что если бы не маленький Герман, который лишь недавно выучился ходить и еще почти не говорил, домработница не пережила бы этой потери. Даже генерал ходил туча тучей. И только Мария Львовна, внешне полная сочувствия к Басе, ничуть не грустила. Вика то и дело видела на ее лице какое-то странное, словно бы торжествующее, выражение и постоянно слышала, как мать, оставшись одна, каждый раз весело напевает хабанеру из «Кармен»: «Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей!» Мать словно бы радовалась смерти ее подруги.

Но гибель Берты случилась уже после той истории с днем рождения, перевернувшей всю жизнь Вики. Дало в том, что на молодежных сборищах она бывала крайне редко. У Виктории было лишь три знакомые

сверстницы, общение с которыми было разрешено матерью, — две дочери друзей семьи и одна соученица по музыкальной школе. У них в гостях она иногда бывала — нечасто и только в сопровождении родителей. А если ее вдруг приглашали в незнакомый дом, Мария Львовна сперва всегда учиняла пристрастный допрос: что за девочка позвала, из какой она семьи, где живет? (О том, чтобы пойти в гости к мальчику, разумеется, не могло быть и речи.) Затем звонила посоветоваться с классной, руководительницей или педагогом по музыке. И минимум в двух третях случаев заявляла: «Нет, Виктория, ты туда не пойдешь! Эта девочка не из нашего круга, у тебя не может быть с ней ничего общего!»

Если же именинница все же проходила первоначальную цензуру, Мария Львовна, выбрав подарок по собственному усмотрению, провожала дочь до самых дверей и непременно знакомилась с родителями, окинув строгим взглядом всю квартиру. Чаще всего ей предлагали остаться, если же этого не случилось, мать удалялась, но возвращалась ровно в девять часов и забирала дочь, не внемля никаким уговорам.

В девятом классе к ним в школу пришла новенькая, переехавшая из другого района, Танюшка Мартынова, хорошенькая, веселая и очень компанейская. В начале октября у нее был день рождения, и она пригласила к себе целую толпу народу, в том числе и Вику Курнышову. «Приходи обязательно! Такая здоровская компашка собирается! У моего старшего брата такие клевые друзья! На гитаре играют, поют... Леха обещал отпадные записи принести, потанцуем! Будет очень весело, я тебе обещаю». Виктория страшно боялась, что Танюшка не выдержит материнского «отбора» — ей очень хотелось побывать у новенькой и подружиться с ней. Но все обошлось. Выяснилось, что отец Тани служит в Министерстве рыбного хозяйства, а мать преподает в университете. Это было достойное общество, и Мария Львовна милостиво разрешила дочери побывать у Мартыновых.

Стояло бабье лето, день выдался ясный, совсем не по-осеннему теплый и солнечный, клены, ясени и каштаны с мягким шуршанием роняли разноцветную листву. В душе Вики все пело. Она шла рядом с матерью по бульвару и тайком мечтала. Ей почему-то казалось, что именно на этой вечеринке она встретит свою первую любовь. Он обязательно будет высоким, статным и плечистым. Точь-в-точь как отец...

Но ее грезам не суждено было сбыться. Мария Львовна сама позвонила в дверь квартиры и, едва поздравив головокружительно хорошенькую именинницу, тут же заявила:

— Таня, я хотела бы познакомиться с твоими родителями!

— А их нет, — растерянно отвечала Танюшка. — Они к бабушке уехали на весь вечер, будут часам к одиннадцати.

— Вот как! — Сросшиися брови Марии Львовны слились в единую черную линию. — Ну что же, тогда мы уходим.

— Мама! — застонала Вика.

Высыпавшие на порог квартиры празднично одетые девчонки и ребята хором стали убеждать Марию Львовну, что ей нечего бояться за Викторию, что здесь все приличные люди.

— И не уговаривайте меня, — холодным тоном заявила Мария Львовна. — В нашей семье не принято оставлять детей одних. Тем более, — она обвела компанию многозначительным взглядом, — мальчиков и девочек.

«Дети», кто с пробивающимся пушком над верхней губой, кто с двумя уже оформившимися пышными бугорками под кофточками, виновато улыбались, как бы извиняясь, что они не из таких семей.

— Ну, мамочка, ну я тебя очень прошу! — взмолилась Вика. Но именно в это время, как назло, снизу послышался шум голосов. По лестнице подтягивалась основная компания мальчишек. На ходу, вытаскивая из карманов белые и красные винные припасы, они демонстративно потрясли ими перед столпившимися ребятами:

— А вот и легкая артиллерия пожаловала! Мария Львовна побелела, потом покраснела;

— Что это? Боже мой! Вино? Кто... Кто вам разрешил?...

— Не понял, — удивился очень похожий на Танюшку блондин в очках, сжимавший в руках две бутылки «Улыбки».

— Я спрашиваю, — чеканила Мария Львовна, — кто разрешил вам пить?!

На площадке повисла тишина. Виктория от стыда была готова провалиться сквозь все лестничные марши.

— Мамаша, — пробасил темноволосый парень в вельветовом пиджаке, — вы нас обижаете! Мы пришли к сестре нашего друга на шестнадцатилетие с самыми добрыми намерениями. Мы же не алкоголики какие-нибудь!.. Как вы думаете, четыре бутылки на пятнадцать человек — это много?

— Я вам не мамаша, это во-первых! А во-вторых, все и начинается с одной рюмки!

— «Все» — это что?

— Все — это рестораны, гулянки, компании подозрительные! — Мария Львовна обвела ребят таким взглядом, что ни у кого не осталось

сомнений, что такая компания — это они. — А там и до тюрьмы недалеко.

— Невеселое, однако, у нас будущее, — покачал головой юноша в вельветовом пиджаке.

— А вы как думали?... Если собираться в таком возрасте, чтобы по стаканам разливать...

— А мы еще целоваться умеем, — улыбнулся похожий на именинницу блондин в очках. — Это тоже к тюрьме дорожка?

— Та-а-ак, — протянула Мария Львовна и повернулась к Виктории. — Ты видишь, куда ты попала? — Она взяла дочь за руку, обвела всех уничтожающим взглядом и со словами: — А с вами, я думаю, ваша школьная комсомольская организация разберется! — стала спускаться вниз, таща за собой Вику. Та покорно поплелась за ней. Путь в эту замечательную компанию был для нее теперь закрыт, не оставалось ничего другого, как с позором удалиться.

— Ты хоть представляешь, от чего я тебя уберегла? — внушала Мария Львовна весь обратный путь. — Боже мой, боже мой!.. Какой ужас! Разврат! Алкоголь, мальчишек полна квартира... И родителей нет дома! Как это... Как неприлично!

Весь неудавшийся вечер Виктория проплакала в своей комнате, так и не сняв платья, считавшегося у нее нарядным. А когда, кое-как успокоившись, побрела в ванную умыться, то услышала из-за неплотно прикрытой двери кабинета гневный голос матери. До нее доносились слова «безобразия», «распущенность», «я этого так не оставлю», «надо принимать меры» и коронное «неприлично».

«Классной звонит, — с ужасом догадалась Вика. — «Сигналит». Все, мне конец...»

День рождения Танечки праздновался в субботу. Утром в понедельник Вика сослалась на боль в горле и не пошла в школу. Но во вторник этот номер уже не прошел. Мария Львовна заставила смерить температуру и стояла над дочерью все десять минут, не давая возможности прислонить градусник к батарее, натереть его об одежду или прибегнуть к каким-либо другим, знакомым каждому школьнику ухищрениям.

— Тридцать шесть и семь! — сказала мать, стряхивая градусник. — Не выдумывай, с тобой все в порядке. Поднимайся да собирайся побыстрее, а то опоздаешь в школу.

«Может быть, еще все обойдется, — уговаривала себя Вика. — Может быть, все обойдется...»

Но увы! Первое, что увидела Виктория, войдя в школьное здание, было объявление о внеочередном комсомольском собрании. На повестке

дня стоял вопрос о недостойном поведении комсомолки Мартыновой. Вика так и замерла у доски объявлений.

— Курнышова, вот ты где! — поймал ее за коричневый шерстяной рукав секретарь комсомольской организации десятиклассник Леня Костюков. — Я тебя второй день по всей школе ищу. Объявление о собрании видела? Будем прорабатывать. Для тебя явка обязательна. И подготовь выступление о моральном разложении Мартыновой.

— Какое... выступление? — еле смогла выдавить из себя Вика.

— Ну, про сборища, которые она у себя устраивает. Про эти, как их... Про оргии. Выпивка там и прочее разложение... Ты же очевидец!

— Я не смогу... Я не знаю, что говорить...

— Да брось ты, придумаешь!.Про пьянки, про разврат, про несознательность, несовместимую с обликом комсомольца и будущего строителя коммунизма... Да разберешься, мать попроси помочь в крайнем случае...

Значит, чтобы завтра после шестого урока была, как штык!

Вика развернулась и выбежала из школы. Первый раз за все учебные годы она прогуляла занятия. Пока не стемнело, она бродила по улицам и пыталась что-нибудь придумать, но ничего подходящего в голову так и не пришло. И посоветоваться было не с кем. Единственным человеком, который мог бы ей помочь, была Берта. Но у той шел девятый месяц беременности, и ей, конечно, было не до Вики и ее проблем.

А дома ожидала грозная Мария Львовна, которая уже каким-то непонятным образом была в курсе всех событий. Такого скандала, который случился вечером, ко всему привычные Курнышовы еще не видывали. Вика первый и последний раз в жизни попыталась возразить матери. Но стоило ей заикнуться, что она не хочет идти на комсомольское собрание и обвинять Танечку, как мать словно с цепи сорвалась:

— Да как ты смеешь! Ты сама не понимаешь, что говоришь! Это твой священный долг как комсомольца и порядочной девушки!

Вика замолчала и только перевела полный мольбы взгляд на отца, который присутствовал тут же. Генерал вздохнул и как-то неохотно вступил в разговор:

— Маша, может быть, и правда не стоит... Это же может испортить чужую жизнь! В конце концов, ребята не делали ничего такого...

Но Мария Львовна не дала ему договорить:

— Ничего такого? Ты хочешь сказать, что пьянка в этом возрасте — это ничего такого! Развратная вечеринка с мальчишками — это ничего такого? Ты хочешь, чтобы наша дочь пошла по рукам? И принесла бы в

подоле в семнадцать лет? По примеру своей подружки Берты? О, эта малолетняя потаскушка еще себя покажет, вот увидишь! А ты хочешь такой же судьбы для Вики?

Генерал весь побелел, но ничего не сказал, молча встал и вышел из столовой, хлопнув дверью. Вика проводила его бессильным взглядом. В лице отца ее покидала последняя надежда.

Мария Львовна тоже поглядела ему вслед и обернулась к дочери:

— Тебе все ясно? Завтра, как миленькая, пойдешь на собрание и выступишь там. Я сама напишу тебе, что нужно говорить. И не вздумай притворяться больной! Все эти твои детские хитрости шиты белыми нитками.

Вика побрела в свою комнату в том состоянии, в котором, наверно, в древние времена осужденные шли на эшафот. В коридоре кто-то осторожно тронул ее за плечо. Девушка испуганно обернулась и увидела домработницу Басю, протягивавшую ей какой-то пузырек коричневого стекла.

— Что это?

— Касторка. Хватит одной столовой ложки.

— Басенька! Спасительница ты моя!

Вместо одной ложки Вика, зажав нос и затаив дыхание, выпила целых две и страдала потом несколько дней. И родители ни о чем не догадались. Мария Львовна решила, что с Викой от волнения случилась «медвежья болезнь», и осуждала дочь за малодушие, но ничего не могла поделать. А генерал, как мог, оправдывал Вику, напоминая жене, что на войне подобные вещи сплошь и рядом случались даже с сильными мужчинами.

Так предложенная Басей решительная мера спасла Вику от ненавистного собрания. Как потом рассказывали, оно вышло несколько скомканным и практически не достигло своей цели — «свидетели» жались и мямлили что-то невразумительное, Танечка держалась стойко и все отрицала, а Серега, ее старший брат, выступил, как адвокат, с оправдательной речью, во время которой приводил примеры из современной советской литературы о молодежи и размахивал Таниными почетными грамотами, выданными в старой школе. В результате Мартыновой даже выговора не удалось вкатить — оказалось не за что. И история эта закончилась благополучно для всех ее участников, кроме одной — Вики Курнышовой.

Как известно, общественное мнение — штука коварная. Что именно случилось — ты ли пальто украл, у тебя ли его украли, — быстро забывается, а память о том, что с тобой было связано что-то нехорошее,

остается надолго. После тех злосчастных событий за Викой, в общем-то ни в чем не виноватой, прочно укрепились репутация доносчицы.

Одноклассники отвернулись от нее, в глаза и за глаза именовали не иначе как стукачкой. Ей, как это называлось в то время, объявили бойкот. С Курнышовой никто не общался, девочка, сидевшая с ней за одной партой, попросила классную пересадить ее на другой ряд — якобы ей дует из окна, а у нее слабое здоровье. Как ни странно, единственным человеком, который не бросил Вику, была сама Таня Мартынова. Но, как назло, она очень скоро уехала — ее отцу предложили работу в Чехословакии, — и на два долгих оставшихся года школьная жизнь превратилась для Вики в настоящий ад. Представить себе, что именно чувствует изгой в детском или юношеском коллективе, может только тот, кто сам пережил нечто подобное. О своих старших классах Виктория до сих пор вспоминала с содроганием, не понимая, как же ей удалось справиться со всем этим кошмаром. Однажды, уже в десятом классе, она даже попыталась покончить с собой, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не все та же вездесущая Бася...

Виктория потрясла головой, чтобы отогнать неприятные воспоминания. Не стоит сейчас об этом думать.

Теперь все позади. Все хорошо. Есть Игорь. И есть дело, которое привело ее сюда.

Лучше думать о деле, о брате Германе, о предстоящей встрече с ним. Интересно, узнают ли они друг друга в толпе на вокзале? Все-таки восемь лет не виделись! Правда, Бася все время показывает Виктории фотографии, которые внук ей регулярно присылает. А две из них — свадебная, где Герман со своей совсем юной невестой сняты на смотровой площадке на фоне Львова, и увеличенная фотография их годовалой дочки — стоят у нее в квартире на самом видном месте. Интересно, как Герман выглядит сейчас?

Как все-таки странно, как нелепо складывались все это время их отношения с братом! Пока она тянула жалкое существование, которое, за неимением другого опыта, называла жизнью, Герман потихоньку рос. Он был сначала трогательно-милым ребенком, потом озорным мальчишкой, потом умненьким подростком... Этот мальчик, немного похожий на ее лучшую и единственную подругу, всегда нравился Виктории, но она слишком боялась матери, чтобы это как-то проявлять, пусть даже и в ее отсутствие, и только изредка, тайком, передавала Басе для него маленькие подарки, какую-нибудь импортную шоколадку, жвачку или его любимые марки — и то просила не говорить от кого. Она почти никогда не

разговаривала с ним — но лишь от застенчивости, поскольку совершенно не умела общаться с детьми, тем более с мальчишками. Не задавать же ему дурацких вопросов «Как ты учишься?» и «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» — Вика сама еще прекрасно помнила, как раздражают юного человека такие вот устраиваемые взрослыми допросы. А заговорить о чем-то другом, самой рассказывать что-то или предложить поиграть она просто-напросто стеснялась.

О том, что Герман ее сводный брат и сын ее замечательного отца, Вика узнала очень поздно. И долго удивлялась — как же она раньше не догадалась! Ведь об этом говорило все — от внешнего сходства до странного поведения матери. Но Вика ни о чем не подозревала, не заподозрила даже и тогда, когда услышала, как генерал перед первым сентябрю велел Басе подсчитать, что нужно мальчику для школы, начиная с прописей и карандашей и заканчивая школьной формой и осенней курткой. И выдал домработнице всю необходимую сумму для покупок, а ранец выбрал сам, лично. И так продолжалось четыре года, до самой его смерти, а Вика при этом только гордилась своим отцом, тем, какой он молодец, но и мысли не допускала, что его внимание к Герману — это не просто помощь домработнице, в одиночку поднимающей внука...

В ту роковую ночь, когда Курнышов скончался, Виктория крепко спала из-за снотворного, к которому одно время пристрастилась, ничего не слышала в своей дальней комнате и узнала страшную новость только утром. Тот факт, что отец собирался составить завещание и даже написал его черновик, где выражал желание, чтобы все его имущество было поровну поделено между двумя его детьми — дочерью и сыном, но не успел заверить его у нотариуса, Мария Львовна от Виктории утаила. Поэтому после внезапной кончины генерала по закону все унаследовали жена и дочь. Еще двадцать лет Виктория прожила в полном неведении. И только безнадежно заболев, вдова решила сделать признание, ошеломившее и Германа и его сводную сестру. Виктория, уже более чем взрослая сорокасемилетняя женщина, тогда страшно растерялась. Слова матери объяснили и симпатию, и теплые чувства, которые она всегда испытывала к Герману, даже не подозревая о том, что они брат с сестрой. Но в то же время заявление Марии Львовны еще больше отдалило их друг от друга, поселило неловкость и неуверенность в отношениях. После смерти матери Вика заговорила было об отцовском завещании и дележе наследства, но Герман и слушать ее не стал. Это было смутное время, середина девяностых. Прилавки пустовали, жизнь же стремительно дорожала, деньги обесценивались на глазах, считавшаяся вполне приличной зарплата

Вики за каких-то полтора-два года превратилась в ничто. Дела Германа, переехавшего на Украину, ставшую вдруг другим государством, наоборот, шли в гору. — Даже говорить об этом не хочу! — заявил он тогда. — Я мужик и в состоянии сам себя обеспечить. А ты слабая женщина, осталась совсем одна. О вас с Басей тут и позаботиться некому...

И забрал лишь несколько вещей в память об отце — мужских и не слишком ценных...

— Подъезжаем! — зашумели попутчицы, и Виктория, последний раз взглянув на себя в маленькое зеркало, потянулась за сумкой.

Глава 4 Герман. Завещание Отто Фон Фриденбурга

Поезд торжественно внес все свои восемнадцать вагонов плюс ресторан на перрон вокзала, как по мановению волшебной палочки вмиг заполнившийся людьми. На платформе засуетились встречающие, забегали носильщики с тележками, из вагонов вышли проводники, высыпали пассажиры: прибывшие с сумками, чемоданами и баулами, и те, кому предстояло еще ехать дальше, но кто уже устал от дальней дороги и захотел выглянуть, как был в спортивном костюме и шлепанцах, купить пива или мороженого, вдохнуть глоток свежего воздуха и просто размять затекшие от долгого сидения и лежания косточки.

Я шел вдоль прибывшего состава и искал глазами сестру. Только что мне с опозданием пришло в голову, что я совсем ее не помню. Ну просто-таки ничегошеньки в голове не сохранилось. Единственным, что мне удалось извлечь из недр памяти, и то после невероятных усилий, оказался тот факт, что сестра была «совой», вела ночной образ жизни, спать ложилась часа в два и никогда не могла подняться раньше полудня. Но это были все воспоминания о сестре. Что она за человек или хотя бы даже как выглядит, я не помнил. Перед глазами всплывал какой-то смутный, расплывчатый образ. Кажется, у нее темные глаза, в мать. Вроде бы среднего роста, вроде бы не полная, скорее худощавая... И молодой-то она была серой, незаметной, а сейчас ей уже должно быть лет пятьдесят пять. Я внимательно вглядывался во всех пожилых женщин.

— Такси, проше пана! — раздался за спиной зычный голос.

Я обернулся.

— Ох ты, Герман Валерьяныч! Не впизнав тебе — багатый будэш! — заулыбался обладатель баса.

Это был Остап Черемешко, таксист из моего автопарка. Мы пожали друг другу руки.

— Здоров був, голово!^[1] Що ты тут робыш?^[2]

— Та ось, сэстру зустрічаю, — отвечал я на родном ему языке.

— У тэбэ е сэстра? Гарнэнька?^[3] — тут же сделал стойку Остап. Черемешко в автопарке считался местным донжуаном, ни одна стоящая юбка им не пропускалась. Впрочем, жена его, Галина, работающая у нас же диспетчером, смотрела на это сквозь пальцы.

— Не, тут ты не по адресу! — отмахнулся я от Остапа. — Она мне только одно название, что сестра, а так практически тетка, всего на два года моей матери моложе.

Черемешко сразу же потерял интерес и заторопился на поиски клиентов.

Я не стал его удерживать, мне было не до легкой болтовни. Тревога за Светку не оставляла ни на минуту. Со времени ее исчезновения прошло уже почти двое суток, но похитители больше не появлялись. Эти дни я не находил себе места. «Что там с моей девочкой? — постоянно крутилось у меня в голове. — Как она там, как с ней обращаются, не обижают ли, досыта ли кормят?» И запрещал себе даже думать о том, что со Светкой может быть что-то не в порядке.

Я очень любил свою девочку, был так счастлив, когда она бежала мне навстречу по дорожке детского сада. Юлька иногда даже ревновала, видя, что дочка больше тянется ко мне, чем к ней. «Радуйся, — говорил я ей, — у тебя соперница в доме, а не на стороне». Юлька звонила сегодня днем, счастливая, полная впечатлений. К счастью, она была так занята своими делами, что почти ни о чем не расспрашивала. Дельфиненок сообщила, что будет звонить редко, поскольку у нее нет ни минутки свободной. Какое счастье, что она далеко! Гораздо сложнее было с тещей, которая названивала по несколько раз в день, интересовалась, как наши дела, почему я не привожу к ним внучку и не хочет ли детка поговорить с бабушкой. Я уже устал врать и все время чувствовал, что обман вот-вот раскроется. А тут еще сестра! Что за нелегкая принесла ее из Москвы, зачем? В душе росло глухое раздражение против нее. В довершение всех неприятностей сегодня утром я заехал на Двирцеву площадь — навестить рыженькую Регину. Я говорил себе, что должен проведать девушку, пострадавшую по моей вине, но в душе, конечно, знал, что дело совсем не в этом — меня нестерпимо тянуло к ней, хотелось повторения пылкой сцены на диване с тающим под нами льдом. Это, безусловно, не отвлекло бы меня от тяжелых мыслей, но хотя бы помогло на некоторое время расслабиться. Но свидание не состоялось. В квартире с профессорской табличкой, очевидно, никого не было — во всяком случае, дверь мне никто не открыл. Это было странно и даже тревожно. Еще позавчера вечером Регина не могла ходить, а сегодня с утра ее не оказалось дома. Сомнительно, чтобы она так быстро поправилась. Неужели травма оказалась сильнее, и семейному врачу, о котором она говорила, все-таки пришлось устроить ее в клинику? Зря я не взял ее телефон... Я беспокоился. Несмотря на горе, мысли нет-нет да возвращались к Регине,

ее ладному телу, пухлым губкам, рыжим локонам и зеленым в золотистую крапинку глазам. Я, кстати, понял, откуда я их помню. Точно такого же оттенка была змея на бокале венецианского стекла в генеральском доме — одном из парных, с изображениями Адама и Евы. Интересно, сохранились ли еще эти бокалы? Ах, ну да, бокал с Адамом Мария Львовна разбила в ту ночь, когда умер генерал. А Ева? Надо будет спросить у Виктории. Черт, как же она все-таки не вовремя!

Толпа на перроне уже начала редеть, а сестры все не было. А я даже номера вагона не знал, когда Виктория звонила, было так плохо слышно... Может, она прошла мимо и не узнала меня? Все-таки столько лет не виделись...

— Герман, это ты?...

Я чуть не ахнул. Передо мной стояла почти молодая, очень ухоженная и весьма привлекательная женщина. Согласно своей зоологической классификации, я отнес ее к породе пушных зверей, что-то вроде куницы, такая она была тоненькая, грациозная, изящная. И — явно с ценным мехом. «Упакована» моя сестра была очень дорого. Джинсы и легкий джемпер, обтягивающие по-девичьи стройную фигурку, были, очевидно, куплены в хорошем магазине, как и модные узконосые сапожки на шпильках, делавшие сестру выше и изящнее. В уложенных в эффектную прическу волосах не было ни одной седой нити, лицо благодаря умело наложенной неброской косметике казалось совсем свежим, только вокруг черных глаз лучиками разбегались несколько морщин.

— Я тебя сразу узнала. Ты стал так похож на папу...

— А я бы тебя ни за что не узнал, — признался я.

— Я так изменилась? — Изменилась.

— Неужели постарела? — испугалась она.

— Что ты! — искренне заверил я. — Наоборот. Расцвела и похорошела. Выглядишь просто потрясающе! Как тебе это удастся — в вашей-то суматошной Москве?

— Я счастлива, Герман! — чуть смущенно призналась Виктория. — Я встретила мужчину, которого ждала всю свою жизнь. — В голосе ее было столько нежности, что я сразу же поставил точку в вопросе, что она за животное. Ласка. Кстати, если кто не знает, в чешском языке это слово обозначает любовь.

Честно признаюсь, меня ее сообщение разозлило. У меня такая беда, а она счастлива. Наверное, приехала пригласить на свадьбу.

Я взял ее большую дорожную сумку, довольно тяжелую.

— Твой звонок был неожиданным, — немного помолчав, сказал я. —

Ну что, пойдём, у меня там машина...

— Ты прямо с работы за мной?

— Нет, я в отпуске.

— В отпуске? Это здорово! А я забыла тебе по телефону сказать, чтоб ты отпуск брал.

Я с удивлением посмотрел на сестру.

— Я не понял тебя.

— Все обязательно расскажу! — заверила сестра. — Такие потрясающие новости! Я тебе одно письмо привезла... Только извини, мне надо позвонить, что я доехала и все благополучно, ладно?

Она вынула мобильник, я тактично сделал шаг в сторону, но Виктория остановила меня движением руки.

— Здравствуй, милый! — заговорила она в трубку, и лицо ее светилось такой любовью, таким счастьем, что я невольно позавидовал ее собеседнику. — Да, все в порядке, Герман встретил, все хорошо. Да. Да, конечно. И я по тебе. И я тебя... Целую крепко-крепко, завтра утром, как проснусь, обязательно позвоню. Обещаю. Честное-пречестное. Обожаю тебя! До свидания, любимый...

Она убрала мобильник и поспешила за мной.

— Знаешь, а вообще жаль, что мы так редко с тобой встречаемся, — тараторила сестра на ходу. — По телефону дружить не получается. А письма... Кто сейчас пишет письма? Разве что электронные.

— Бася. Каждый месяц по большому письму мне шлет, да не электронному, а настоящему, в конверте. Ты же знаешь, Бася стала немного глуховата, по телефону не слышит. Вот и приходится переписываться. Я, правда, реже ей пишу...

— Да, она мне говорит о каждом твоём письме и фотографии показывает... Так что я почти все знаю о твоей жизни! Что ты работаешь начальником автопарка, что ты женился на молоденькой, что у тебя дочь, Леночка, да?

— Светка...

— Ой, прости, ради бога, Света, конечно! Я ей подарки везу. В Конотопе такие мягкие игрушки продавали... Сколько ей, годика два уже?

— Зимой исполнилось три.

— Да что ты, уже три! Неужели? Как быстро время летит...

По дороге к моему «Форду», терпеливо ожидавшему нас на стоянке, мы встретили Остапа, который так и не нашел клиента. Он окинул Викторию восхищенным взглядом, повернулся ко мне и укоризненно покачал головой:

— Що ж ты мэнэ обдурыв?

— Это твой приятель? — поинтересовалась Виктория.

— Сотрудник. Он работает в моем автопарке.

— А что он сказал?

— Ну, если вкратце, то ты ему понравилась. Виктория довольно улыбнулась.

— А где твоя машина?

— Вот она, — я распахнул перед ней дверь.

— О! Надо же! Это что за марка?

— «Форд». Но он уже старенький, ему шестой год... Пока я вез сестру кривыми улочками от вокзала к себе домой, мы говорили о посторонних вещах — о Львове, в котором Виктория никогда не была, о Москве, сильно изменившейся за время моего отсутствия — «готова спорить, что ты ее просто не узнаешь!», о том, что Бася немного сдала, но держится молодцом... Сестра болтала без умолку, я поддерживал разговор, а про себя все никак не мог решить, рассказать ли ей о Светке. С одной стороны, похитители запретили мне говорить об этом с кем-либо, и я четко следовал их требованиям и не поделился своим несчастьем ни с кем из друзей, с другой — за эти дни я уже весь извелся, варясь в собственном соку, мне просто необходимо было обсудить с кем-то происходящее, но единственный человек, который был в курсе событий, — рыженькая Регина, — куда-то исчез.

Я открыл дверь квартиры и пропустил Викторию вперед.

— Ребенка не разбудим? — шепотом спросила она. — Уже одиннадцатый час.

— Нет! — отвечал я, переобуваясь. — Не разбудим. Вот, возьми тапочки.

— Спасибо, у меня свои есть... Герман, а где твое семейство? На даче, что ли?

— Юлька в Москве, на съемках телепередачи. Игра такая, «Кладоискатели», на острове в Тихом океане, она участвует...

— Да, знаю, видела рекламу. И Бася говорила... Неужели она все-таки туда попала? Слушай, Герман, ей очень повезло! Там такой конкурс!..

Она прошла по квартире, с любопытством оглядываясь вокруг.

— У вас очень мило. У твоей Юли хороший вкус... А дочку ты, наверное, к ее родителям отвез, да?

— Нет, Виктория! — решил я. — Никуда я Светку не отвозил. Ее у меня... украли.

— Что-о-о?

Сестра в это время рассматривала машу семейную фотографию, которую Юлька увеличила и повесила на стену в рамке под стеклом. От неожиданности у Виктории в буквальном смысле подкосились ноги, она неловко плюхнулась на диван.

— Герман, что ты такое говоришь? Ты шутишь? Разве можно шутить такими вещами?

— Нет, я не шучу. Ее действительно похитили.

— Боже, какой кошмар! Когда?

— Позавчера, — я взглянул на часы. — Сорок девять с половиной часов назад.

— А что в милиции говорят?

— Видишь ли, Виктория, я не был в милиции.

— Но как же так?

— Это может быть опасно для девочки... Меня специально предупредили.

— Да, они всегда так говорят, я слышала... Может быть, ты и прав... Но какой же ужас, Господи! Просто не верится!

Я не знал, что ответить на это.

— Как же это произошло? — Виктория прервала паузу вопросом, которого я больше всего боялся.

— Я оставил ее в машине, всего на пять минут, и она исчезла. — Говорить о Регине я ей, разумеется, не стал.

— Боже мой, боже мой... И?... Что?

— А потом мне позвонили и сказали, чтобы я не дергался. Что если я сообщу в милицию, найму частного детектива или просто расскажу кому-нибудь об этом, Светку живой не увижу.

— А чего они хотят от тебя, ты выяснил?

— Пока нет. Сказали, что сообщат потом.

— Господи, я все еще поверить не могу! И что ты собираешься делать?

— Что, что! — я не выдержал и сорвался на крик. — Вот сижу, как дурак, и жду.

Виктория строго поглядела на меня темными, как у ее матери, глазами. Мария Львовна вспомнилась так живо, что я решил — ну, сейчас будут читать нотацию. Но сестра вдруг сказала совсем другое:

— Герман, а ты когда ел последний раз?

— Не помню, — искренне ответил я.

— Тебе обязательно надо поесть! — решительно заявила она, поднимаясь с дивана. — Тебе нужно много сил, а их необходимо поддерживать. Я пойду сообщу что-нибудь.

— Неужели ты умеешь готовить? — удивился я. Виктория рассмеялась.

— Это не моя заслуга, а Васина! Я же сказала тебе, что замуж собралась?... А в моем возрасте, братик, нужно уметь удержать мужчину всеми возможными и невозможными способами. Путь к сердцу и все такое... Пришлось к твоей бабушке на поклон идти, чтобы она со мной кулинарный ликбез провела. На мое счастье, у нашей Баси талант не только в готовке, но и в педагогике. Она даже такую бестолковую ученицу, как я, смогла чему-то обучить! Сейчас я тебе это продемонстрирую!

И, не слушая моих возражений, двинулась на кухню.

— Ой, да тут на полк солдат наготовлено! В холодильнике и суп есть, и каша гречневая, и котлеты... Похоже, Юлька твоя постаралась на славу. Что тебе разогреть?

— Все равно, — по инерции ответил я и вдруг почувствовал, что действительно голоден.

Виктория показалась из кухни, надевая на ходу Юлькин фартук со смешной лошадкой.

— Я все поставила — и первое, и второе, — сообщила она. — Сейчас еще салат нарежу, у вас там огурцы есть, помидоры, зелень... Она подошла ко мне совсем близко, взяла мои руки в свои и, глядя прямо в глаза, проникновенно проговорила:

— Знаешь, братик, мне почему-то кажется, что все со Светкой будет в порядке. Да что там кажется — я в этом уверена, я чувствую! А женская интуиция — это, скажу я тебе, великая вещь! Она никогда не подводит.

И, не дожидаясь моего ответа, снова исчезла в кухне.

Это были именно те слова, которые мне сейчас необходимо было услышать. Я был не один. Кто-то рядом со мной сочувствовал мне, переживал за меня, надеялся вместе со мной... И верил, непоколебимо верил, что все закончится хорошо. Впервые за эти два дня железная рука, сжимавшая сердце, чуть отпустила.

Я пошел на кухню и смолотил все, что разогрела Виктория. Сама она отказалась ко мне присоединиться, заявив, что никогда не позволяет себе есть после семи.

Я уплетал за обе щеки, а Виктория сидела напротив и смотрела на меня. В ее взгляде было что-то материнское.

— Герман, — спросила она, наливая чай, — а ты Юле сообщил о Светке?

— Нет, конечно. Я не хочу ее пугать. Уверен, что до ее возвращения все закончится.

— Не сомневаюсь! Она надолго? — Месяца на два, а то и на три.

— Ну, конечно! За это время ты уже сто раз из Германии вернешься...

Я недоуменно поглядел на сестру:

— Из какой еще Германии, о чем ты? Виктория ахнула:

— Господи, я ведь еще не рассказала тебе про письмо! Совсем из головы вон! Слушай, братик, у меня же для тебя потрясающая новость! Да, а у тебя загранпаспорт, надеюсь, есть?

— Есть, а что?

— Сейчас я тебе такое расскажу — ахнешь! Оказыва... И тут зазвонил телефон. Я бросился к аппарату, в спешке задел его, и он с грохотом полетел на пол. Когда я, наконец, нащупал трубку и судорожно прижал ее к уху, там раздавались короткие гудки. Я громко выругался. Виктория успокаивающе положила руку мне на плечо.

— Не волнуйся. Сейчас перезвонят. Если это они, то, поверь, они тоже в этом заинтересованы.

Она оказалась права. Тут же снова раздался звонок.

— Да! Слушаю!

— У тебя под машиной стоит коробка, — сказали на том конце провода и отключились.

— Алло, алло, какая коробка?! Мать твою, трубку повесили!..

— Это они?

— Да! — я уже был в прихожей.

— Герман, ты куда? Можно мне с тобой?

— Нет, сиди, я скоро!

Мой «Форд» был заблокирован новенькой «Шкодой-Фелицией» и допотопной «Волгой». Я кое-как протиснулся между ними и заглянул под днище своей машины. В темноте действительно что-то белело. Я спешно достал коробку и торопливо открыл ее. Внутри была видеокассета.

Перешагивая через две ступеньки, я сокращал расстояние. Спешка подвела: я споткнулся, растянулся во весь рост и уронил коробку. Кассета выпала и поскакала вниз по ступенькам. Я не на шутку перепугался — а ну как она разобьется? Пулей метнулся вниз, поднял кассету (кажется, цела, слава тебе, Господи!) и дальше нес уже аккуратно, прижимая к груди, как сокровище.

— Что? — испуганно встретила меня Виктория. Но мне было не до разговоров.

Руки у меня дрожали, засунуть кассету в щель магнитофона никак не удавалось. Я нервничал и готов был разнести все вокруг.

— Переверни, — тихо сказала сестра за спиной.

— Что?

— Я говорю, кассету переверни другой стороной. Вон стрелочка.

— Блин, точно...

Я схватил пульт и трижды нажимал на кнопку «play», прежде чем видак заработал. Наконец, на экране телевизора замельтешило, а потом вдруг возникло изображение. И я увидел Светку.

Девочка была снята во весь рост. В своем голубом платице она стояла у стены и прижимала к себе любимого Бараша. Вид у нее был несколько растерянный и испуганный, но она не плакала.

— А теперь посмотри сюда, в окошечко! — прозвучал за кадром приглушенный мужской голос. — И передай привет папе.

На Светкиной мордочке отразилось любопытство. Она завертела головой.

— А где Гелман?

— Папа будет смотреть через это окошко и увидит тебя!

— Хочу к Гелману! И к Юле! — скривилась Светка.

Тут возникли помехи, видимо, камеру выключили, а когда включили вновь, Светки уже не было. Просто пустой темный фон.

— Слушай внимательно, — вновь зазвучал голос. — Как видишь, твой ребенок жив, здоров и весел. Мы не изверги и ничего плохого девочке не сделаем. Теперь все зависит только от тебя. Твой ребенок для тебя, конечно, бесценен, и ты ничего не пожалеешь, чтобы вернуть девочку домой. Это будет стоить тебе миллион долларов. — При этих словах у меня потемнело в глазах. — Я не шучу. Именно миллион, и ни копейкой меньше. Деньги нам нужны через месяц. Больше мы ждать не будем. Жизнь девочки в твоих руках. Насчет милиции мы тебя уже предупреждали. Если все-таки обратишься — потеряешь ребенка тут же: мы тотчас об этом узнаем, у нас там свои люди. Мы знаем, чем рискуем, и поэтому будем сжигать за собой все мосты. — На этих словах голос оборвался, и на экране вновь замелькала черно-белая рябь.

— Герман, что это? — дрожащим голосом спросила сидевшая рядом сестра.

— Это то самое. — Я чувствовал, что подо мной проваливается земля, на какое-то мгновение в моих глазах померк свет.

— Тебе нехорошо, — донесся откуда-то голос сестры. — Ты такой бледный...

Да, мне было нехорошо, мне было очень нехорошо. Виктория метнулась на кухню и принесла мне стакан воды.

— Это твоя Светка, да? — тихо спросила она. В ответ я только кивнул

головой.

— Хорошенькая, я ведь никогда ее не видела. — Голос сестры дрожал. — Господи, какой же ужас, как же так можно!.. Совсем маленький ребенок...

Я перемотал кассету назад и посмотрел все еще раз.

— Какой миллион! — заорал я в экран телевизора, когда голос вновь назвал это невероятное число. — Откуда у меня миллион? Я что, Билл Гейтс? Или арабский шейх? Сволочи!

— Герман, послушай меня! — вдруг тихо проговорила Виктория. — У тебя *есть* миллион. Может быть, даже больше.

Я уставился на нее. Неужели она сошла с ума от потрясения?

— Виктория, что ты говоришь? Откуда у начальника автопарка такие деньги? Конечно, у меня неплохая, по нынешним меркам, зарплата, но я ведь даже не владелец, я наемный работник!

— Дело не в зарплате, Герман. Я привезла тебе письмо.

— Да что ты городишь, Виктория, какое письмо? При чем здесь письмо! Ты лучше скажи, что мне делать?

— Ну, для начала я бы на твоём месте немного выпила, — проговорила сестра, внимательно посмотрев на меня. — Только действительно немного. А то ты не сможешь меня слушать.

Я молча, как лунатик, пошел на кухню, достал из холодильника початую бутылку водки и щедро плеснул в стакан. Виктория пришла следом за мной, отобрала у меня стакан и вылила больше половины в раковину.

— Этого тебе вполне хватит!

Я хлопнул водки, но легче не стало.

— Господи, ну с чего они взяли, что я миллионер? — простонал я.

— Сядь, пожалуйста, — попросила сестра. Исчезла на минуту и вернулась в кухню с большим ярко-желтым конвертом в руках и протянула его мне:

— Читай!

Я взглянул на адрес. Письмо было адресовано не мне, а моей бабушке, Барбаре Шмидт, по-прежнему проживающей в Москве бок о бок с моей сестрой.

— Виктория... — я обернулся к сестре, но она только замотала головой. — Читай. Все вопросы потом.

Письмо было на немецком языке, но меня это не смутило. Бася, моя бабушка, владела им в совершенстве, и с самого моего детства учила меня, читая сказки Гофмана, Гауфа и братьев Гримм на их родном наречии. По

понедельникам, средам и пятницам она разговаривала со мной исключительно по-немецки. Став постарше, я с удовольствием занимался тем, что, положив перед собой «Фауста» или, скажем, «Лорелю», сравнивал оригинальный текст с переводами. Одно время пытался даже некоторые куски переводить сам, а уже потом заглядывал в русские варианты. Это увлекало, как игра. Когда текст перевода какого-нибудь известного литератора расходился с авторским, я сперва негодовал и бежал к бабушке поделиться своим возмущением, но она с улыбкой отвечала:

— Герман, это поэтический образ, здесь по-другому и не скажешь. Тебе это пока непонятно, но ты, если будешь много читать, скоро научишься чувствовать поэзию.

И она оказалась права. Понимание красоты слов действительно пришло. Я с удивлением открыл для себя, что иногда переводчик оказывался в передаче образа сильнее, чем автор произведения.

Письмо было отпечатано на дорогой, плотной и чуть сероватого оттенка бумаге, точнее даже не на бумаге, а на бланке какой-то Зальцбургской нотариальной конторы.

«Фрау Барбара Шмидт.

Являясь поверенным в делах господина Отто фон Фриденбурга, довожу до Вашего сведения, что господин Отто фон Фриденбург скончался 12 декабря 2001 года в своем родовом имении в Альпах. После себя господин фон Фриденбург оставил завещание, составленное при жизни и скрепленное личной подписью. Оригинал завещания хранится у меня как у поверенного покойного фон Фриденбурга. Завещание предано огласке, и я довожу до Вас волю покойного.

По завещанию г-на Отто фон Фриденбурга все движимое и недвижимое имущество отходит Вам и Вашему внуку Герману Шмидту 1963 года рождения. Все необходимые бумаги, закрепляющие право Германа Шмидта именоваться также и внуком Отто фон Фриденбурга, находятся в надежном месте. Копии этих документов хранятся у меня. Как поверенный в делах покойного г-на фон Фриденбурга довожу до Вашего сведения, что состояние г-на фон Фриденбурга довольно внушительное. Для более детального ознакомления с завещанием Вам или Вашему внуку необходимо прибыть в г. Зальцбург, Германия, по адресу: Йоганнесштрассе, 9, контора г-на Лейшнера.

Примите мои искренние соболезнования по поводу кончины г-на Отто фон Фриденбурга. Покойный был не только моим клиентом, но и другом. Можете во всем полагаться на меня.

С уважением,

Вильгельм Лейшнер.
20 января 2002 года».

— Что за черт?! Ничего не понимаю. Что за завещание? Кто такой этот фон Фриденбург и при чем здесь моя бабушка? — я не глядя опустился на кухонный табурет.

— Читай другое письмо, — велела Виктория, тоже усаживаясь напротив меня.

В конверте оказался еще один листок. Это была ксерокопия письма, написанного от руки, также по-немецки.

«Дорогая моя Барбара!

Жизнь без тебя оказалась очень грустной, а грусть — очень долгой... Но бог не захотел, чтобы мы были вместе. Прости меня, если можешь, за все твои несчастья. Если бы можно было прожить две жизни, я бы пошел другой дорогой и не отпустил бы тебя тогда. Я уйду из жизни. Уйду в той самой комнате, в которой мы провели с тобой три прекрасных осенних дня и три волшебные осенние ночи. Я всю жизнь любил только тебя. Только тебя одну.

Я верю: *ТАМ* мы встретимся. Если я, конечно, попаду в рай.

Ты не забыла нашу последнюю ночь в Альпах? Все остается в силе.

Навсегда твой Отто.

9 декабря 2001 года».

Дочитав, я поднял удивленный взгляд на сестру. Я ровным счетом ничего не понимал.

— Ты можешь хоть что-нибудь мне объяснить?

— Могу, — кивнула она.

Однажды утром почтальонша, уже много лет доставлявшая почту в наш дом, принесла заказное письмо для моей бабушки. Но той не оказалось дома — очевидно, вышла за покупками, — и почтальонша, давно привыкшая считать Басю и Курнышовых одной семьей, позвонила в дверь Виктории. Сестра, как обычно в это время суток, крепко спала. Настойчивый звонок застал ее врасплох. Полусонная, ничего толком не соображая, она накинула на себя халат, открыла дверь, приняла конверт, машинально за него расписалась и вновь поспешила вернуться в постель. Проснувшись, она напрочь забыла о письме, которое, как выяснилось потом, в то утро просто бросила на стоящую в прихожей тумбочку для обуви. Причем бросила неудачно, так, что конверт упал, завалился между тумбочкой и стеной и провалялся там почти полгода. И только несколько дней назад, когда туда же упали ее ключи, Виктория полезла за ними и нашла какой-то желтый конверт. Удивленная, вскрыла его, даже не поглядев

на адрес, и...

— Ты же знаешь, я когда-то учила немецкий. Суть писем я поняла сразу, потом, конечно, пришлось воспользоваться словарем...

— Но ты, разумеется, показала письмо Басе?

Виктория смутилась.

— Нет, Герман, не показала... — виновато улыбнулась она.

— Ну как же так? Почему?

— Видишь ли, я побоялась, — как-то совсем по-детски призналась сестра. — Все-таки наша Бася уже старый человек... Мало ли, что с ней может случиться от такого потрясения! Не дай бог, с сердцем плохо станет... А тебя нет рядом... Вот я и решила — сначала отвезу письмо тебе. В конце концов, тебя эта история тоже касается напрямую. А потом мы все расскажем Басе. С тобой вместе.

— Так вот, что означали твои слова, что у меня есть миллион... — задумчиво проговорил я. — О том, кто был ее мужем и отцом моей мамы, Бася никогда не рассказывала, сколько бы я ни просил. А он, получается, немец и состоятельный человек...

— Похоже, что очень состоятельный, Герман.

Я еще раз внимательно прочитал первое письмо, потом — второе... Потом и то и другое еще раз.

«Если все это не сон, — забрезжила у меня слабая надежда, — то это же... Это же шанс спасти Светку! Тут написано — движимое и недвижимое имущество принадлежит внуку Барбары Шмидт и Отто Фриденбурга. И этим внуком являюсь я — Герман Шмидт... Невероятно! Если все наследство быстро продать, может, и наберется этот проклятый миллион!»

И тут меня словно по голове ударило: да ведь те, кто украл Светку, знали о завещании — отсюда и миллион долларов! От этой догадки меня даже в дрожь бросило. Но это было единственным реальным объяснением происходящего.

Я сжал пальцы так, что побелели костяшки. Спокойно, только спокойно, Герман Шмидт! Кто же это мог быть? Здесь, во Львове? Исключено. Значит, в Москве.

Я пристально посмотрел на сестру.

— Виктория, мне нужно выяснить у тебя очень важную вещь. Очень важную, понимаешь?

Сестра испуганно закивала:

— Да, Герман, конечно!

— Вспомни, пожалуйста, кому ты рассказала о завещании? Басе не

говорила. А кому?

— Господи, да никому, конечно! Разве можно раньше времени распространяться о таких вещах?

— Ты извини, если я лезу не в свое дело... Но, тому человеку... которому ты звонила с вокзала? Ты вроде сказала, что кого-то встретила, собираешься замуж?

— Нет, братик, и ему я ничего не говорила. Удержалась, хотя и очень хотелось, конечно... Только тебе и Лизе.

— Час от часу не легче! Какой еще Лизе?

— Ну, Лизе Телепневой, моей подруге! Разве ты ее не помнишь?

На лице сестры было совершенно искреннее недоумение, и я некстати вспомнил, что точно так же искренне удивлялась Светка, когда выяснялось, что я или Юлька не знаем кого-то из ее кумиров, каких-нибудь героев любимых мультяшек.

— Дочка, что это такое нарисовала? Что это за зверь?

— Это не звель, это смешарик!

— Что еще за шарик?

— Ну смешарик, ты что не знаешь? — И взгляд такой же чистый и недоуменный. Я увидел Светку так ясно, словно она стояла передо мной, и сердце сжалось от боли.

Виктория тем временем рассказывала:

— Когда ключи завалились за тумбочку, Лиза как раз была у меня, мы собирались на концерт. Я при ней нашла письмо, при ней распечатала, прочла... Посоветовалась с ней, рассказать ли Басе или сначала сообщить тебе. Она подтвердила, что будет лучше, если мы с тобой поговорим с Басей вместе, подготовим ее... И, кстати, тоже велела мне никому не рассказывать о завещании.

— А сама, значит... Черт, черт, черт! — я был вне себя. Попадись мне сейчас под руку эта неведомая Лиза Телепнева, я бы ей шею свернул.

— Ну что ты, Герман! — запротестовала Виктория. — Лиза не может иметь никакого отношения к этим событиям! Мы с ней дружим уже лет двадцать, она человек порядочный и надежный! Как ты мог подумать, что она...

— Я и не говорю, что она сама организовала похищение. Но наверняка раззвонила о наследстве по всему городу! Так, что это дошло до каких-то бандитов!

— Да нет, это тоже сомнительно! — снова возразила Виктория, но уже не так уверенно.

— Мне обязательно надо будет встретиться с этой Лизой!

— Как скажешь, Герман...

Несколько минут мы молчали, занятые своими мыслями.

— И что ты собираешься делать? — тихо прервала паузу сестра.

— Пока не знаю, — честно отвечал я.

— Если хочешь, я тебе подскажу. Я перед отъездом навела кое-какие справки — как оформляют германские визы и вообще... Слушай.

Глава 5 Пани Барбара

Ей часто снился родной город. Не тот современный мегаполис, полный иномарок и рекламных плакатов, который глядел на нее с присланных Германом фотографий и мелькал иногда в телевизионных новостях, и не тот обукраиневшийся *Львив*, который она увидела, когда однажды выбралась туда в конце семидесятых вместе с внуком, тогда еще старшеклассником, и поразились обилию современных панельных и силикатного кирпича домов, украинской речи и трогательно-забавных надписей в духе «Смачно як у мамі».

Нет, ей виделся совсем другой город, тот польский Львов, что был городом ее детства. После таких снов она, проснувшись, всегда еще подолгу лежала в постели и вспоминала мощенные булыжником улочки, маленькие кофейни, где так вкусно пахло свежесдобой, фонари, желтевшие в ночи, как маячки, строгие костелы с неизменными букетиками на ограде, чумазых трубочистов со щетками, воркующих на крышах голубей, молочников, развозящих по домам молоко, девочек в белых платицах для первого причастия, напоминающих маленьких ангелочков, обворожительных старушек в шляпках прошлого (а теперь уже позапрошлого!) столетия, старинные браны^[4] в домах, которые уже тогда, больше полувека назад, были таки-и-и-ми древними! Сколько воды утекло с тех пор... Сейчас ей уже семьдесят шесть. Старуха. Значит, никогда уже ей не пройти по родной Шпитальной, не постоять у витрин универмага «Пани Ванда», не заглянуть в кондитерскую к веселой Марысе. Впрочем, Марыси давно уже нет на свете, да что Марыси, нет тех магазинов, тех кафе, тех улиц... Дома, конечно, стоят, что им сделается: они были там до нее, будут и после. А ей скоро, наверное, уже уходить. И Бася вздыхала и закрывала глаза. Как давно было все это — молодость, война, любовь, далекий западный город...

— Проше пани, «Флькишер беобахтер» и «Дер Ангрифф». — Звякнули монетки, и мужская рука в черной кожаной перчатке потянулась за газетами. Перед ее киоском стоял немецкий офицер. Это ее, конечно, не удивило. Чему удивляться: идет война, в городе немцы. Удивило другое — офицер обращался к ней на польском языке. И улыбался так хорошо. Другие офицеры просто бросают рейхсмарки и чеканят: «Дойче альгемайне цайтунг» или «Франкфуртер цайтунг». По всему было видно, что офицер, кроме этой фразы — проше пани, — по-польски больше

ничего не знает.

«Вот чудак, — улыбнулась она. — Специально, похоже, выучил». И это было приятно. Лица она его тогда, конечно, не рассмотрела, да и не пыталась это сделать. Не пристало юной паненке разглядывать незнакомых молодых мужчин. Да еще немцев.

Офицер пришел за газетами на следующий день, потом еще и еще. И тогда она все-таки увидела, что глаза у него карие и добрые и что улыбка мягкая-мягкая, а губы — потрескавшиеся. И что на пальце левой руки — перстень с замысловатым вензелем. Купив газеты, офицер никогда сразу не отходил, а стоял у киоска, перелистывая сначала одну, потом другую. Это не всегда было удобно: зимний ветер переворачивал газетные листы, и они с шумом трепетали своими бумажными крыльями, норовя вырваться из рук.

Но в какой-то день офицер не появился, не сказал свое «проше пани». И назавтра не пришел. И на послезавтра... Не то чтобы ее это огорчило, совсем нет. Но сказать, что она вообще не заметила его отсутствия, тоже было нельзя — это оказалось бы неправдой.

Однажды в марте, поздним вечером, перед самым закрытием киоска, она услышала в окошке знакомый голос:

— Проше пани...

Она не сразу его узнала — он был не в привычной для нее форме, а в элегантном темно-синем плаще. На голове — велюровая шляпа: такие стоят немалых денег.

— Извините, господин офицер, но ваши «Фллькишер беобахтер» и «Дер Ангрифф» уже закончились. Вы пришли сегодня слишком поздно, — эти слова были произнесены ею на прекрасном немецком языке.

— Вы говорите по-немецки? — От удивления у молодого офицера брови поползли вверх.

— И говорю, — улыбнулась девушка, — и пою.

— Наверное, у вас был хороший учитель, — офицер был явно рад возможности просто и легко пообщаться с миловидной паненкой.

— Мой папа был немцем.

— Он погиб? — осторожно спросил собеседник.

— Нет, не погиб... Сердечный приступ. Хотя кто знает, если бы не война...

— Примите мои соболезнования. Они помолчали.

— Так вы с мамой живете? — Офицер в велюровой шляпе явно не торопился уходить.

— С мамой.

— И когда закроете свой киоск, пойдете, наверное, домой, к маме?

— Разумеется.

Подошли последние покупатели, пожилая семейная пара, долго выбирали открытки с видами города. И все это время офицер не уходил, стоял рядом.

«Почему он не уходит? — стала волноваться она. — Чего ждет?»

Любители видов отыскивали, наконец, то, что понравилось им обоим, и заспешили дальше.

— Разве вам не пора закрывать киоск? — спросил офицер, видя, что девушка продолжает сидеть на месте. — Скоро комендантский час. Вы ведь не собираетесь здесь ночевать?

— Да-да, сейчас наведу здесь порядок, — она принялась переключать с места на место свой нехитрый товар, — и пойду.

Офицер улыбнулся и сказал:

— Вы не бойтесь меня, я не злоумышленник, нападать на вас не стану, я просто хочу проводить вас домой. Можно?

Она не нашлась, что ответить, только вспыхнула до корней волос.

Во-первых, еще никто никогда не провожал паненку Барбару домой, хотя ей уже исполнилось семнадцать лет.

А во-вторых...

Господи, как же ей не хотелось выходить из своего киоска, из этой скорлупы, из этой ее маленькой крепости! Но вот порядок наведен, потом наведен еще раз, а симпатичный офицер все не уходит. Вот наброшено легкое пальтишко, вот выключен свет, заперт с легким щелчком замок... Пути к отступлению нет. Первые шаги навстречу нежданному кавалеру были самыми трудными. Девушка выжидающе взглянула в лицо офицера, сразу же углядела появившуюся в его глазах растерянность и зло улыбнулась.

Она была гордой, очень гордой, юная паненка Барбара.

— Может, господину офицеру надо спешить, и он думает, что со мной это будет не так-то легко?

— Нет-нет! — затряс головой кареглазый. — Я никуда не спешу.

— А я спешу! — почти выкрикнула она и припустила с места в карьер.

Барбара была хороша той красотой, которая присуща всем молоденьким девушкам: глаза блестят, кожа светится изнутри, губки удивительно пухлы и розовы. Прекрасны были русые волнистые волосы — словно по ним прошлась легкая морская рябь. Ее очень украшала улыбка — можно было и не быть обладателем красивых волнистых волос, бездонных серых, почти прозрачных глаз, нежной кожи и розовых губ,

имея такую улыбку. Но бог был щедр и подарил ей все сразу.

А подарив, он, наверное, подумал, что немножко переборщил. А может, за такой красотой *это* просто не бросилось ему в глаза...

Паненка по имени Барбара Шмидт была хромоножкой. А что может быть тяжелей для девушки, особенно когда ей семнадцать?

В девять лет маленькая Бася каталась на лыжах и, лихо съезжая с крутой горки, неловко упала и сломала ногу. Перелом получился, как сокрушенно повторял усатый здоровяк фельдшер, поганый, кости срослись плохо. С тех пор у девушки одна нога стала чуть короче другой, а в ненастную погоду суставы каждый раз ныли, точно у старушки.

Рассерженная выражением лица кареглазого, Барбара спешила изо всех сил. Офицер шел за ней быстрым шагом, буквально бежал, чтобы поспеть, и не знал, о чем говорить. А ведь целых три месяца, с тех пор как его служба перебазировалась во Львов, он любовался ею, проходя мимо киоска. Учил эту фразу: «Проше пани...» Думал, как подойдет, познакомится... Боялся, что форма отпугнет ее. И вот отъехал на несколько дней по делам и там вдруг неожиданно для себя почувствовал, что хочет скорей вернуться обратно во Львов, увидеть ее глаза и улыбку, дотронуться до волнистых волос... Ему даже начали сниться сны — о нем и о ней. «Неужели я влюбился?» — подумал он, проснувшись в ночи, и улыбнулся: это был, наверное, первый случай в знатном роду Фриденбургов, когда влюбленный отпрыск старинной семьи не знал даже имени своей возлюбленной...

— Вот я и пришла, — девушка поднялась на ступеньки — их было всего три — и принялась отпирать дверь.

Она, оказывается, жила очень близко от своего киоска, а ее стремительный полет сократил время их прогулки, наверное, на треть. За эти пять-семь минут он так и не нашелся, что ей сказать. Ему не удалось сделать две вещи сразу — не отстать от очень быстро идущей девушки и при этом найти удачную тему для разговора.

— Спасибо, герр офицер, что проводили меня, — сказав это, Барбара влетела в распахнувшуюся дверь и быстро захлопнула ее за собой. Он остался стоять на улице. На душе было скверно.

Она не сомкнула глаз всю ночь. Сначала тихо плакала, зарываясь в подушку, потому что боялась разбудить маму, спавшую рядом, за стеной, потом лежала с открытыми глазами, горящими от пролитых слез, и вспоминала, вспоминала, вспоминала...

— Баська, — говорил ей отец, — сегодня мы все разговариваем на немецком. Сегодня понедельник.

У них было заведено: понедельник, среда, пятница — немецкие дни; вторник и четверг — русские; а субботу и воскресенье отдавали польскому. На этом языке говорили на их новой родине.

В начале двадцатых годов, похоронив к тому времени своих стариков, постояв на прощание у собственной швейной фабрики, теперь уже бывшей, молодой Иоганн Шмидт со своей совсем юной женой покинул советскую Россию. Тогда выехать было еще довольно просто. Сначала обосновались в Варшаве, где их семья уже давно держала вместе с компаньонами несколько магазинов готового платья. Но через два года неприятности настигли и здесь; фирма «Шмидт и К0» разорилась, магазины пошли с молотка. Иоганн винил мошенника-управляющего, исчезнувшего в один прекрасный день с громадной суммой денег. Это можно было бы как-то пережить, и пережили бы, но через два месяца выяснилось, что фирма — должник не одного банка, и чтобы расплатиться со всеми, надо просто свернуть дело. Мама говорила потом, что отец был очень непрактичным человеком, слишком доверял людям.

Собрав «остатки роскоши», переехали во Львов, купив предварительно маленький магазинчик. Стали торговать «дамским товаром» — в основном модными шляпками.

Здесь, во Львове, и родилась Барбара. Имя девочке дала мама, русская по происхождению, Мария Шмидт, в девичестве Кудрявцева, дочь профессора Петербургского университета. Отец, немец Иоганн Шмидт, не спорил с женой: он и сам за четыре года успел влюбиться и в язык, и в быт, и в стиль жизни поляков. Ему, как и ей, очень нравилось, с какой легкостью и певучестью щебечут в их магазинчике польские пани, как грациозно сидят они в креслах летних кафе, как они вольнолюбивы и в то же время набожны, элегантны и остроумны, как галантны и красноречивы их спутники — наверное, никто во всем мире не умеет общаться так красиво, вежливо и обходительно, как поляки.

— Поэтичней слова «пани» я не слышала, — улыбалась госпожа Шмидт, примеряя то ту, то другую шляпку из новых поступлений. — Как чудесно звучит: «Пани Мария...»

Жизнь потихоньку стала налаживаться, маленькая Барбара, любимица родителей Басенька, подрастала, клиенток в магазине было столько, что пришлось открывать филиал. Теперь всеми делами заправляла пани Мария, оказавшаяся куда более способным и ловким предпринимателем, чем ее супруг. Шмидты жили в достатке и были бы вполне счастливы — если бы не эта напасть с Васиной ногой. Каких только врачей ни приглашали, сколько денег было отдано, сколько слез было пролито — увы, болезнь так

и не отступила: Барбара осталась калекой. Когда беда стала не только реальностью, но и повседневностью, к ней стали прилаживаться. Чтобы дочка не чувствовала себя ущербной, не оставалась наедине со своими горестными мыслями, на нее обрушили водопад внимания. В дом к девочке стали приходить «ученые мужи», как говаривал папа, и преподавать ей разные предметы так, как просила мама, — «чтобы Баська от удивления рта не закрывала». Так и учили. Не утомляли сухой наукой, не требовали зубрежки. География непременно сопровождалась чтением приключенческих романов, история — вылазками в музеи, литература требовала театральных спектаклей и бурных дискуссий на разных языках. К четырнадцати годам Барбара одинаково легко говорила и по-русски, и по-немецки, и по-французски, и по-польски, прекрасно пела и играла на нескольких музыкальных инструментах, хорошо разбиралась в литературе, музыке, живописи. Старания Иоганна и Марии Шмидт не прошли даром. Их дочь Барбара не замкнулась в собственных переживаниях, не заиклилась на своем «уродстве» — выросла умненькой, интересующейся, доброжелательной и жизнерадостной.

Но уж такое выпало время — что родителям, что детям той эпохи, — что всему хорошему, всему радостному и светлому в те годы суждено было омрачиться общей страшной трагедией. Осенью тысяча девятьсот тридцать девятого года в Польшу вошли немецко-фашистские войска. Еще первого сентября, в первый день войны, отец был жив, но уже второго... Слишком изношенным оказалось его сердце. Только-только отметили девятый день — и Польша пала. А сороковины семья встретила уже при Советах: семнадцатого сентября во Львове появилась Красная Армия — город отошел Сталину. В ту осень навсегда прекратилось и щебетание примеряющих шляпки дам в магазинчике Шмидтов, и разговоры мамы с «учеными мужами» за кофе и бисквитами, и Басино обучение. На пороге четырнадцатилетия Барбару поджидала совсем другая жизнь.

— Баська моя родная, — вздыхала мама, — за что же нам время такое досталось?

Все хранящиеся в банке деньги и драгоценности пропали. Уютную, такую родную квартиру — целый этаж в центре города — новая власть «обменяла» на «немножко похуже». Уцелевшие в этом хаосе клиентки магазина донашивали свои шляпки, уже не следя за парижской модой. А собственная мода была одна — выжить.

Когда в сорок первом во Львов вернулись немцы, от фамильных драгоценностей остались совсем крохи. Характер у Марии Шмидт был сильный, и, будь она здорова, она, конечно же, нашла бы хоть какой-то

выход из тяжелой ситуации. Но после смерти мужа ее вдруг стали одолевать болезни, одна за другой. Пани-фрау Мария слегла и уже почти не вставала. Басе, которой к тому времени едва исполнилось шестнадцать, пришлось взвалить на свои хрупкие плечи все заботы и по уходу за больной матерью, и по обеспечению их жизни. И девушка не отказывалась ни от какой работы — и шила, и гладила, и убирала, даже стирала, даже мыла полы, — только чтобы выручить немного денег на еду и лекарства матери. Видя ее мытарства, кто-то из соседей посоветовал Шмидтам подать прошение на открытие лавочки — и просьбу неожиданно удовлетворили. Барбаре и Марии Шмидт разрешили торговать газетами и всякой мелочью в маленьком киоске у городской управы. Это было настоящей удачей — больше никому из знакомых семьи получить такое разрешение не удалось. Вероятнее всего, помогла немецкая фамилия отца. Матери и дочери казалось, что Иоганн и после смерти оберегает своих, как он всегда с нежностью их называл, «двух маленьких фройлейн». С тех пор шесть дней в неделю, с раннего утра и до вечера, паненка Бася продавала в своем киоске газеты, журналы, открытки и все прочее, а потом спешила домой к больной матери и допоздна убирала, стирала, штопала и готовила нехитрую еду.

В ту ночь Барбара ворочалась с боку на бок: сон никак не шел в заплаканные глазки. Только под утро она забылась, но спать долго не пришлось — киоск открывался рано. Встав с тяжелой после бессонной ночи головой, опухшими от слез глазами, она наскоро позавтракала и принесла чашку чаю в спальню к маме.

— Девочка моя! — только и ахнула пани Мария. — Что с тобой?

Но Бася ничего ей не рассказала, только сослалась на легкое недомогание. Идя, прихрамывая, к своему киоску, по тому же пути, по которому ее вчера провожал кареглазый лейтенант, девушка ничего не чувствовала — ее душа сегодня была холодна. Она уже понимала, что в ее жизни возникло нечто такое, чего ей не изменить, сколько бы она ни молилась деве Марии и своей святой покровительнице Барбаре. Целый день она чувствовала себя напряженно, точно натянутая струна. Но напрасно — вчерашний провожатый так и не появился.

«Ну и прекрасно, и хорошо, и замечательно, — сказала себе Барбара. — Мне еще не хватало с фашистами под ручку гулять!»

Она закрыла киоск, когда часы на ратуше пробили шесть часов вечера.

«Надо бы зайти к пану Богумилу, он обещал немного ржаной муки», — вспомнила девушка и свернула на соседнюю улицу.

— Пани, можно я провожу вас сегодня? — услышала она за спиной

знакомый голос.

Он тоже плохо спал этой ночью: лежал и думал о девушке из киоска. О ее бездонных серых глазах и волнистых, словно морская рябь, русых волосах, маленьких ручках и тонких нежных пальцах.

Конечно, он сильно растерялся, увидев ее походку, он совсем не был готов к этому.

«Как жаль, — подумал он в тот миг, — такая красивая...»

Перед рассветом он, наконец, заснул, и она тотчас приснилась ему: все смеялась, высоко запрокидывая голову. Там, во сне, он нашел губами ее хохочущий рот и стал жадно его целовать и все никак не мог утолить эту жажду. А она вдруг вырвалась из его объятий и побежала — быстро-быстро. Он бросился за ней, но никак не мог догнать и все не понимал — почему? Во сне он буквально был готов расплакаться от отчаяния. Но она вдруг сказала ему:

— А ты и не сможешь меня догнать! Смотри — ведь у меня есть крылья, я лечу!

И действительно, за спиной у нее было два серебристо-прозрачных крыла, переливавшихся в солнечном свете всеми цветами радуги. Она махала ими, словно стрекоза или бабочка, и парила в вышине. И ему так хотелось взлететь к ней, он подпрыгивал, но, сколько ни старался, у него не получалось оторваться от земли.

— Как мне тебя жалко! — крикнула она сверху. — У тебя поломались крылья!

И он увидел себя с высоты ее глазами: у него, оказывается, тоже были — но они оказались сломаны...

* * *

— Барбара, любимая, я хочу показать тебе место, где я родился, — сказал Отто, нежно целуя ее в ладошку. — У нас есть возможность выбраться туда на целых три дня. Такой шанс нельзя упускать!

— Но как же... — растерялась Бася. — Как же это?

С тех памятных им обоим неудачных первых проводов прошло около полугода. Прохладная и дождливая ранняя весна сменилась буйным и пышным цветением, которым так славятся те прекрасные края, затем

жарким летом, затем поздней и теплой осенью. Много изменилось и в отношениях молодых людей — за эти несколько месяцев жительница оккупированного города Львова полунемка-полурусская Барбара Шмидт и потомок старинного немецкого рода, офицер рейха Отто фон Фриденбург поняли, что жить не могут друг без друга.

— У меня отпуск на трое суток. Представляешь, мы можем провести с тобой эти три дня вместе?! И совершенно одни — только ты и я.

— Но как же мама? Я не могу оставить ее так надолго!

— Барбара, любимая, давай придумаем что-нибудь! Быть может, у вас найдется знакомая или соседка, какая-нибудь добрая женщина, которая согласится приглядеть в твоё отсутствие за пани Марией? Я готов ей заплатить.

— Да, такая женщина есть, тетя Зося, мамина подруга. Она иногда помогает мне, только никаких денег за это не возьмет...

Они долго летели среди облаков на каком-то маленьком самолете. Пилотом был друг Отто, молчаливый блондин в военной форме. За весь путь он не произнес ни слова, только кивнул в ответ на смущенное приветствие Барбары. Впрочем, всем троим было не до разговоров. Во-первых, отправляясь в такой вот несанкционированный полет, они сильно рисковали. А во-вторых, салоны военных самолетов тех времен отнюдь не были комфортабельны и совсем не располагали к светской болтовне.

Через несколько часов самолет приземлился на совершенно ровную лужайку в горах, покрытую, точно ковром, густой зеленой, несмотря на октябрь, травой.

— Познакомься, вот они — знаменитые альпийские луга! — сделал широкий жест Отто. Измученная полетом Бася только ахнула от вида окружающей ее красоты. Она была буквально подавлена царящей вокруг тишиной, опьянена полным аромата трав горным воздухом, таким густым, что его, казалось, можно было бы черпать ложкой, очарована яркими и сочными красками.

— Здесь люди, наверное, не умирают, — восхищенно сказала она. — Здесь нельзя умереть. Здесь так дышится...

Нежно поддерживая свою возлюбленную то за маленькую руку, то за гибкую талию, Отто помог девушке спуститься с горы, выбирая наиболее пологие тропинки. У подножия их поджидала машина с шофером в штатском.

— Здесь недалеко, — прокомментировал Отто. — Каких-нибудь полчаса — и мы на месте.

Дорога то резко поднималась вверх, то вдруг уходила вниз так круто,

что девушка испуганно вскрикивала, закрывала глаза и крепко сжимала руку любимого. Когда они, наконец, добрались до родового имения фон Фриденбургов, Бася не поверила своим глазам: дом, прятавшийся среди гор, казалось, не мог быть построен руками человека. Это было нечто абсолютно природное, совершенное, словно выросшее из холмов, лугов, облаков и неба.

— Наверное, твои предки посадили здесь когда-то маленькое семечко домика, — зазвенел колокольчиком ее смех. — Такое нельзя построить, такое может только вырасти!

Машина высадила их на лужайке перед входом и тут же исчезла из вида. Бася и Отто остались одни.

— Добро пожаловать во дворец, моя принцесса! — Молодой человек открыл тяжелую дверь и пропустил девушку внутрь.

Барбара, как зачарованная, бродила по коридорам и комнатам, любуясь высоченными расписными потолками, обитыми шелком и бархатом стенами, картинами известных мастеров, старинной мебелью и утварью. Кроме них двоих, в доме не было ни души.

— Как же ты в таком большом доме обходишься без помощников? Представляю, какво все это убирать, поддерживать чистоту...

— Помощники, конечно, есть, и немало, но я их всех отпустил на эти дни. Будет приходить только фрау Бригитта, она будет готовить и оставлять еду на кухне, но мы ее даже не увидим. Мне хотелось побыть эти три дня только с тобой, чтобы ни одна живая душа нам не мешала.

— Отто, я просто не могу в это поверить!.. Я точно попала в сказку...

Эти три дня и три ночи, проведенные ими в родовом имении фон Фриденбургов, были самыми счастливыми в жизни пани Барбары Шмидт. Никогда в своей жизни, ни до этой минуты, ни тем более после, не переживала она ничего подобного.

Бессчетное множество раз ее память возвращалась к тем незабываемым мгновениям и отточила воспоминания до ювелирной четкости. И даже сейчас, в семьдесят шесть, Барбара Иоганновна, пенсионерка, бывшая домработница генерала Курнышова, помнила каждый миг, проведенный ею в Альпах, представляла его себе, словно яркий кадр из цветного фильма. Вот они завтракают в огромном зале, сидя напротив друг друга за большим, крытым белоснежной скатертью столом, едят вкуснейший, только что испеченный хлеб, нарезанную тонкими ломтиками холодную телятину и тающую во рту нежную форель — еду, вкус которой она успела совершенно забыть за время войны. Вот она в венке из последних луговых цветов восседает, словно на троне, на мягкой

живописной куче опавшей листвы, а Отто опустился перед ней на колени и целует ей руки. Вот они бродят, нежно прижавшись друг к другу, по берегу пруда и любят упавшими в воду золотыми и красными листьями, покачивающимися на волнах, точно маленькие кораблики.

— Я так счастлива! — признается юная Бася, глядя снизу вверх в глаза своему возлюбленному. — Я даже не думала, что такое возможно...

А он, обнимая ее и глядя по русым волосам, отвечает:

— Нам бы только пережить войну! Только бы пережить... И тогда в целом мире не будет людей, счастливее нас. Навсегда. На всю жизнь.

Это были чудесные дни, но еще более чудесными были ночи — они спали в необыкновенной комнате, где вместо потолка был стеклянный купол, поддерживаемый снизу семью столбами из цветного камня. Простенки между столбами были выложены кусочками горного хрусталя. На одной из дальних стен, уходящей своим арочным верхом высоко-высоко, был выложен мозаикой библейский сюжет: Адам и Ева, с нежностью глядящие друг на друга. Над широкой кроватью, ставшей на три дня и три ночи земным раем для Отто и Барбары, было только небо, вокруг — одни горы, утопающие в золоте осени.

В третью, последнюю, ночь Отто, взяв свою любимую за руку, подвел ее к большой стене с изображением Адама и Евы и сказал, зарывшись губами в ее волнистые волосы:

— Мы ведь не можем знать своей судьбы. Они, — он посмотрел на мозаику, — тоже не знали. Но я верю, что мы с тобой обязательно будем вместе. И ты верь. Пусть этот Адам и эта Ева дождутся нас. Я знаю самый главный секрет этой спальни — быть здесь вдвоем с любимой. Если это условие нарушить, наши прародители, — он улыбнулся и снова кивнул на Адама и Еву, — удивятся. Ведь они однолюбы. Но мы здесь с тобой — а значит, обязательно будем счастливы. Вот, возьми, — он протянул ей узкую длинную коробку, — и сохрани это. И верь, что все у нас получится.

Когда рано утром они вновь стояли на той же горе в ожидании самолета, Отто последний раз обнял ее и спросил:

— Ты ни о чем не жалеешь?

Бася лишь помотала головой:

— А ты?

— Только об одном. Я не сумел подарить тебе эдельвейс. Ты же знаешь, у нас в горах есть такой обычай — возлюбленной надо обязательно принести горный цветок. Сейчас — увы! — осень, и эдельвейсы уже отцвели. Но я клянусь тебе, что обязательно...

Однако в чем заключалась клятва Отто, Бася так и не узнала. Его слова

заглушил приближающийся гул самолета.

Глава 6 Герман и Виктория. Мы с тобой одной крови

Сначала мы долго говорили о делах. Виктория не переставала меня удивлять. Она очень серьезно подошла к вопросу, навела всевозможные справки и теперь последовательно, шаг за шагом, объясняла мне, что предстоит делать, какие документы собрать, как связаться с немецкими посольствами в Киеве и в Москве. Я только руками развел:

— Откуда ты все это знаешь?

— Ну, я же поездила немного по миру... Да и друзей у меня много, есть с кем посоветоваться.

Когда план ближайших действий стал мне более или менее ясен, разговор вновь вернулся к Светке. Сестра принялась горячо убеждать меня, что с дочкой все будет хорошо:

— Видишь, я же тебе говорила — у меня интуиция. А теперь мы получили документальное подтверждение, что она жива и здорова. Надо будет только изобрести какой-нибудь хитрый ход, ну, чтобы у нас были стопроцентные гарантии. Отдаем деньги только в обмен на нее и никак иначе. Но это мы придумаем, время еще есть...

Она уже так уверенно говорила «мы», что мне действительно становилось спокойнее. Теперь я не один боролся за Светку, у меня появился друг и союзник.

Виктория поднялась из-за стола, снова заглянула в холодильник, ловко нарезала колбасу и ветчину, красиво разложила по тарелочкам зелень и тещины маринованные огурцы, вынула из серванта две стопки и налила водки.

— Теперь можно и выпить...

— Давай. За Светку.

— За нее.

Дернули, потом еще по одной. Сестра хрустнула огурчиком и вздохнула:

— Да-а, не думала я, не гадала, что эта новость прибудет к тебе *вот так*. Хотела привезти тебе радость...

— ...а привезла надежду на спасение дочки. Поверь, это намного важнее.

Она опять вздохнула.

— И еще одно, Герман... Тебе придется много ходить по инстанциям,

собирать документы и все такое. Это, к сожалению, очень долго. Бюрократия процветает везде, и у нас, в России, и у вас, на Украине... Но существует один хороший способ, помогающий ускорить процесс.

— Деньги?

— Они, родимые... Видишь ли, братик, — чуть смущенно проговорила она, — у меня сейчас все в порядке с финансами, я продала кое-что из родительского наследства. А тебе понадобится немало — на взятки, на билеты, с собой надо иметь большую сумму, так принято... Хочешь, я дам тебе займы, а потом ты вернешь мне, когда получишь наследство?

Я был тронут ее участием.

— Спасибо, Виктория... Вика. Но у меня есть деньги. Я копил на новую машину и уже почти набрал, но теперь она, конечно, подождет, Светка важнее всего...

Мы помолчали, закурили и выпили третий раз — и снова за Светку.

Вика заговорила на другую тему — видно, решила отвлечь меня от грустных мыслей:

— Слушай, Герман, давно хотела тебя спросить: а как так вышло, что ты из Москвы попал сюда, на Украину? Бася почему-то не хочет об этом говорить...

— Ну еще бы, история была неприятная. Ты, наверное, не помнишь — меня же из института выгнали?

— Почему, прекрасно помню. Ты в Бауманском учился. И неплохо учился, между прочим. А потом, уже незадолго до окончания, в армию загремел.

— Ну да, так и было. Глупость вышла несусветная... Я с девчонкой встречался из иняза. Сначала у нас все хорошо было, а потом у нее другой кавалер завелся, будущий дипломат. Закрутила она с ним, а мне ничего не говорила — видно, держала про запас, на всякий случай, если с этим самым атташе что-нибудь не срастется. Ну, а я ведь молодой был, горячий... Стал разбираться, что к чему, караулил ее у дома, у института. Психовал, учебу совсем забросил, сессию завалил. Да еще с деканом поругался, нахамил ему, дурак... Ну, меня и турнули за хвосты и хронические непосещения, а ведь год-то всего и оставался!

— Ну да, помню я это все... Зимой тебя отчислили, а весной сразу в армию забрали. Ты в погранвойсках служил. На Дальнем Востоке. У Баси до сих пор твоя фотография на полке стоит — с собакой.

— С Альмой... — кивнул я. — Но ты меня просто поражаешь, Вика! Я думал, ты вообще меня не замечала, а ты, оказывается, все про меня знаешь

и помнишь...

Сестра только улыбнулась:

— Ну, а дальше что было?

— Давай допьем, тут как раз по полрюмки осталось... Дальше? Вернулся, а что делать, не знаю. Ни образования, ни профессии. Наверное, можно было бы в институте восстановиться, но я же гордый был! Не стал. А тут дружбан мой, Сашка Семенов, был у меня такой приятель, предложил «бомбить», ну, частным извозом заняться. Я и согласился.

— И про это я помню, и Сашку знаю. Он, кстати, до сих пор в нашем доме живет. Бизнесменом стал, у него фирма своя, компьютерами, что ли, торгует... А вот что потом-то случилось?

— А то и случилось. Еду я как-то по Боровскому шоссе, это в Переделкине, тормозят меня два парня с большой сумкой. Ребята как ребята — в куртках, в лыжных шапках, тогда все так ходили. «Шеф, отвези в Медведково!» Ну, в Медведково так в Медведково. Бросили сумку в багажник, поехали. А тут гаишник с жезлом — ваши документики? Те парни, как форму увидели, тут же из машины выскочили и деру. А мент, естественно, пристал — что да как, да открой багажник. Ну, мне деваться некуда, открыл, достал их сумку, расстегнул — мама дорогая, а там два «калаша» и патронов на целый взвод!

— Прости, я не поняла, что было в сумке?

— «АК» — автоматы Калашникова. Я про них, естественно, и знать не знал, но разве это докажешь? Меня под белы ручки — и в казенный дом. А только выпустили под подпись, Бася меня тут же, от греха подальше, спровадила из Москвы сюда.

— Господи, ужас какой!

— Ну, это как посмотреть. Может, и ужас, а может, просто судьба мне тут жить. Я ведь во Львов еще школьником приехал и влюбился тогда в этот город, как в женщину.

— Судьба, говоришь? — задумчиво переспросила сестра. — А как по-твоему, что это такое? Расположение звезд на небе, да? Или линии на руке?

— Нет, — решительно возразил я. — Это не звезды и не линии. Это люди, которые окружают тебя и влияют так или иначе на твою жизнь. Причем ты можешь даже не знать о существовании этого человека, а он где-то рядом вершит твою судьбу. Ты наталкиваешься на человека или человек наталкивается на тебя — все равно кто, и в мире что-то происходит, меняется. Пересекутся в один прекрасный день две судьбы — и ты на новой линии, как шар в бильярде. Шар ведь сам не выбирает себе линию, ему надо для начала от кого-то оттолкнуться. Но тот, об кого он

ударяется, тоже меняет линию движения.

— Интересная теория...

— Вот и сейчас, — продолжал я, — в мою жизнь ворвались какие-то подонки, которые круто перепахали все на моей линии. Но это им так не сойдет. Я их так толкну — мало не покажется!

— Не сомневаюсь, Герман! Но мы отвлеклись. Значит, ты так и прижился здесь, во Львове?

— Ну да. Васины друзья помогли с работой — пристроили в автопарк. Сначала был шофером, теперь вот вырос до начальника. Квартиру купил, женился...

— А с Юлькой своей ты как встретился?

Я нахмурился. Наше знакомство с Юлькой — еще одна причина, почему я не хотел отпускать жену на этот проклятый остров. Слишком хорошо помнил, что между первой нашей встречей и первыми горячими объятиями на обтянутой полиэтиленом кушетке в «клизменной» прошло чуть больше семидесяти двух часов — тех самых, что даются на отдых медсестрам, работающим «сутки через трое». И хотя Юлька всегда клялась-божилась, что у нее так не было больше никогда и ни с кем, а со мной вышло исключительно потому, что она влюбилась в меня с первого взгляда, в душе все-таки копошился червячок сомнения. Не то чтобы я не верил своему Дельфиненку... Просто побаивался, что она в любую минуту может с тем же успехом влюбиться в кого-нибудь другого. Вот так же, с первого взгляда.

Лично я, когда увидел ее четыре года назад, то просто голову потерял. А дело было так: из-за пустячного, в общем-то, повода — железная заноза в пальце, которая вдруг вздумала воспалиться, так что пришлось даже резать гнойный «карман», — я вдруг оказался в районной больнице. И на второй же день моего там пребывания утро началось с появления в палате прелестной медсестрички, которую я, за широко расставленные глаза и не сходящую с лица милую улыбку, сразу окрестил Дельфиненком. Юлке тогда только-только девятнадцать исполнилось, ох, и хороша же она была! Представьте себе — длинноногая, стройненькая, грудь четвертого размера, ничем, кроме белого халатика не прикрытая, а сам халатик нейлоновый, полупрозрачный такой, сквозь него все видно. Я еле-еле дождался ее нового дежурства...

Когда я выписался, мы с ней чуть не каждый день встречаться стали. А вскоре выяснилось, что Дельфиненок мой в белом халатике что-то там неправильно посчитала и теперь находится, как в старых книжках писали, «в интересном положении». И я, не раздумывая, потащил ее в загс и в

тридцать шесть лет впервые в жизни сделался мужем, а затем и отцом.

Раньше я, как всякий неравнодушный к слабому полу мужик, не слишком-то торопился под венец. И всегда сторонился тех женщин, которые проявляли в этом вопросе излишнюю настойчивость. Как бы ни была хороша та или иная дивчина, но стоило ей начать демонстративно поглядывать на витрину магазина свадебных платьев, меня тут же как ветром сдувало.

С Юлькой же вышло совсем наоборот. Я женился на ней, даже толком не узнав, что она за человек. О том, например, что она у меня экстремалка, с парашютом прыгает и с маской ныряет, я первое время даже не догадывался. И что делать, пришлось принимать как должное. Вот только гонять на мотоцикле я, помня о маминой гибели, ей категорически запретил.

Излагать всю эту историю Вике я не стал и поспешил перевести разговор на другую тему:

— Ну что мы все обо мне да обо мне? Ты про себя расскажи! Как ты, что ты? Где работаешь, чем занимаешься?

— Официально работаю в оркестре радио и телевидения, но это так... неважно. Да не хочу я про свою работу говорить, неинтересно это совсем!

— Понимаю. Ты хотела бы рассказать про своего жениха, да?

Лицо Виктории так и осветилось, словно внутри нее зажгли лампочку:

— Если честно, то очень хотела бы, братик! Но понимаю, что тебе сейчас совсем не до этого. Ты ведь небось все это время не только не ел, но и не спал толком? Иди-ка ты ложись, завтра у нас с тобой трудный день...

* * *

Долго уговаривать Виктории не пришлось — брат, похоже, уже и правда с трудом держался на ногах. Объяснил, где ей лечь и где взять постельное белье, добрал до другой комнаты и через несколько минут уже спал глубоким сном. А привычная к полуночным бдениям Вика вымыла посуду и прибралась в кухне, наконец-то приняла душ и, не торопясь, стала устраиваться на ночлег. Ей предстояло спать в гостиной — у Германа оказалась довольно приличная трехкомнатная квартира в хорошем современном доме. Виктория раздвинула диван и стала застилать его

чистым бельем, прислушиваясь к доносящемуся из спальни ровному дыханию брата. Господи, только бы все кончилось хорошо, только бы вся эта история завершилась благополучно!

Несмотря на удобное ложе — никакого сравнения с купейной полкой! — она никак не могла уснуть. Видимо, отоспалась в поезде еще на несколько суток вперед. Больше всего на свете хотелось позвонить Игорю, обсудить с ним столь обильные впечатления сегодняшнего дня, услышать любимый голос. Но сделать это было нельзя, хотя бы и потому, что ее наручные часы показывали десять минут третьего — а это значило, что в их краях уже четвертый час ночи, и мужчина ее мечты, конечно, давно спит. Виктория перевернулась на другой бок, закрыла глаза и ясно представила себе лицо возлюбленного, его волосы, глаза, фигуру, его голос, походку, характерное движение, которым он стряхивал пепел с сигареты, свойственную только ему манеру чуть приподнимать одну бровь — эта его привычка просто сводила ее с ума.

Только недавно, встретив Игоря и испытав всю гамму чувств, которые только может пережить женщина, обожающая мужчину, Вика вдруг сумела понять свою мать. Оказывается, разгадка тайны характера Марии Львовны была очень проста. Дело не в том, что у нее был скверный характер, что она получала удовольствие, доставляя неприятности другим. Просто она *очень* сильно любила своего мужа. И была с ним несчастлива, потому что он не отвечал ей тем же. Мария Львовна так страдала от измен любимого человека, что обозлилась на все человечество. И в особенности — на женщин.

Бася частенько рассказывала ей, что раньше Мария Львовна была совсем другой. И Вика сама могла убедиться в этом, увидеть свою *совсем другую* мать — правда, это продолжалось очень недолго, каких-нибудь несколько недель. Почти двадцать лет после смерти отца Мария Львовна была еще более невыносимой, чем при нем, но только сейчас Вика поняла, что она существовала все эти долгие годы словно по инерции, продолжая чисто внешне сохранять облик живого человека, хотя на самом деле душа ее уже была мертва. После смерти любимого мужа у нее уже не было ничего, что держало бы ее на этом свете. Трудно в таком состоянии не возненавидеть весь мир... И только смертельно заболев, Мария Львовна вдруг сильно изменилась, сделалась тихой, ласковой и какой-то словно виноватой, будто хотела попросить у них у всех прощения за свои грехи. Вика даже помнила, с чего это началось. Однажды, когда Марии Львовне в очередной раз стало нехорошо, Бася подала ей, вместе с лекарством, воду в хрустальном бокале. Таких бокалов у них когда-то было два, на одном был

нарисован Адам, а на другом — Ева, но Адам давно разбился.

Мария Львовна запила лекарство, поставила полупустой бокал на край столика, но сделала это так неловко, что фужер соскользнул с лакированной поверхности и со звоном упал на пол.

— Боже! Разбился? — На лице матери отразился такой ужас, что Вике даже стало не по себе.

— Ну разбился, и бог с ним! Можно подумать, у нас посуды мало. Ты, мама, нашла из-за чего расстраиваться!

Но Мария Львовна, казалось, ее даже не слышала.

Она со стоном опустилась в кресло и, закрыв лицо рунами, забормотала еле слышно:

— Значит, все... Мне пора к нему... Это знак, знак свыше...

Тогда, восемь лет назад, Виктория ничего не поняла и только удивлялась резким переменам, происшедшим вдруг с ее матерью. А та вдруг начала гаснуть буквально на глазах, за несколько месяцев из энергичной и еще полной сил женщины превратилась в больную старуху, слегла в постель и уже не вставала. За несколько недель до смерти Мария Львовна настояла на том, чтобы Германа, о котором она почти не вспоминала все это время, срочно вызвали в Москву.

В то утро, когда его ждали, Мария Львовна проснулась ни свет ни заря, велела сменить постельное белье, переодеть ее в новый халат и села в кровати, тяжело опираясь на подушки.

— Виктория, — Мария Львовна говорила тихо, ее было еле слышно. — Мне осталось немного, — она перевела дух. — Я хочу, пока не поздно, со всеми проститься.

— Мама, пожалуйста, не надо... — привычно начала дочь.

— Я прошу тебя. — Мария Львовна закрыла глаза. — Мне трудно долго говорить, не мешай мне.

— Но тебе же стало лучше, да и врач сказал... — Виктория, как могла, пыталась ободрить мать.

Но та остановила ее движением руки.

— Послушай меня. Сегодня приедет Герман.

— Да, я знаю.

— Никуда не уходи, дождись его, вы мне нужны. Оба.

— Хорошо, мама, как скажешь.

— Где Бася?

— На кухне. Позвать ее?

— Да.

Часы в спальне глухо пробили два раза.

— Бася! — Генеральша с трудом повернула голову в сторону коридора, откуда послышались характерные прихрамывающие шаги домработницы.

— Да, Мария Львовна, я здесь. — Бездонные серые, почти прозрачные Басины глаза не изменились за пятьдесят лет жизни в генеральской семье; по густым, коротко стриженным волосам пробежала все та же морская рябь, только теперь они были не русыми, а пепельно-серыми.

— Во сколько поезд, я запомнювала...

— В шестнадцать десять. От вокзала ему полчаса езды. Значит, часов в пять он уже должен быть здесь, — Бася не скрывала своей радости.

— Господи, как долго, — вздохнула ее хозяйка. — Как бы не помереть раньше времени...

— Ну что вы, Мария Львовна, как можно, — улыбнулась Бася. — Хотите, я вам кагорчику в чай накапаю?

— А что, и накапай! Мне теперь здоровье беречь без надобности, могу себе позволить все, что хочу.

Вика вышла на балкон покурить.

«Что за блажь нашла на мать? — подумала она, щелкая зажигалкой. — Зачем ей вдруг понадобился Герман? Всегда шпыняла его, а теперь дожидаться не может. Никак действительно решила со всеми проститься...»

Она, конечно, жалела свою мать. Но только потому, что та была теперь больной, старой и умирающей. Простить ей все те страдания, которые претерпела по ее вине, Виктория так и не смогла.

«Разве можно так воспитывать детей? — думала она. — Если бы у меня был ребенок, как бы я его баловала...»

Когда в передней раздался звонок, Бася, как молоденькая, бросилась к двери. Виктория поспешила следом. Ей тоже не терпелось увидеть соседа, шесть лет назад зачем-то внезапно уехавшего из Москвы на Украину. Шум открываемого замка, радостные возгласы — и вот появился Герман, возмужавший, уже совершенно взрослый мужчина. Вика чуть не ахнула — в какой-то момент ей показалось, что на пороге стоит отец. Но это, конечно, было обманом зрения.

Бася, вся светившаяся от счастья, прижималась щекой к плечу внука.

— Господи! — бормотала она. — Мальчик мой... Приехал... Дождалась... Увидела...

Вика тогда тоже обнялась с прибывшим — наверное, первый раз в жизни.

— Надо же, какой ты стал... — сказала она. — Такой... — И не смогла подобрать слова.

— А я звоню к нам, — сообщил Герман, — а там никто не открывает.

— Да я здесь почти все время, уж очень слаба Мария Львовна. — Бася не могла отвести от внука нежного и восхищенного взгляда.

— Пойдем туда? — вопросительно взглянул на нее Герман.

— Чуть позже, — вздохнула его бабушка. — Сначала нам надо к Марии Львовне. Она очень ждала тебя.

Весь вид Германа выражал крайнее удивление, но вслух он ничего не произнес. Впрочем, если бы молодой человек даже и задал свой вопрос, ни Бася, ни Виктория не смогли бы ничего ему ответить.

Герман вошел в спальню и застыл на пороге. Вика отлично его понимала. Узнать в полусидящей на постели высохшей старой женщине еще год назад здоровую и пышнотелую Марию Львовну было практически невозможно.

— Вот какой ты стал... — улыбнулась Мария Львовна. — И как похож... — она выразительно посмотрела на Басю, та согласно закивала головой. — Садись, Герман, не бойся, я не заразная. И вы обе садитесь, мне надо с вами со всеми поговорить.

Вика села в ногах широченной кровати, Герман опустился в стоящее около двери кресло, Бася примостилась на краешке стула.

Мария Львовна обвела собравшихся взглядом:

— Мы все как большая семья. Я так счастлива, что успею все сказать, пока не ушла туда... — она махнула рукой, изображая это «туда». — Ты знаешь, — обратилась Мария Львовна к дочке, — как я любила твоего отца...

В комнате повисла томительная пауза.

— Ну вот, — продолжала Мария Львовна, вздохнув, — так случилось, а в жизни всякое случается... — Она бросила взгляд на Басю, словно ища у той поддержки.

— Может, водички? — заботливо спросила Бася.

— Да, будь добра. — На лице Марии Львовны отразилось страдание.

Домработница поднесла к ее губам хрустальный стакан:

— Может, не сейчас?... Давайте отложим разговор. Ведь вам нехорошо.

— Нет! — с неожиданной решительностью возразила Мария Львовна. — Откладывать нельзя, завтра может быть уже поздно. Сейчас или никогда!

— Хорошо, — Бася тихо ретировалась на свое место.

— Мне нужно сказать вам... Тебе, Вика... И особенно тебе, Герман... Очень важную вещь. Дело в том, что... — Мария Львовна замолчала, в ее все еще жгуче-черных глазах — пожалуй, единственном, что осталось от

прежней генеральши Курнышовой, — заблестели слезы.

— Может, еще водички? Или лекарство? — участливо спросила Бася.

— Нет-нет, — всхлипнула Мария Львовна, — спасибо, Васенька, я сейчас... сейчас соберусь...

— Дело в том, что Валерий Андреевич... Твой отец, Вика... И... — она изможденно откинулась на подушки. — Нет, Бася, я не могу! Давай ты...

Бася как-то вся подобралась, посмотрела на Германа, потом на Викторину, потом снова на внука и, набрав побольше воздуха в легкие, выдала без всяких предисловий:

— У тебя, Виктория, и у тебя, Герман, один отец, Валерий Андреевич. Стало быть, вы брат с сестрой.

В первый момент Виктории показалось, что ее подвел слух.

— Что-что? — переспросила она.

— То, что ты слышала! — жестко сказала Мария Львовна.

— Но как же так? — растерялась Вика. — Не может быть, чтобы папа и Берта...

И тут же замолчала, поняв всю нелепость своих слов.

Герман сидел с открытым ртом и выглядел при этом довольно глупо.

— Бабушка, а как же альпинист? — вдруг спросил он. — Ну, который погиб на Эльбрусе?

— Господи, да не было никакого альпиниста и никакого Эльбруса! — отмахнулась Бася. — Ну не могла же я тебе тогда правду сказать? Вот и выдумала скалолаза. Все-таки не так банально, как полярник или летчик-испытатель.

— Ну, теперь я спокойна, — Мария Львовна устало опустилась в кровати. — Все это уже в прошлом, ни Валеры, ни Берты уже нет на этом свете. Скоро и я... Может, надо было сделать это раньше, но я не могла. Простите меня... Простите за все... Теперь я могу спокойно умереть. Ты, Виктория, не останешься одна: Герман хороший мальчик, он будет тебе заботливым братом, ведь правда, Герман?

* * *

Сквозь какой-то болезненный сон я услышал голос Светки. «Гелман!»

— словно бы позвала она. Я резко подскочил на постели и прислушался, но в квартире, конечно, было тихо. Часы показывали пять двадцать три утра.

Я двинулся в ванную и по пути споткнулся обо что-то. Это была сумка Виктории. Да, ведь ко мне приехала сестра! Я вспомнил весь вчерашний день. Сегодня мы с Викторией должны ехать в Киев... А потом в Москву. Я сразу представил себе Басю, как она мне обрадуется, как начнет расспрашивать о Светке... Черт, придется как-то выкручиваться. Хотя тем для разговора у нас будет предостаточно, она ведь еще ничего не знает о завещании, о письме...

Я умылся, побрился и почистил зубы, не переставая размышлять. Мне было о чем подумать. Получалось, что мой дед и отец Берты, моей мамы, вовсе не погиб на фронте, как неохотно призналась мне как-то бабушка. Он прожил еще больше пятидесяти лет после войны, где-то в Зальцбурге... А Бася молчала, как партизан. Впрочем, в этом как раз не было ничего удивительного. Ведь она столько времени не говорила мне о том, что моим отцом был генерал Курнышов. А тут дед — немец... Ну да, ведь и у мамы, и у меня немецкие имена... Вся эта история очень может оказаться правдой.

Я уже одевался, когда услышал, как в гостиной одновременно зазвонил будильник и запиликал незнакомый голос сотового — очевидно, Викиного. А через некоторое время показалась и сама сестра — бледная, растрепанная, с широко раскрытыми невидящими глазами.

— Где у тебя ванная? — механическим, словно у автоответчика, голосом поинтересовалась она.

— Там, — показал я, и она, как сомнамбула, побрела в ту сторону.

— Вика, а кто завел будильник? — спросил я, когда сестра, наконец, вернулась.

— Я, конечно.

— Зачем?

— Как зачем? Ты что, забыл, сколько у нас сегодня дел? Нам нужно ехать в Киев.

— Ты хочешь сказать, что ради меня совершила такой подвиг и встала в шесть утра?

— Да, это было нелегко, — согласилась она. — Не думай, я до сих пор еще сплю. Но я же должна тебе помочь... Слушай, а кофе в этом доме есть? Иначе я так и не проснусь.

— Да-да, конечно! — кинулся я. Я готов был достать для нее не только кофе, но и звезду, да что там звезду, целую луну, целое солнце с неба. За одну ночь Виктория — Вика, сестра! — вдруг сделалась для меня самым

близким человеком на свете.

Глава 7 Ну и змея!

Ранний завтрак был прерван телефонным звонком. Мы с Викой так и подскочили — оба были в полной уверенности, что звонят похитители, но это оказалась Юлька.

— Я вас не разбудила? — прокричала она сквозь помехи.

— Меня — нет, а Светка еще спит, — отвечал я.

— Герман, я сегодня улетаю! Самолет через полтора часа! Представляешь, уже вечером я буду на острове! — Даже по телефону я чувствовал, что моего Дельфиненка буквально распирает от радости.

— Как ты там? — глупо спросил я.

— Да великолепно! Только звонить вам уже больше не смогу, это не разрешается. А вы как?

— Уже соскучились.

— И я тоже. Ну ничего, время пролетит быстро. Ждите меня с кровяными!.. Пока! И она отключилась.

— Улетела, — сказал я, вешая трубку.

— Оно и к лучшему, братик, — мудро заметила Виктория. — Представляешь, что бы было, если бы она не уехала? А так к ее возвращению Светка уже будет дома. И Юля даже ничего не узнает.

Мы с Викой еще раз пересмотрели кассету и обратили внимание на то, что съемки сделаны очень грамотно. В кадр не попало ни одной лишней детали — ни вида из окна, ни мебели, ни какой-нибудь, самой маленькой, вещицы, которая могла бы хоть как-то намекнуть на то, где именно держали моего ребенка. Только Светка и черный фон — наверное, стену занавесили темной тканью. Виктория сказала, что, по ее мнению, это похоже на бархат, но она может и ошибаться — очень уж размыто изображение. Также ничего не подсказала нам и коробка, в которой лежала кассета, — обыкновенная коробка из-под обуви, таких тысячи, если не миллионы.

— Если бы мы с тобой хотя бы умели снимать отпечатки пальцев, — растерянно проговорила Вика, вертя в руках кассету, в которой тоже не было ничего необычного.

— И что бы это нам дало? — усмехнулся я. — Ты, сестренка, детективов начиталась.

Снова затренькал телефон, и снова это не были вести о Светке. На этот раз звонила Юлькина мать.

— Герман, как вы там? — затараторила она. — Как Светунька, очень ли скучает по мамочке? Мы тут со Славой решили, что ты должен привезти ее к нам на несколько дней. Приезжайте прямо сейчас.

— Нет, Инна Константиновна, не могу! — стал отнекиваться я.

Вика раздобыла где-то листок и быстро написала на нем: «Кто это?» — «Теща», — отвечал я тем же способом. «Она знает?» — появилось на листке. Я отрицательно замотал головой.

— Что значит — не можешь? — удивлялась тем временем моя телефонная собеседница. — Я тебя не понимаю... Герман?

«Скажи, что сию минуту уезжаешь в Москву!» — написала Вика, и я радостно ухватился за эту подсказку.

— Инна Константиновна, мы в Москву едем. Бабушку мою навестить. Она же еще никогда не видела правнучку, — вдохновенно симпровизировал я.

— Да что ты? Так неожиданно...

— Да, так получилось... За мной сестра заехала, вот мы и собрались. Они со Светкой уже в машине сидят, а я вещи отношу, вы меня от двери вернули... — продолжал врать я.

— Герман, но как же это так? Хоть бы предупредил! Мы даже не попрощались с ребенком!.. Может, вы заедете к нам по дороге?

— Нет, Инна Константиновна, никак не получится, мы уже опаздываем... До свидания! Мы обязательно позвоним из Москвы.

И торопливо опустил трубку на рычаг. Ну, слава тебе, Господи, еще одной заботой стало меньше.

День прошел в хлопотах, а ночь мы с Викой встретили уже в поезде, мчащем нас в Киев. В столице независимой Украины меня ждало очень важное дело — мне предстояло посетить немецкое посольство, получить разрешение на поездку в Германию и оформить визу.

Вика и здесь позаботилась обо мне. В Киеве у нее обнаружилась давняя приятельница, бывшая сокурсница по консерватории, которая в связи с теплой весной уже перебралась жить на свою дачу, недавно выстроенную на самом берегу Днепра, и милостиво разрешила нам остановиться на ее квартире в одном из переулков, выходящем на Андреевский спуск. Впрочем, воспользоваться ее гостеприимством нам почти не пришлось. Сразу с поезда, кое-как приведя себя в порядок прямо в купе, я отправился в посольство, постоял в очереди, потолкался среди людей, все разузнал, уточнил, какие документы мне необходимо подготовить, и записался на прием так скоро, как только было возможно — через три дня.

Совместив военный совет с обедом в симпатичном летнем кафе на улице Олесея Гончара, мы с Викой разработали дальнейший план действий. Было решено, что я вернусь на эти три дня домой и закончу все необходимые дела, а сестра, которой нет смысла ехать со мной, отправится в Москву и будет ждать меня там.

Очередной поезд примчал меня во Львов около трех часов пополудни. Я вышел из здания одного из самых красивых в мире вокзалов, поправил на плече ремень спортивной сумки... и ноги как-то сами собой понесли меня на Двирцеву площадь, к дому с высокой аркой, во двор, затененный кроной старого каштана. Я шагнул в прохладу подъезда, поднялся на тот самый последний этаж по тем самым лестницам, по которым совсем недавно бережно нес подбитую мной птицу.

А вот и та самая дверь с медной табличкой: «Профессор Збигнев Бартошинский». Я позвонил, но, как и в прошлый раз, в квартире стояла тишина. Мне это не понравилось, и я еще сильнее надавил на кнопку звонка.

Внезапно послышался шум совсем не с той стороны, откуда я его ожидал, — за спиной открылась дверь квартиры напротив. На площадку вышла пожилая женщина и, подслеповато щурясь в полутьме лестничной площадки, поинтересовалась:

— Пан хочет снять квартиру? Сейчас, минуточку, я принесу ключи и покажу ее вам.

— Снять квартиру? — удивился я. — Но разве профессор и его внучка, — я указал на табличку, — здесь больше не живут?

— Пан что-то путает! — отвечала моя собеседница. — Збышек, царствие ему небесное, скончался в девяносто первом году. А внуков, как и детей, у него никогда и не было, он так и не женился, — она тяжело вздохнула. — Квартира досталась племяннику, он уже лет семь как ее сдает. Будете смотреть?

— Да, конечно! — согласился я, сам не зная, зачем.

— Только простите ради Христа, тут еще не прибрано, — засуетилась соседка, отпирая дверь. — Прежние жильцы съехали несколько дней назад, но я еще не успела, навести порядок, все хвораю... Ноги очень болят. Врачи говорят — артроз, но я же чувствую, что это не артроз, а самый настоящий артрит...

Я едва слушал ее, так был удивлен. Выходило, что рыженькая Регина вовсе не была внучкой профессора, она только снимала здесь квартиру. В принципе в самом этом факте не было ничего особенного — ну захотела девочка поинтересничать, немного набить себе цену, как сейчас принято

говорить у молодежи, попонтоваться. Но вот то, что сразу после встречи со мной она тут же исчезла — как выяснилось, съехала с квартиры (с больной ногой, между прочим!), уже выглядело странно.

Просторный холл и особенно стоящий в нем диван, покрытый клетчатым пледом, вызвали во мне целый рой воспоминаний. Женщина семенила по дому, открывая двери и показывая мне комнаты.

— Смотрите, вот здесь гостиная, там кабинет, тут спальня, дальше по коридору — ванная и удобства...

Квартира была обставлена старой, но добротной мебелью. То там, то здесь бросались в глаза следы пребывания бывших жильцов — дверца шкафа для верхней одежды была приоткрыта, на столике у телефона забыта какая-то бумажка, в нескольких пепельницах еще оставались окурки — и не только сигаретные, тоненькие, с золотым ободком и следами помады, но и один толстый, коричневый, не иначе — сигарный.

— Неряхи! — Женщина стала наклоняться, чтобы поднять что-то цветное, лежавшее на полу у наших ног. Я, как вежливый человек, опередил ее и сам подобрал желто-зеленую картонную коробочку. Это была пустая пачка от снотворного, довольно сильного, такое принимала бабушка моего Дельфиненка.

Где-то вдалеке послышался телефонный звонок. Я машинально похлопал себя по карманам, но мой мобильник молчал.

— Ой, это у меня в квартире! — сообразила пожилая женщина. — Проще пана, я сейчас вернусь. А вы пока осматривайтесь.

Она ушла, а я побрел на уже знакомую мне кухню, чтобы выбросить коробочку от лекарства. Мусорное ведро оказалось, как это часто бывает, прикрепленным к дверце шкафчика под мойкой. Оно было почти полно, и его содержимое меня здорово удивило — помимо всякой дребедени, там виднелись стаканчики от детского йогурта «Растишка», обертка от «Киндер-сюрприза», упаковка от дорогих мужских носков и баллон из-под французской пены для бритья.

«Чудно!» — сказал я себе. Можно еще было допустить мысль, что рыженькая Регина курила сигары и страдала бессонницей. Но чтобы при этом она еще ела детское питание, брилась и носила мужские носки? Получается, она жила тут не одна, а с целой толпой людей — как минимум с мужчиной и с ребенком.

Я закрыл шкафчик под мойкой, открыл, сам не зная зачем, холодильник, и увидел там полбатона хлеба, уже совершенно засохший бутерброд с колбасой и несколько кастрюль. Они все до единой были пустыми и стерильно-чистыми.

Теряясь в догадках, я перешел в соседнюю комнату, оказавшуюся спальней. Здесь тоже повсюду виднелись следы торопливых сборов — начиная с забытого впопыхах на спинке кресла шелкового шарфика и заканчивая неубранной широкой кроватью, на которой явно спали вдвоем. На одной из смятых подушек даже остался длинный медный волос.

Машинально поднимая небрежно брошенную посреди комнаты упаковку от колготок, я заметил, что за креслом виднеется что-то ярко-голубое. Сердце замерло от нехорошего предчувствия. Я отодвинул тяжелое старинное кресло и ахнул. На полу валялось Свет-кино матросское платье.

Сомнений быть не могло: это была Светкина, и только Светкина одежонка. Я не мог ошибиться. Это платье Юлька сама сшила дочке за пару недель до своего отъезда. Сшила из своего любимого наряда, безнадежно испорченного слишком горячим утюгом, оставившим черный горелый след на самом видном месте. Юлька тогда так расстроилась, что чуть не заплакала от отчаяния: уж больно оно ей нравилось, это платье в морских тонах.

— А ты сшей из него что-нибудь Светке и любуйся потом своим платьем на дочке. Заодно и отомстишь горелой дырке, — пошутил я, чтобы немного отвлечь Дельфиненка от ее горя.

И Юлька сразу же как-то воспряла, схватилась за ножницы и принялась за работу — это действительно было похоже на скоропалительную месть.

Платьице получилось очень оригинальным: из полосатых рукавов вышел роскошный воротничок-капюшон, а вместо помпона Юля приделала на него маленький колокольчик, прятавшийся в ворохе голубых и белых шнурочков. Таким же полосатым был и низ платья- узкая полоска по всему подолу.

— Ну что, бескозырка белая, в полоску воротник, — пропел я, увидев дочку в новом наряде, — это платье надо срочно выгулять.

И мы всей семьей отправились в ближайшую кафешку, где подавали взбитые сливки с черносливом и замечательный кофе по-турецки.

Каким образом Светкино платье могло оказаться в этой квартире? Вывод напрашивался только один — дочка была здесь. Ее переодели во что-то другое, а платье осталось, завалилось за кресло и было второпях забыто... Но что же это получается — рыжая Регина причастна к похищению Светки?... Получается, все было подстроено! Вот хитрая тварь, как ловко она обвела меня вокруг пальца!

; Я кое-как сложил платье и быстро спрятал его в свою сумку. В

ожидании соседки, которая что-то задерживалась, я продолжал осматриваться — теперь уже, разумеется, с повышенным вниманием — но больше ничего важного не находил. Наконец, послышались шаркающие старческие шаги.

— Прощу прощения, что заставила пана ждать. Звонила старшая дочь из Кракова, мы теперь так редко с ней видимся. Когда она разошлась со вторым мужем, то...

Но у меня не было никакого желания вникать в их фамильную историю, меня слишком занимали собственные семейные дела. Я набросился на женщину с расспросами:

— Скажите, вы что-нибудь знаете о людях, которые жили тут несколько дней назад? Кто они? Откуда? Когда и куда уехали?

— Понятия не имею! — отвечала та. — С ними имел дело только Петр, я как раз хворала. Вроде бы семейная пара... Я их даже не видела, они и пробыли-то тут неделю, если не меньше. А до них квартира долго пустовала, желающих снять не находилось — больно дорого. Но Петр не хочет сдавать дешевле, хотя я ему сто раз говорила, чтобы сбросил цену. Лучше ведь сдать подешевле и иметь хоть что-то, чем вообще ничего, правда? Но он меня и слушать не хочет...

Я понял, что придется применить хитрость.

— Знаете, мне понравилась эта квартира, — сказал я, — и высокая цена меня не смущает. Я бы хотел поговорить с хозяином, как вы сказали его зовут, Петр?

— Да, Петр, Петро Григорьевич Нос. Записывайте адрес и номер телефона.

Чтобы занести координаты Петра в свою записную книжку, я пристроился за столиком в холле и обратил внимание на цветную бумажку около телефона. Это была рекламная листовка нашего автопарка.

— Можно я позвоню Петру Григорьевичу прямо отсюда?

— Попробуйте, но, боюсь, вы его не застанете. Они с женой до шести часов на службе.

Она оказалась права — телефон хозяина квартиры не отвечал. Ну что же, придется ждать до вечера.

Во дворе, под сенью каштана, меня вдруг осенило. А что, если?... Во всяком случае, проверить надо обязательно. Я спешно вынул мобильный и набрал знакомый номер нашей диспетчерской.

— Девочки, алло, кто там?

— Та це ж я, Герман Валерьянович, Гала!

— Здравствуй, Галочка! У меня к тебе будет очень важное дело!

Посмотри, пожалуйста, не было ли у нас за последнюю неделю вызовов на Двирцеву площадь, дом шесть, квартира пятнадцать? Поняла?

— Зрозуміла, чай, не дурная! Зараз пошукаем... Двирцева два, Двирцева семь... Ось, е! Двирцева площадь, шесть, квартира пятнадцать! Осемнадцатого травни, девятнадцать годын.

— Восемнадцатого мая в семь вечера? А кто вез?

— Та ж мий Остап Миколаич!

— Остап? Он на месте?

— Ни, нэмаэ.

— Галя, он мне срочно нужен! Разыщи, из-под земли достань, слышишь! Я через пятнадцать минут буду в парке, пусть он тоже подъедет, это очень важно!

— Зараз, Герман Валерианович!

Галя Черемешко была женщиной толковой. Вскоре ее муж Остап стоял передо мной, нервно поигрывая ключами от машины. Он был немного встревожен срочным вызовом, и я торопливо объяснил ему, что все в порядке, ничего не случилось и он ни в чем не виноват. Просто мне нужно кое-что узнать.

— Ведь это ты забирал пассажиров с Двирцевой площади шесть, квартира пятнадцать, вечером восемнадцатого мая?

— Пам'ятаю, йыздыв.^[5] — А кого ты вез?

— Сим'ю виз. Прыйжджи, судячи з вымовы — точни москали. Панночка молодэька — ох и красуня... Я б йийи и сам з задоволенням... Руденька, з ногамы вид вух. А чоловьяга з нэю — дывытыся нэма на шо.

Товстый, лысый, в литах — рокив мабуть з п'ятдесят йому. Протэ, бач, багатенький. П'ятдесят гривень жбурнув мэни и рэшту нэ взяв. Ще дытынка з нымы була...^[6]

— Ребенок? — только что не заорал я.

— Сама так, дытынка! — подтвердил явно озадаченный моей реакцией Остап. (На работе ведь никто не знал о моем несчастье.) — Дивчынка, зовсим манэнь-ка — рочкив из тры, нэ бильше.^[7]

— Немедленно расскажи мне о девочке! — потребовал я.

— Та нэма що розповидаты. Я йийи и нэ роздэ-вывся як слид вона увэсь щлях спала. Вона спала вже як воны до машины сидалы, мужик йийи на руках тры-мав. Дивча як дивча... Здаэться билиявка. Я на нэйи вза-гали нэ дывывся — все бильше на йийи мамашу споглядав.^[8]

— Как она была одета? Девочка?

Остап только пожал плечами. Я понял, что слишком много от него

хочу.

— А куда они ехали?

— До аэропорту! У них и вализы булы, мене по-прохалы знесты.^[9]

— Вот, значит, как... О чем говорили по дороге?

— Ну як звычайно, про што люды говорят як на потяг або лытак поспитають. Чи встыгнемо, чы усэ на мисци, документы, квыткы чи у порядку. Хвылювалисья.^[10]

— А о девочке хоть что-нибудь говорили? Хотя бы по имени называли? Вспомни, это очень важно!

Остап долго чесал в затылке, супил брови, хмурился, пытаясь вспомнить.

— Здається ни. Кажу ж, вона усю дорогу на задньому сыдинни спала.

^[11]

— Может, они говорили, куда собираются лететь? Или рейс называли? Мой собеседник покачал головой:

— Ни, не казали...

Мне пришел в голову еще один вопрос:

— Послушай, Остап, а эта женщина, ну, рыженькая, — она случайно не прихрамывала?

Черемешко только башкой замотал:

— Ни, ничиго подибного! Бигала, як лошадка!

— Ну что же, спасибо тебе и на этом! — Я пожал ему руку.

Остап расплылся в улыбке, радостный, что все обошлось.

— Та нэма за шо! — И все-таки не удержался от любопытного: — А навищо воно тобі?

Но я, конечно, не стал ни во что его посвящать.

Итак, картина постепенно начинала проясняться. Выходило, что рыжая Регина с каким-то сообщником специально разыграли, как по нотам, всю сцену с мнимым наездом. И пока эта дрянь развлекала меня на диване со льдом, ее подельник забрал из моей машины Светку. Выманил какой-то хитростью, а мог даже и вытащить силой... А что? Уже темнело, двор пустой, народу кругом никого... Открыл дверь, зажал девочке рот, чтобы не кричала, да и перенес в другую машину. А после того как я уехал, затащил Светку в эту же квартиру, где ее и продержали, получается, еще около двух суток. Вероятно, и снимали здесь... а потом... посадили в самолет и увезли в неизвестном направлении.

Я был в гневе, в ярости, в исступлении, я просто-таки зубами скрежетал от бешенства. И более всего в этой истории злила меня Регина.

Недаром ее облик сразу вызвал во мне ассоциации со змеей на генеральском хрустальном бокале. Змея, она змея и есть. Соблазнительная, лживая и коварная. А я так доверчиво попался в расставленные ею сети...

До вечера я успел не только получить у себя в парке нужные справки, но и продумать предстоящий разговор с паном Носом. Я понял, что разыгрывать перед ним потенциального квартиросъемщика бессмысленно — с какой стати он будет рассказывать такому человеку о его предшественниках? Пожалуй, даже испугается, если я вдруг пристану к нему с расспросами. Может, не хитрить, объяснить все, как есть? Нет, это было слишком опасно. Вполне возможно, что племянник профессора состоял в одной шайке со змеей Региной и лысым толстяком. В этом случае оставалось только уповать на то, что он не знал меня в лицо... Словом, нужно было срочно что-то придумать — нечто простое, но убедительное.

Перебрав разные варианты, я остановился на одной идее, которую счел довольно удачной. Выкурил три сигареты, обдумывая детали, заехал домой, переделся в старые джинсы, сменил ботинки на кроссовки, нашел на антресолях бейсболку и нахлобучил ее козырьком назад. Придирчиво осмотрел себя в зеркале, решил, что сойдет, и порадовался, что в детстве, помимо шахматного кружка при Доме пионеров, посещал, по настоянию Баси, еще и театральную студию. Сейчас мне, как никогда, должны были пригодиться актерские навыки.

Пан Петро Нос оказался по виду типичным чиновником. Сходство усиливалось тем, что он еще не успел снять служебного костюма. Впрочем, такие люди и в футболках выглядят весьма официально. Я начал опасаться, что задуманный мною номер может не пройти. Но отступить уже было некуда, и я начал в красках излагать ему заранее подготовленную историю.

Стоя в прихожей и даже не предложив мне пройти в квартиру, Петр Нос тем не менее внимательно слушал, как я, выдавая себя за таксиста, плел ему свои байки. По моим словам выходило, что это я, а вовсе не Остап Черемешко, вез от Двирцевой площади в аэропорт лысого толстяка лет пятидесяти, рыжую красотку и их спящую дочурку. И что молодая женщина всю дорогу сокрушалась о потере какого-то украшения — оно, мол, и очень дорогое, и старинное, и память о бабушке. Я, как водитель, понятное дело, все это слышал, но помочь-то ничем не мог! А вчера повез свою машину на мойку, стал коврики да чехлы перетряхивать, смотрю — лежит такая пендюлинка золотая, на цепочке, не иначе ее — той, рыженькой. Решил вернуть: очень уж она по этой фиговине тогда убивалась. Заехал на Двирцеву площадь и узнал, что та семья у него, пана Носа, квартиру снимала. Вот я и приперся к нему. Может, Петро

Григорьевич подскажет, где этих людей искать?

— Боюсь, парень, тяжело тебе будет их найти! — выдавил из себя улыбку хозяин, когда я закончил свое повествование. — Они же приезжие были, из Москвы. Улетели домой — лови их теперь!

Я был готов к такому повороту событий, и изобразить радость на лице оказалось совсем несложно:

— Вот как? А я как раз в Москву собираюсь, к куму в гости, он давно зовет... Заодно и вернул бы девушке ее цацку — представляю, как бы она обрадовалась!

Петро Нос поколебался с минуту, потом проговорил:

— Ладно, подожди здесь. Пойду посмотрю, где-то я его паспортные данные записывал...

Он ушел, а я молил бога, чтобы эта запись нигде не затерялась. Минут через десять, показавшихся мне вечностью, появился хозяин с блокнотом в руках:

— Вот, нашел. Звать его Добряков Михал Борисыч. Проживает на Ленинском проспекте, дом тридцать два, квартира тридцать четыре. Номер паспорта, я думаю, тебе ни к чему...

Михаил Борисович, Михаил Борисович... Где-то я слышал это имя, и совсем недавно, но вот где? Ладно, потом вспомню.

Я решил не рисковать, выехал в столицу заранее, переночевал в квартире Викиной подруги, тщательно привел себя в порядок и за сорок минут до срока уже был около посольства. Мне почему-то было очень не по себе. Чем ближе подходила стрелка часов к назначенному времени, тем сильнее я волновался. Мне казалось, что я обязательно что-то забыл, перепутал или сделал не так, и теперь у меня ничего не получится.

Звонок мобильного был столь неожиданным, что я даже вздрогнул. Они, похитители? Нет, Виктория.

— Герман, ты как? Волнуешься, наверное? Не беспокойся, все будет нормально! — сестра словно чувствовала все на расстоянии — вот что значит голос крови! — Я звоню, чтобы напомнить тебе две вещи.

— Какие, Вика?

— Во-первых, обязательно переключи свой сотовый на вибрацию. Если он, не дай бог, зазвонит у тебя, когда ты будешь в посольстве, тебя тотчас вежливо выставят за дверь и больше в этот день не примут. У них такое правило.

— Спасибо, я этого не знал.

— А во-вторых, я бы тебе советовала говорить с представителем Германии по-немецки. Ты ведь свободно владеешь языком? А ему это

понравится.

— Да, наверное, ты права.

— Вот и все. Документы не забыл? Все на месте? Загранпаспорт, справки, письма?

— Да вроде бы...

— Ну и чудесно! Удачи тебе, братик! Мы с Басей с нетерпением ждем тебя в Москве.

— Герман Шмидт, пройдите, — вышколенный служащий проводил меня в кабинет. — Как вам удобнее будет беседовать — по-русски или по-украински?

— По-немецки — гордо отвечал я.

Чиновник, который меня принимал, внимательно ознакомился с документами, присланными из Германии на имя моей бабушки.

— А, так это вы... Этот ваш поверенный, Вильгельм Лейшнер, звонил нам по поводу вашего наследства. Но это было несколько месяцев назад. Как видно из документа, — он посмотрел в бумаги, — от получения вами извещения о наследстве до прихода к нам прошло немало времени...

— Видите ли, я узнал эту новость только недавно. Письмо сначала пришло в Россию, в Москву, где живет моя бабушка, Барбара Шмидт. И вот только теперь...

— Понятно, — кивнул мой собеседник.

— Я бы хотел попасть в Германию как можно скорее, — заявил я.

— Боюсь, это не получится. Чтобы решить все связанные с этим вопросы, понадобится время.

— Сколько? — напрягся я.

— Ровно четыре недели, — отвечал чиновник. — Мы работаем, как часы.

— Четыре недели?! — Этот срок показался мне вечностью.

— У нас такой порядок, — мой собеседник не мог понять, что меня так удивило. — Это же совсем недолго.

— Но это же целый месяц!

— Вы волнуетесь за свое наследство, за сроки... я понимаю. Но у вас еще есть время.

— Какие сроки? — не понял я.

— Ну как же... Любое завещание может вступить в силу только через полгода после смерти завещателя. Ну, может, там еще будут претенденты, вы меня понимаете...

— Ах, это... Это я совсем упустил из виду... Нет, дело в другом. Мне срочно, очень срочно нужна определенная сумма денег, довольно большая.

Я думал, что смог бы...

— Увы, нет. Понимаете, даже если бы я прямо сейчас отправил вас в Германию, вы бы все равно не смогли ни на что сейчас претендовать, тем более — быстро, — он особо подчеркнул последнее слово. — Таков закон.

— Что же мне делать? — Я почувствовал, как холодный пот тонкой струйкой стекает по спине.

— Могу порекомендовать вам только одно, — он сделал выразительную паузу, — ждать. А пока свяжитесь с доверенным лицом вашего дедушки господином Вильгельмом Лейшнером и поговорите с ним. Вот здесь, — он пробежал глазами по принесенному мной документу, — все указано: адрес, телефон, факс.

— Спасибо за совет, — поблагодарил я, — я, пожалуй, так и сделаю.

— Надеюсь, вы не забыли оставить свои контактные телефоны? Возможно, нам понадобится прояснить кое-какие вопросы.

— Я сегодня же уезжаю в Москву. Если я буду нужен, звоните туда — по любому из двух телефонов (на всякий случай я дал оба номера — и Баси, и Вики) или на сотовый.

Он сделал пометку в моей анкете, потом встал и протянул мне руку, давая понять, что разговор окончен.

— Всего вам доброго, герр Шмидт. И, кстати, вы очень хорошо говорите по-немецки. Я, — он улыбнулся, — словно побывал дома.

Месяц... Именно такой срок называли и похитители. Причем подчеркнули, что больше ждать не будут. Что же делать? Если я только через четыре недели получу визу... Пока приеду в Германию, пока все оформлю, пока получу деньги... Тут уж не месяц, а все два пройдут, а то и три. Срочно нужно было что-то придумать...

Из Киева в Москву я летел самолетом — поездов, вокзалов и всего с ними связанного мне за последние дни было уже более чем достаточно. Я сидел у окна, смотрел на проплывающие далеко внизу облака и размышлял под мерный гул моторов.

Итак, змея-Регина и некто Михаил Борисович Добряков, проживающий в Москве на Ленинском проспекте, каким-то неизвестным мне пока образом узнали о моем наследстве и изобрели коварный план похищения Светки. Приехали во Львов, сняли квартиру у пана Носа, после чего рыженькая бросилась под колеса моей машины... Черт, как же все-таки ловко это было разыграно! Как мастерски Регинка создала видимость обжитой квартиры! Разбросала по холлу книги, журналы и шмотки, напихала в холодильник пустых кастрюль... Ну а хромота, рваные колготки, рана на ноге — интересно, чем она ее нарисовала? И как она мне

сочувствовала, какое лицо трагическое делала, когда я вернулся и рассказал об исчезновении Светки! Стерва! Но я-то дурак, болван, идиот клинический...

Оставалось утешаться только тем, что, судя по всему, обращались они со Светкой неплохо. Йогуртами кормили, даже «Киндер-сюрприз» купили... Да и на кассете она не плачет, не кричит, не боится... Черт, как бы узнать, куда ее увезли, мою девочку? И как им это удалось? Вообще в этой истории слишком много странного. Как можно перевезти ребенка самолетом без документов? Поездом вроде еще как-то можно, а самолетом точно нельзя, вон сейчас какая серьезная проверка в аэропортах... Им еще повезло, что Светка спала. Ну, а когда проснулась — ведь могла заплакать, начать звать родителей... Как они объяснили это пассажирам, стюардессам, таможенникам?

И тут я вспомнил — пачка из-под снотворного на полу! Вот почему она так крепко спала в машине у Ос-тапа! Эти твари усыпили Светку и везли в самолете сонную. Сильное лекарство гарантировало, что она не проснется. Вот черт! Пачка была пуста. Неужели они дали ей все таблетки? Ведь ей всего три годика... Сволочи, сволочи, сволочи!

Глава 8 Моя дорогая Ба

Самолет приземлился во «Внуково» с опозданием на пару часов — «Львовские авиалинии» пока еще не могли гордиться отличным сервисом. Я получил свой багаж и, едва вышел из здания аэропорта, тут же был атакован собратями по шоферскому цеху. Коллеги наперебой предлагали воспользоваться такси, но стоимость поездки показалась мне великоватой. Я перевел сумму в гривны и ахнул — наши ребята в автопарке, случается, и за неделю столько не зарабатывают. Вика, конечно, говорила мне, что жизнь в Москве очень дорогая, но чтобы настолько... Словом, я подхватил свои вещи и отправился к автобусной остановке, потом пересел в метро и поехал по прямой до «Библиотеки имени Ленина» — эту станцию, к моему удивлению, почему-то не переименовали.

Сестра была права, Москвы я действительно не узнал. Современная оригинальная архитектура; живописные клумбы и фонтаны; рекламные щиты и перетяжки на каждом шагу; яркие вывески многочисленных ресторанов и клубов; со вкусом и даже шиком оформленные витрины магазинов; обилие иномарок всех видов и мастей; прилично одетые оживленные прохожие — все это так не походило на ту картину, которую я помнил еще с детства и которая укрепилась в памяти от последнего визита сюда. Тогда люди были мрачными и озлобленными, прилавки магазинов пустовали, повсюду стояли очереди... Теперь все изменилось, Москва действительно стала настоящей европейской столицей. И, быть может, я даже пожалел бы о том, что уехал отсюда в другой город, если бы этим городом не был Львов.

Бася когда-то сказала мне: «Львов тебя никогда не отпустит, если вы, конечно, понравитесь друг другу».

Двор родного дома тоже изменился. Знакомые деревья или выросли до неузнаваемости, или совсем исчезли. Не стало детской площадки, привычных скамеек, родных кривых гаражей. Их место заняли легкие «ракушки» или просто «бездомные» автомашины, расплодившиеся за время моего отсутствия в неограниченном количестве.

Одна из них, «Тойота-Королла» цвета мокрого асфальта, как раз стремилась попасть внутрь двора одновременно со мной. Я остановился, чтобы пропустить автомобиль, ибо знал, что вежливость к пешеходам у московских водителей не в чести. Но «Тойота» тоже сбросила ход, а потом из-за тонированного стекла вдруг высунулась чья-то голова, и знакомый до

сладкой боли в сердце голос заорал:

— Герка! Пистолет! Ты, что ли?

Надо же, а я уже совсем забыл о своем детском прозвище! «Пистолетом» меня окрестили лет в восемь, не только за любовь ко всему военному (оправданную, как я понял потом, сугубо генетически), но и за то, что фамилия моя для моих приятелей-мальчишек была созвучна с именем одного из изобретателей оружия марки «Смит энд Вессон».

— Семушка, неужели это ты?...

Это действительно был Сашка Семенов, мой закадычный дружок детства, с которым мы просидели за одной партой добрую половину школьных лет, а потом вместе «бомбили» на купленных вскладчину стареньких «Жигулях». Мы крепко обнялись и отступили в сторону, разглядывая друг друга. Сашка заметно потолстел, у него появилось брюшко, волосы поредели и поседели на висках — но это был все тот же Семушка, с его голубыми глазами и доброй, чуть наивной улыбкой.

— Надо же, какая неожиданная встреча! — заметил я.

— Для кого неожиданная, а для кого и нет, — отвечал старый друг. — Я лично уже знал, что ты возвращаешься в наши Палестины.

— Откуда?

— А Викторию позавчера встретил, сестру твою, она и рассказала. Я вообще их часто вижу — и Вику, и Барбару Иоганновну, бабушку твою. Они многое про тебя рассказывают... Так что я, можно сказать, в курсе всей жизни твоей. Это ты, наглое лицо твое, уехал и обо всех нас забыл...

Он был прав, и мне даже стало немного неловко.

— Ты-то как? — спросил я.

— Да нормально, — махнул рукой Сашка. — Работаю вот на одной фирме, жена тележурналистка, двое пацанов... А ты с семьей приехал? С женой, дочкой?

— Не, один... — отвечал я нехотя.

Мне безумно хотелось рассказать Семочке о своем горе — насколько бы стало легче на душе... Но не делать же это вот так: во дворе, на бегу! Тем более что дома ждут бабушка и сестра.

Мы простояли у подъезда, наверное, с полчаса, делясь новостями и вспоминая былое, и, конечно же, ничего толком не успели сказать друг другу. И наверняка проговорили бы много дольше — если бы я так не спешил домой.

— Черт, как же все не вовремя... — вздохнул Сашка на прощание. — Как назло, я уже завтра в отпуск с семьей улетаю, в Испанию... Но ты, Пистолет, учти — если тебе что-то нужно, то я всегда к твоим услугам.

Понял?

— Понял! — Мы пожали друг другу руки и весьма неохотно разошлись.

Лифт у нас в подъезде был все тот же — немного постаревший, поизносившийся, но все такой же помпезный, с красивой дверью-решеткой и зеркалом в дубовой раме. Когда он остановился на нашем этаже, ноги сами собой понесли меня к Васиной квартире, но я вспомнил о неотложном деле и позвонил сначала к Вике.

Загремели сложные замки массивной стальной двери.

— Приехал? Ну, наконец-то, я что-то уже волноваться начала, — сестра прижалась ко мне, от нее очень приятно пахло тонкими нежными духами. — Как ты, братик?

— Пока все в порядке.

— Они не звонили?

— Нет.

— Что-то долго... Ну, что ты стоишь в дверях, проходи, располагайся... Или ты, наверное, хочешь сначала к Басе заглянуть?

— Да, обязательно. Но первым делом я должен позвонить в Германию. Можно от тебя?

— Господи, да конечно! Хочешь — звони отсюда, из холла, хочешь, иди в папин кабинет.

— А что, он еще сохранился? — Я направился в ту сторону.

— Да, там все так же, как при отце. Мама там ничего не трогала, и я тоже не стала. Пусть будет память...

Я вошел в знакомую мне с детства комнату, огляделся. Да, ничего не изменилось. Так же стояли стол и кресло наискосок, так же строгие переплеты книг, то же оружие по стенам, те же фотографии в больших рамках и маленьких рамочках, и даже пепельница — тяжелая серебряная ладья — на месте. Я сел в большое кресло. Высокая спинка с массивным резным изголовьем скрывала сидящего в ней взрослого человека. В детстве я, забравшись в кресло с ногами, представлял себя то в башне танка, то в подводной лодке. Я давно вырос, а кресло так большим и осталось.

— Мне уйти? — Вика стояла в дверях и вопросительно глядела на меня.

— Да нет, ну что ты, зачем?

Я вынул письмо, нашел на бланке номер телефона и стал накручивать диск старинного аппарата. Мне повезло — господин Вильгельм Лейшнер, поверенный в делах моего деда, оказался на месте и сразу же согласился поговорить со мной.

— Наконец-то вы объявились, герр Шмидт! — сказал он сразу после приветствия. — Я уже забеспокоился и даже собирался послать вам повторное сообщение. Как ваши дела, когда вы сможете приехать? Я вкратце объяснил ему сложившуюся ситуацию.

— Что же, все не так страшно. Месяц — срок не маленький, но, уверяю вас, беспокоиться вам не о чем. Несмотря на то что состояние вашего деда и моего доброго друга Отто довольно солидное, за время, прошедшее после смерти, никто больше не заявил своих прав на его наследство. У него ведь не было других детей, кроме вашей матушки, да и не могло быть. Тут сыграло свою зловещую роль ранение, полученное в сорок пятом году...

Я едва дождался окончания его фразы.

— Герр Лейшнер! — почти перебил я. — Дело в том, что я никак не могу ждать месяц! Мне срочно, очень срочно нужен миллион долларов. Это вопрос жизни и смерти!

Мой собеседник сначала ничего не понял, и мне пришлось повторять свою тираду.

— Вы — моя последняя надежда! — уверял я. — Очень прошу вас помочь мне. Разумеется, не задаром, за хорошие проценты. Назовите сумму, которую сами сочтете нужной. Я обязательно компенсирую ее вам, как только получу наследство...

— Это очень непростая задача, — задумался Вильгельм Лейшнер. — Надо все взвесить.

— Я умоляю вас, спасите меня...

Трубка надолго замолчала, в ней слышалось только характерное потрескивание.

— Ну, хорошо! — раздалось, наконец, в ответ. — Думаю, что такие вещи по телефону не решаются. Нам с вами необходимо повидаться лично. Возможно, я сам приеду в Москву, тем более что у меня есть дело к вашей бабушке, фрау Барбаре Шмидт. Я перезвоню вам в ближайшие же дни.

Виктория только что не ерзала на стуле, слушая наш разговор. Она была очень взволнована, щеки ее пылали, пальцы нервно играли стоящим на столе массивным бронзовым пресс-папье.

— Ну? Что он сказал? — накинулась она с расспросами, едва я положил трубку.

— Обещал перезвонить.

— Как думаешь, поможет? Я пожал плечами:

— Хочется надеяться... Ну что, пойдём к Басе? Сестра поднялась со стула.

— Пошли, я тебе сама открою. У меня есть ключи от ее квартиры — Бася иногда не слышит звонка.

— Она что, совсем оглохла? — ахнул я.

— К счастью, нет. Плохо слышит только звонки — и дверной и телефонный. Я ей даже аппарат такой специальный, с лампочкой, поставила. Она если увидит, что лампочка мигает, значит, звонят. Только по телефону она тоже не очень хорошо слышит.

— Да, это я знаю. Мы уже давно не созваниваемся, только переписываемся.

Бася была на кухне. Она выглянула на громкое: «Бася, встречай гостей!» — увидела меня и кинулась навстречу с радостным возгласом на своих не сгибающихся уже ногах. Я обнял ее. Она очень сильно сдала за эти годы, стала какой-то маленькой, худенькой. Я ощутил под своими ладонями ее косточки.

— Господи, приехал, наконец-то, — улыбалась Бася сквозь слезы. — А я тебя с утра жду, вот и пироги уже готовы. Что же ты так задержался-то?

— Да самолет опоздал, потом я на общественном транспорте ехал... Надо было бы, конечно, позвонить тебе.

— А толку-то? — грустно улыбнулась моя бабушка. — Ты же знаешь, я по телефону плохо слышу.

— Ну а так-то слышишь? — громко спросил я.

— Слышу-слышу, — засмеялась она. — Можешь так не кричать. Что же правнучку-то не привез? Ведь умру, не повидавшись.

— Нет уж, — обнял я ее, — не умирай, пожалуйста, я тебе ее обязательно привезу, немного позже, ладно? Она у меня на даче с садиком отдыхает, — соврал я. Еще во Львове я твердо решил не посвящать Басю в свою беду.

— Хорошо, тогда я подожду еще умирать, — легко согласилась моя бабушка. Я рассмеялся и снова обнял ее.

— Ну ладно, не буду вам мешать, пойду к себе, — проговорила Вика. После долгих обсуждений мы с ней решили, что я должен сообщить Басе новость о наследстве с глазу на глаз. — Герман, но ты, конечно, остановишься у меня? Не ютиться же вам с Басей в одной комнатке, когда рядом огромная квартира пустует...

— Конечно, Вика! — Мы с сестрой улыбнулись друг другу.

— Ну, как вы тут с Викторией живете? — спросил я, когда дверь квартиры закрылась.

— Хорошо, — Бася уже хлопотала, собирая на стол. — Она неплохая девочка, вот только слабохарактерная очень. То ею мать командовала, а

теперь вот он... Только и живет, что своим Игорьком.

Она поставила на стол чашки и вздохнула.

— Он тебе не нравится?

— Я ему не верю, — заметила Бася, снимая чистое полотенце с блюда, полного ее знаменитых пирогов. — Больно положительный, сладкий, как сахарный сироп. Вроде и вежливый, и внимательный, и вокруг нее вьется, а что-то в нем не то... И не в том даже дело, что молодой...

— А сколько ему лет?

— Моложе тебя. Тридцать семь, кажется...

— Думаешь, любит не ее, а ее миллионы? — вспомнился мне старый фильм. — Все-таки Вика у нас невеста богатая: драгоценности, картины-подлинники, дача шикарная в Опалихе, квартира вон — целые хоромы...

— Не знаю... — снова вздохнула Бася, вынимая из буфета сахарницу. — Но давай лучше о тебе поговорим. Как ты? Юля, я так лоняла, все же уехала, да?

— Угу, — кивнул я и потянулся за вторым пирогом. Бася разлила по чашкам ароматно дымящийся чай и села напротив меня.

— Ну, а что за дела привели тебя в Москву, можно полюбопытствовать? Чему я обязана таким счастьем? — С годами моя дорогая Ба не растеряла умения красиво говорить.

— Ба, у меня для тебя важные новости. Только ты обещаешь, что не будешь волноваться, хорошо?

— Что-то случилось? — побледнела Бася.

— Пожалуй, да. Но не столько плохое, сколько хорошее. Хотя...

Я полез в сумку за документами, Бася смотрела на меня со смесью любопытства и тревоги.

— Немецкий еще не позабыла? — я протянул ей бумаги, привезенные Викторией.

Бабушка быстро пробежала глазами первые строки документа и тихо ахнула. Я испуганно глядел на нее. Только сейчас я по-настоящему осознал, каким страшным ударом может стать для нее сообщение о смерти неведомого мне герра Отто. Она читала с выражением непоправимой беды на лице. Когда она дошла до конца, то сняла очки и подняла на меня глаза.

— Вот она жизнь, была — и нету. Все прошло. — Она сидела печальная, вся поникшая. Вся радость от моего приезда улетучилась из родных глаз.

— Ба, здесь еще кое-что есть. Для тебя. — Я протянул Басе письмо от ее Отто.

— Что это? — Она снова надела очки.

Я не стал ей мешать, отошел к окну. Через какое-то время я услышал, как моя старенькая Бася плакала. Я обернулся. Она сидела, уткнувшись лицом в ладони, и только худенькие плечи подрагивали от рыданий. Я опустил перед ней на корточки и положил голову ей на колени.

— Кто этот Отто? — спросил я.

— Это твой дедушка, — немного погодя, ответила она.

— Немец?

— Немец.

— Ты говорила, что мой дед погиб на фронте.

— Я так и думала когда-то, что он погиб на фронте. А зачем тебе или кому-либо было знать, что он был немец... Я любила его, — она замолчала, уйдя далеко-далеко в своих воспоминаниях. — Как я любила его... — Ее глаза, обращенные ко мне, были влажными от подступивших слез. — Он звал меня с собой, был такой момент, когда можно было еще уйти перед наступлением Красной Армии. Но как я могла бросить умирающую маму? Да еще Берта все время болела, я ее еле выходила. Это сейчас можно все говорить: и что дед твой немец, и что воевал с нами, и что после войны он нашел меня, когда тебе уже десять лет было, и пришел сюда, в эту маленькую квартирку. — Она закрыла глаза. — Я тогда чуть с ума не сошла от страха. То, что он живой с войны пришел, я уже знала. Мне два письма от него добрые люди тайком передали. Представляешь, — Бася посмотрела на меня, улыбаясь сквозь слезы, — приходит такой старичок, с бородкой, беленькими волосиками на голове. Я дверь открыла, а он — шмыг — и в коридоре уже. Я не испугалась даже, уж больно стар был незнакомец. А он прошел в комнату, сел и стал бородку с себя снимать да парик. Конспирацию, значит, решил устроить, чтоб меня не подвести. Слава богу, тогда все, — она махнула рукой в сторону генеральской половины, — на даче были, я хоть смогла с ним вдоволь наговориться.

Я сидел, раскрыв рот, да и было чему удивляться.

— Мамы твоей, то есть нашей с ним дочки, к тому времени уже в живых не было, царствие ей небесное, — Бася перекрестилась. — А ты... А ты спал, вот здесь, — она махнула рукой в сторону дивана. — Вот на тебя, спящего, дед-то и любовался.

— Чего же ты не уехала с ним во второй раз, ведь звал же, наверное, снова? — удивился я.

Бася только вздохнула.

— Если бы все в жизни было так просто: взял и уехал... Кто бы меня выпустил из страны? Ты же знаешь, как у нас было с этим сложно. Он ведь в ФРГ жил. А я все-таки у самого генерала Курнышова экономкой

работала...

— Но все-таки ты всю жизнь вспоминала о нем?

— Вспоминала? — она усмехнулась. — Да, пожалуй, нет. Чтобы вспоминать, надо забыть, а я никогда не забывала.

Я обвел взглядом маленькую комнатку, практически не изменившуюся за все то время, сколько я ее помнил. Оказывается, тут побывал мой дед — а мне и невдомек было...

— Что-то мне нехорошо, — Бася прикрыла глаза ладонью. — Дай-ка мне лекарство, там, на столике. — Ее била дрожь.

Я испугался.

— Вика! — закричал я и заколотил в стену. Сестра появилась тут же и кинулась к Басе.

— Басенька, милая, что с тобой? Что болит? Сердце? Может, «Скорую» вызвать? Герман, давай ее уложим!

— Нет, ничего, ничего... Сейчас отпустит...

К счастью, все действительно обошлось. Бася легла, и ей действительно скоро стало полегче. Она посмотрела на нас, суесящихся вокруг нее, и заметила: — Я гляжу, вы уже подружиться успели? Мы с Викой переглянулись и засмеялись. Через некоторое время, когда окончательно стало ясно, что опасность миновала, сестра ушла к себе, а я остался с бабушкой.

Что называется — не было бы счастья, да несчастье помогло. Я был уверен, что сразу же после звонка в Германию и встречи с Басей помчусь на Ленинский проспект, разыщу этого самого Добрякова, сверну в бараний рог и заставлю рассказать, где моя дочь. Но, посидев около бабушки, я понял, что действовать таким образом просто опасно. Скорее всего, этот самый Михаил Борисович знает меня в лицо. И если я вот так свалюсь как снег на голову, я могу только все испортить. Нужно было срочно что-то придумать, какой-нибудь хитрый ход...

Бася притихла на своей узенькой кушетке. Уснула, наверное. Я на цыпочках подошел посмотреть на нее. Нет, она не спала, лежала с открытыми глазами.

— Как ты? — тихо спросил я.

— Спасибо, лучше...

Я присел на табуретку около кровати и взял ее за руку.

— Ба, расскажи мне о маме, — попросил я. — Я ведь так мало о ней знаю. Уж теперь-то мне можно все узнать?

— Она родилась очень слабенькой. — Бася приподнялась на подушках. — У меня мама, твоя прабабка, очень тогда болела. Я так

боялась ее потерять, нервничала все время. Может, поэтому Берта и появилась на свет недоношенной, бог его знает. Я даже думала, что не выхожу ее. Отто очень старался, чтобы я ни в чем не нуждалась. Но к тому моменту, когда немцы оставили Львов, я уже три месяца с ним не виделась. Он вообще часто покидал Львов по делам службы: то в Берлин, то в Прагу, то в Париж. Я еще шутила: у тебя война как сплошное путешествие. Потом, правда, стал ездить по делам только в Альпы. Говорил, что, наконец, стал совмещать приятное с полезным: у него там, в Альпах, имение родовое было. Места там очень красивые, а уж само имение... Сказка просто. Старинное такое, его еще прадед строил.

— А ты откуда знаешь про место красивое и про имение старинное?

— А я была там.

— Ты там была?!

— Всего один раз. Там и Берту, маму твою, зачали.

— Ба, ты серьезно? — Я даже от удивления приподнялся.

— Конечно, серьезно. — Лицо ее засветилось от нахлынувших воспоминаний. — Страшно сказать, пятьдесят восемь лет прошло, а я до сих пор помню, как сидела на куче опавших листьев.

Я живо представил себе юную Басю, сидящую на куче осенних листьев, тоненькую и легкую, словно бабочка.

— Ты была у него в имении и не осталась там?

— Я же тебе говорила, что мама у меня очень болела, я ведь не могла ее оставить: она умерла, царствие ей небесное, в сорок четвертом, через неделю после прихода Красной Армии. Я осталась во Львове совсем одна, без поддержки. А тут Берта заболела воспалением легких. Есть нечего, опереться не на кого, ребенок маленький умирает на руках. Тут мне на счастье и попалась наша Мария Львовна. Если бы не она, я бы вслед за мамой и дочку бы схоронила.

— Наша Мария Львовна? — удивился я.

— Да, я пришла к знакомой в столовую при комендатуре, она мне для девочки масло сливочное припасла, тут меня и увидела Мария Львовна. Так себе было зрелище — худящая, как смерть, замученная, да еще хромая... Генеральша наша, тогда она, правда, еще полковницей была, хотела сначала мою знакомую отругать, что она раздает продукты неизвестно кому, но когда та сказала, что этот кусочек масла — для умирающего ребенка, Мария Львовна тут же замолчала. Она ведь тогда беременна была Викторией... Вот так мы с ней и познакомились. А Курнышов с супругой своей во Львове еще долго находился, справлял там свою службу. Валерий Андреевич, твой отец, очень был охоч до женского

полу, красивый был, чертяка, общительный. Мария Львовна очень за ним следила, чтоб не увлекся на стороне какой-нибудь красоткой. Вот она и решила, что лучше меня ей помощницы не найти — замученная, на один бок припадает, да еще с ребенком. А я ведь красивая в молодости была, кавалеры заглядывались, пока я им шаг навстречу не делала, — Бася засмеялась, и я с удовлетворением отметил, что опасность действительно миновала.

— Брось кокетничать! Ты же хромаешь совсем чуть-чуть, это почти не заметно.

— Это сейчас незаметно. После того как мне в госпитале Бурденко операцию сделали, генерал устроил. А тогда...

Короче, стала Мария Львовна генералу песню одну и ту же каждый день петь: возьмем и возьмем Басю в Москву помогать мне по хозяйству; круглая сирота, мол, нам по гроб жизни благодарна будет. Валерий Андреевич сначала к этой придумке жены отнесся скептически: с таким именем, отчеством и фамилией в Москву, в такое-то время, да еще с оккупированной немцами территории...

— Ну ты же там по этим вопросам главный, — не сдавалась Мария Львовна. И уговорила.

За то время, которое семья генерала провела во Львове, Валерий Андреевич, видимо, привык ко мне. Я была, как пчелка: все успевала переделать по дому — к его приходу и ужин был готов, и рубашки стираны и поглажены, и меня уже в доме не было. А тут Марии Львовне вот-вот рожать. Ну, он и решил, что лучшей няни для его ребенка не найти, да еще Мария Львовна с ее-то капризным характером очень ко мне привязалась. Я с радостью поехала в Москву, лучшей доли своей маленькой дочке я в тот момент и не желала. О себе не думала. Мне казалось тогда, что я уже старая. А ведь мне всего-то было двадцать лет. Страдания, похоже, очень старят душу.

С Бертой на новом месте я горя не знала: ясли, детсадики — все с помощью Марии Львовны легко доставалось. Я жила под крылом генеральской семьи, как у бога за пазухой. Когда же Берточка стала постарше, Мария Львовна предложила отдать ее в спортивную школу. Мне не очень это нравилось, я хотела для своей девочки другой доли. Но сама Берта к тому времени очень увлекалась плаванием, а в школе этой столько для нее возможностей открывалось... В общем, я сдалась. Она стала редко появляться дома — ведь в спортшколе существовали по своим жестким законам... Но Берте нравилась такая жизнь — она стала такой крепкой, мускулистой, казалась старше своих лет. Когда она бывала дома, ей часто

звонили ребята: она подолгу болтала с ними по телефону, дурила им головы. Я так радовалась, глядя на нее: молодая, красивая и главное, уверенная в себе.

— А потом?

— Потом... — Бася снова вздохнула, в который раз за сегодняшний день. — Ее вдруг угораздило влюбиться в генерала... Ему тогда пятьдесят пять было, но выглядел он отлично — стройный, интересный, можно сказать, красавец. Видишь, как получилось... Сверстники за ней толпами ходили — а она его выбрала. Разница тридцать восемь лет... Я где-то читала, что девушки, выросшие без отцов, часто влюбляются во взрослых мужчин, вроде бы как замену ищут — подсознательно это, кажется, называется...

Я слушал очень внимательно — еще бы, первый раз за почти сорок лет мне довелось узнать собственную семейную историю.

— Уж не знаю, как у них там все получилось... Она не рассказывала про это, он тем более. Берта, она ведь сильной была, отчаянной, может, решила признаться, а он и не устоял... Падок на женщин был отец-то твой, а тут молоденькая, хорошенькая, влюбленная... Словом, однажды мы с Марией Львовной и Викторией на даче были, а Берта и Валерий Андреевич в Москве оставались. И тут генеральше нашей ни с того ни с сего приспичило новые босоножки купить. Подорвалась она с утра пораньше, приехала домой — да и накрыла их... Ох, что было, вспомнить страшно! И только-только страсти поутихли, как выяснилось, что твоя мама забеременела. А ей всего семнадцать... Да еще ведь она какой упрямой была — вбила себе в голову, что отобьет генерала у Марии Львовны... Знаешь, я ее слушала и не верила даже, что это моя дочь... Столько уверенности, столько какой-то... не знаю даже, как сказать, одержимости, что ли... С одной стороны, Мария грозилась стереть мужа и Берту в порошок, с другой — я это знала — генерал всячески рвался хоть лишнюю минуту побыть с Бертой. Вот так и родился ты. Отчество дали не Валерьевич, а Валерьянович — вроде и то же, да не то... Официально признать тебя своим сыном генерал, конечно, не мог, хоть и хотел, очень хотел. А через год с небольшим Берта разбилась на мотоцикле... Она очень волевая была. Я бы сказала, слишком. Она не знала сомнений. Я такой никогда не была...

— Тебе лучше, Ба?

— Да. Герман, а где то письмо? Я бы хотела еще раз его перечитать.

— Конечно, родная. Вот оно.

Щелкнул замок на входной двери — похоже, это была Вика. Я вышел к

ней в прихожую, чтобы не мешать Басе.

— Как она?

— Лучше.

— Может, заглянешь ко мне на минутку? У меня Лиза.

— Какая Лиза?

— Ты забыл? Та подруга, которой я рассказала о завещании. Помнишь, я говорила тебе во Львове?

— Боже, да, конечно!

Я поспешил в соседнюю квартиру.

В гостиной у рояля сидела женщина лет сорока с небольшим, в сером костюме, с элегантной короткой прической. Она музицировала и даже не обратила внимания на наше появление.

— Лиза! — окликнула ее сестра.

Женщина подняла на нас большие и очень яркие голубые глаза. «Как у сиамской кошки», — подумал я и поздоровался:

— Добрый день!

— Ой, — засмуцалась пианистка, — а я вас не заметила.

— Меня трудно не заметить, — эта чужая фраза вдруг вылетела из меня помимо моей воли: так заигрывала со мной, не теряя времени даром, Регинка, когда я нес эту актрису по высоким львовским лестницам. У меня явно расшатались нервы.

— Да, — засмуцалась вновь пианистка, — вас действительно трудно не заметить.

— Я в смысле, что я большой, — неуклюже попытался я выпутаться из двусмысленного положения. — Давайте знакомиться. Герман, брат Виктории.

— Лиза Телепнева. Но разве вы меня не помните? Мы с вами давно знакомы, виделись несколько раз — и до вашего отъезда на Украину, и на поминках Марии Львовны. Я вас отлично помню. Вы были такой интересный... А теперь стали еще лучше! Странно, но я ее совсем не помнил.

— Да и Вика о вас много говорила, — продолжала Сиамская кошка. Она явно кокетничала.

— Про мое наследство, например, — я посмотрел ей прямо в глаза.

— Да, и про это тоже, — она нисколько не смутилась.

— Лиза, мне нужно задать вам очень важный вопрос, — я наклонился над роялем.

— Я слушаю вас очень внимательно, Герман, — она заинтересованно глядела на меня снизу вверх.

— Вы кому-нибудь рассказывали эту историю обо мне?

— Какую историю? — Если она играла, то была очень хорошей актрисой. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Я снова вспомнил рыжую Регину — по той вообще Голливуд плакал.

— Про завещание и наследство.

— Ах, это! Ой, ну что вы, конечно, нет! Я ведь, знаете ли, музыкант. А мы, люди искусства, все очень суеверны. Боимся сглазить, да всего на свете боимся! Конечно, я никому не сказала ни слова. И Вике не советовала. Такие вещи надо держать в секрете.

Если она и врала, то очень убедительно. И я не знал, как проверить ее слова.

Глава 9 Собаке собачья смерть

Меня разбудил ранний телефонный звонок. Мобильник всюду заливался мелодией из «Кармен».

— Але? — мой голос спросонья был сиплым.

— У тебя под дверью сверток, — отвечал глуховатый голос. И прежде чем я успел что-то понять, в трубке раздались короткие гудки.

Я буквально слетел с постели и, как был, босиком, в трусах, вылетел в коридор. С непривычки я очень долго возился со всеми этими запорами и засовами, громыхая и чертыхаясь. Но никакого свертка за входной дверью не оказалось. Что за шутки! Я растерянно оглянулся по сторонам и наконец увидел то, что искал, — только у соседней двери. Ну, конечно же! Я ведь ночевал у Виктории в комнате для гостей. А сверток лежал около Васиной квартиры.

Схватив кассету (я уже не сомневался, что в рекламную газету завернута именно кассета, а не что иное), я помчался обратно. Где-то у Вики мне попался на глаза видеомаягнитофон, но от волнения я никак не мог вспомнить, где именно. Пришлось будить сестру. Я промчался по коридору и заколотил в дверь ее спальни. Минуты через две выскочила сестра — растрепанная, с вытаращенными глазами, запахивая на ходу халат.

— Герман? О Господи, что еще случилось?

— Вика, у тебя видак есть?

— Даже два. В спальне и в маленькой гостиной. А что, опять?... — Да.

— Давай, давай сюда скорее!

Она торопливо разорвала бумагу, воткнула кассету и нажала кнопку на пульте. И мы снова увидели Светку.

Она стояла на стуле, все так же на темном фоне, в красном незнакомом платье и пела песенку. Качество съемки было еще хуже, чем в прошлый раз: изображение размыто, голос звучал глуховато. Дочка пела, как обычно, картавя — она не выговаривала букву «р»: «В тлаве сидел кузнечик, зеленый огулечик. Совсем как огулечик, зелененький он был».

Девочку сняли в полный рост, и видно было, что на ножках у нее новые, очень красивые сандалики, разрисованные тонкими линиями-травинками, с застежками в виде красных маков — казалось, что ножка утопает в траве.

— Видишь, с твоей дочкой все в порядке, — сказал все тот же

невнятный голос за кадром. — Она даже поет. А за тобой мы внимательно наблюдаем. Пока делаешь ты все правильно. Продолжай в том же духе. Оформляй визу, поезжай в Германию, получай свое наследство и привози нам деньги. Как только у нас будет миллион, у тебя будет дочь. — На этом «кино» прекратилось.

Это было невыносимо. Я со стоном опустился прямо на пол.

— Вика, они не блефуют! Они и правда все знают... И что я был в посольстве, и где я остановился в Москве... Получается, они действительно наблюдают за мной — и во Львове, и здесь в Москве.

— Герман, но как же так может быть? — Вика была растеряна. — Я знаю, такое возможно, я столько раз и в кино видела, и в книгах читала... Но ведь для этого нужна целая система, специальная аппаратура и все такое... Неужели против тебя выступает целая бандитская группировка?

— Не знаю, сестренка, не знаю... — Мне нечего было ей ответить. Я не мог ничего сделать, но и сидеть на месте и ждать было выше моих сил. Я решил, что обязательно должен найти Добрякова. И уже хотел тотчас мчаться на Ленинский проспект, но в последний момент сообразил, что так и не успел одеться.

Из дома я вышел часа через полтора — привел себя в порядок, навестил Басю, чтобы не огорчать ее, выпил чаю с пирогами. Вика на всякий случай дала мне ключи от своей квартиры.

«Интересно, Ленинский, тридцать два, — это где? Кажется, у площади Гагарина. Метро... Какое же там метро? Черт, все уже забыл. Вот если бы была машина...» — И тут я вспомнил про Сашку Семенова. У него же теперь «Тойота»! А он улетает в отпуск, получается, машина некоторое время не будет ему нужна...

— Конечно, бери! — сразу согласился верный друг. — Даже выручишь меня — чем оставлять ее на стоянке около «Шереметьево», лучше моя «японочка» под твоим надежным присмотром будет.

— Я отвезу вас в аэропорт, — пообещал я. — Самолет во сколько?

— Что-то около шести утра. Часа в три надо будет выехать.

— Не проблема. Домчим с ветерком! А сегодня можно я уже машиной воспользуюсь?

— Да без вопросов!

Вот так и получилось, что на Ленинский проспект я прибыл без помощи общественного транспорта. Но сколько ни думал по дороге, так и не смог изобрести никакого хитрого хода, позволившего бы мне надавить на Добрякова и поскорее вызволить дочь.

Я оказался у нужного подъезда, так и не решив, что предпринять.

Металлическая дверь прочно охранялась домофоном. Была не была! Я набрал номер квартиры и позвонил.

— Кто там? — спросил женский голос.

— К Михаилу Борисовичу! — отвечал я.

— А они здесь больше не живут.

Вот это новость! Честно признаться, я просто упустил из виду такой вариант развития событий. Что же теперь делать?

— А куда они переехали? — я, как утопающий, схватился за последнюю соломинку.

— В Химки. Они там дом построили.

— Может, вы дадите мне адрес? — Я был уверен, что услышу в ответ: «А я его не знаю». Но сегодня, видно, звезды на небе расположились каким-то особым образом. Так или иначе, мне повезло.

— Сейчас найду, — ответила женщина и отключилась. Но не прошло и нескольких минут, как из динамика вновь зазвучал ее голос:

— Але, вы еще здесь? Поселок Вашутино, Северная улица, дом шестнадцать.

— Спасибо! Вы даже не представляете, как меня выручили!

За те годы, что я не был в Москве, окрестности города разительно изменились. Я помнил, как эти места были самой что ни на есть типичной деревней — а теперь оказались сплошь застроены новехонькими домами и домиками — изредка красивыми, иногда оригинальными, часто безвкусными и почти всегда очень дорогими. Сейчас, в конце мая, когда вокруг все зеленело и цвело, эти поселки на берегах реки и водохранилища выглядели просто райскими уголками — особенно по сравнению с пыльным загазованным городом.

Коттеджный поселок, где, судя по всему, поселились Добряковы, был совсем новым, большая часть домов была еще недостроена, некоторые участки и вовсе пустовали. У номера шестнадцать по Северной улице тоже еще не было забора, а двор имел тот вид, который обычно бывает, когда идет стройка — повсюду какой-то мусор, кучи песка и щебня, никаких тебе пока еще дорожек и клумб. Гаража тоже еще не было — шикарный серебристый «Мерседес» был припаркован просто у стены. Но дом уже был обжит: на окнах висели занавески, резные балконы украшали розовые, белые и голубые цветочки в висячих горшках, а в одном из окон первого этажа виднелся сидящий на подоконнике большой лилово-желтый игрушечный заяц.

Я остановил «Тойоту» в аллее напротив дома, в тени весело зеленеющих березок, и принялся ждать, сам не зная чего. Но, очевидно,

сегодня был мой день. Не прошло и пятнадцати минут, как дверь коттеджа отворилась и из нее появилась целая процессия. Первым вышел мужчина средних лет — лысый, полный и как две капли воды похожий на описание, данное мне Остапом. Следом выбежала девочка лет шести, черненькая, тоже толстенькая, очень похожая на отца. Завершала шествие молодая высокая женщина в элегантных расклешенных брюках.

— Папа, пока-пока! — пропищала девочка. Толстяк чмокнул ее в макушку, и у меня все заклокотало внутри. Вот сволочь! У самого есть дочь...

— Лика, иди в дом! — сказала женщина. Она тоже была темноволосой, с короткой стрижкой «а ля ежик», но, в отличие от мужа и дочери, худощавой, на мой вкус, пожалуй, даже излишне. Мне нравятся женщины с формами, а эта была ровной сверху донизу, тощей и какой-то колючей. Я тут же окрестил ее Ежихой.

Девочка убежала, Ежиха прислонилась спиной к витой решетке крыльца и закурила.

— Когда ты вернешься? — сварливо поинтересовалась она.

— Как обычно, — раздраженно отвечал он. Не похоже, чтобы эти супруги таяли от любви друг к другу.

— То есть поздно. И когда же? В двенадцать? В два? Или уже утром?

— Не знаю. Жанна, сколько раз тебе можно объяснять — у меня ненормированный рабочий день. Это в конторах штаны просиживают с десяти до шести, а я все-таки на телевидении работаю. — Голос Толстяка почему-то казался мне смутно знакомым, но я никак не мог сообразить, где именно я мог его слышать. Во всяком случае, не на кассете. И по телефону от имени похитителей со мной говорили совсем по-другому — но и там, и там голос был искусственно приглушен, точно звучал через платок.

— Ну да, конечно! — продолжала тем временем язвить Ежиха. — И работа у тебя такая тяжелая-тяжелая... Оттого и возвращаешься каждый раз ночь-заполночь, весь в помаде, духами от тебя прет за версту! Да еще и пьяный вдрыбадан. Как тебя гаишники только пропускают? Хорошая, я смотрю, у вас работа на телевидении! Может, и мне туда устроиться? А то что-то надоело дома сидеть, верную жену из себя изображать. Толстяк равнодушно постучал ногой по колесу, проверяя, хорошо ли накачана шина. Лицо его выражало скуку — он явно привык к подобным разбирательствам.

— Я тебя сутками не вижу! — продолжала тем временем Ежиха. — Тебя никогда нет дома, а если вдруг и забредешь случайно, то уставишься в эту свою проклятую аппаратуру и сидишь, как зомбированный! Ни капли

внимания ни Лике, ни мне! Ты хоть помнишь, когда мы с тобой последний раз трахались? Нет? А я помню. Двадцать первого февраля. Еще зимой. А сейчас уже май на исходе!

Толстяк скривился:

— Жанна, ты не могла найти другого времени для того, чтобы устроить сцену? Мне ехать пора, я уже опаздываю!

— Да катись ты ко всем чертям! — Она, не глядя, отшвырнула окурок и ушла в дом, хлопнув дверью.

«Да, — подумал я, — неплохая иллюстрация к словам Льва Толстого о несчастной семье».

Толстяк, даже не поглядев ей вслед, направился к своей машине. Внезапно раздалась мелодия «Мурки» — кто-то звонил ему на мобильный. Очевидно, в этом месте была плохая связь: чтобы поймать сеть, ему пришлось походить туда-сюда по улице. Наконец, он остановился прямо перед моим автомобилем. Слава богу, что у «Тойоты» были тонированные стекла. Добряков даже не мог видеть, есть кто-то в машине или нет.

— Алло! — говорил он в трубку. — Слушай, но я же просил тебя не звонить в это время! Нет, еще дома, еще не уехал. Понятно, и я по тебе, но ты же знаешь... Ну, хорошо. Вот и умница. Конечно, увидимся. Давай часов в восемь, я уже точно освобожусь. А сама выбери — куда хочешь, туда и пойдем... «Эрл Грей»? А где это? На проспекте Мира? Хорошо, договорились. И я тебя целую, сама знаешь, куда...

Похоже, он был доволен только что состоявшимся телефонным разговором. Во всяком случае, усаживаясь в машину, он даже что-то мурлыкал себе под нос и явно менее всего думал о Ежихе и ее претензиях.

Серебристый «Мерседес» заурчал и рванул с места. Я выждал некоторое время и отправился следом за ним. Несмотря на то что внутри у меня все бурлило, я вынужден был держать себя в руках. Впереди меня ехал человек, собственноручно похитивший мою дочь, а значит, малейшее неосторожное движение с моей стороны могло навредить Светке. Причем навредить необратимо...

Толстяк, похоже, действительно работал в Останкино — во всяком случае, отправился он именно туда. Добрался до телестудии и въехал на территорию. Я попробовал было последовать его примеру, но дюжий охранник строгим голосом запросил пропуск.

— Но мне очень нужно! — попытался уговорить я.

— Понимаю, — невозмутимо отвечал тот. — Но для гостей телестудии стоянка вон там — платная. А здесь — только для сотрудников, по пропускам.

Платная стоянка меня не устраивала — не из-за финансовых соображений, а лишь потому, что с нее не была видна дорога. А моей главной задачей было не упустить Добрякова, если он вдруг покинет Останкино и куда-нибудь направится — кто знает, может быть, именно в то место, где держат в неволе мою дочь? Потому мне не оставалось ничего другого, как отъехать от телестудии подальше и занять наиболее выгодную позицию на предполагаемом пути Толстяка.

Никогда не думал, что работа сыщика так тяжела. В ожидании Добрякова мне пришлось провести шесть с половиной мучительных часов. Сначала я сидел, пристально глядя на дорогу, готовый каждую минуту сорваться и тотчас помчаться вслед за серебристым «Мерседесом». Но вскоре у меня устали глаза, потом затекло все тело. Одновременно хотелось пить (день выдался довольно жарким), есть (как же я благодарил Басю за то, что она утром заставила меня съесть несколько пирогов!) и в туалет. Часа через два, когда терпеть уже не было сил, я решился сделать вылазку и отбежал за ближайший куст. Конечно, была вероятность, что именно в эту минуту машина Толстяка промчится мимо меня — но другого выхода у меня просто не было. Зато когда я закончил свое дело и не торопясь, разминая затекшие мышцы, возвращался к «Тойоте», я понял, что такое счастье. Вместе с облегчением пришло осознание, что у меня вовсе нет необходимости сидеть на одном месте — я могу ездить туда-сюда или даже вылезти из автомобиля и немного походить — главное, только быть от него на небольшом расстоянии, чтобы в случае чего успеть сесть за руль. И я прокатился немного по улице, нашел пару подходящих киосков, купил воды и пару сэндвичей и пополнил запас сигарет.

Чтобы хоть как-то скрасить томительное ожидание, я решил подвести кое-какие итоги и обсудить сам с собой то, что уже знал. Итак, мою Светку похитила змея-Регина и этот самый Толстяк Добряков. У него, у гада, есть собственная дочка, Лика, кажется, и жена Ежиха, она же Жанна. Причем, судя по всему, этот Добряков человек отнюдь не бедный. Имеет «Мерседес», дом недавно построил... Но, видимо, всего этого ему оказалось мало, если он, будучи сам отцом, решил сыграть на моих отцовских чувствах и получить с меня миллион в обмен на жизнь моего ребенка...

От бессильной ярости я скрипнул зубами и со всей силы ударил кулаком по рулю. Однако сейчас было не время давать выход эмоциям. Наоборот, от меня сейчас, как никогда, требовались собранность и хладнокровие.

Итак, Михаил Борисович Добряков и Регина... Черт ее знает, а может,

она никакая и не Регина. Может, ее зовут Маней, Нюрой или Клавой — а представиться мне она могла как угодно. Но Добряков-то по крайней мере хоть по паспорту Добряков. И на самом деле работает на телевидении. Во всяком случае, имеет пропуск и торчит в этом самом Останкино уже почти три с половиной часа.

И тут меня осенило, я наконец-то вспомнил, где слышал это имя. Ну, конечно же! Михаил Борисович! Именно так звали того кекса, который выловил моего Дельфиненка в бассейне на улице Княгини Ольги, соблазнил ее этим проклятым островом и обрывал нам телефон последние несколько недель перед ее отъездом. То-то мне показался знакомым его голос... Точно, это он. Юлька еще называла его стариком и смеялась над моей ревностью.

Но это что же получается? Таких случайных совпадений просто не бывает. Значит, Юлькина поездка была организована этой шайкой специально. Ее отправили искать клад, чтобы она не мешалась под ногами. Женщины ведь непредсказуемы! Неизвестно, как бы она себя повела, если бы Светка исчезла при ней. А так эти сволочи имеют дело только со мной. А я хоть и бешусь, но дисциплинированно исполняю все то, что они говорят... Но погодите еще! Вы не знаете, с кем связались. Нас, Шмидтов-Фриденбург-Курнышовых одолеть не так-то легко!..

Мое столь трудно давшееся мне дежурство не принесло никаких плодов. Добряков, скорее всего, действительно провел весь день на работе — во всяком случае, серебристый «Мерседес» покинул стоянку только около половины восьмого и направился, как и было условлено с неведомым мне пока еще собеседником, в сторону проспекта Мира. Я ехал следом за ним, стараясь не прижиматься, но и не потерять его из виду в бурном потоке машин, что оказалось крайне непростой задачей. Но вот автомобиль Добрякова замедлил ход, и я увидел яркую вывеску ресторана «Эрл Грей». Припарковаться около него было негде — машины стояли у тротуара столь плотными рядами, что просто яблоку было негде упасть. «Мерседес» с трудом втиснулся метрах в пятидесяти от оформленного в колониальном стиле входа, мне же пришлось проехать дальше, свернуть в ближайший переулок, сделать круг и снова вернуться. И тут мне в который раз за сегодняшний день улыбнулась удача. Из соседнего с рестораном ювелирного магазина вышла молодая пара и села в черный «Лексус». Я быстро занял освободившееся место. Моя позиция оказалась очень удобной — вход в ресторан просматривался с нее, как на ладони.

Я прождал минут двадцать и был вознагражден. К ресторану подрулила выдавшая виды «девятка», и из нее выпорхнула — кто бы вы

думали? — Регина собственной персоной. Да-да, та самая рыжая стерва, которая так ловко пристроилась во Львове под мой «Форд». Та, что сумела одним движением гибкого тела разбудить во мне такую страсть, от которой растаял лед на диване. И та, чьи глаза напомнили мне змею на генеральских бокалах.

Перебирая длинными ногами, поцокивая, как только что подкованная лошадка, тонкими высокими каблучками, Регина (а может, и не Регина) подошла ко входу в «Эрл Грей» и скрылась в ресторане. Так вот, значит, с кем назначил встречу Михал Борисыч! Вот с кем он так нежно ворковал по телефону. Мне сразу вспомнились Юлькины слова о «старике». Ох, не напрасно я тогда ревновал, не напрасно! Несмотря на возраст, живот и лысину, этот тип явно был тем еще кобелем. И мое счастье, что у Дельфиненка отношение к возрасту совсем другое, чем у этой рыжей гадюки.

Я с трудом удержался от того, чтобы не ворваться в ресторан и не размазать их обоих по стенке. И сделал бы это, если бы не понимал, что подобный поступок только ухудшит участь Светки. Было совершенно ясно, что эти двое были лишь частью преступной шайки, замыслившей такое злодеяние. Нужно было действовать не грубой силой, а терпением и осторожностью. И я снова принялся ждать.

Сладкая парочка, похоже, никуда не торопилась. Уже смеркалось, а они еще и не собирались покидать ресторан. Я хотел позвонить Басе, чтобы не волновалась — как-никак, я ушел с самого утра — но вспомнил, что бабушка не слышит телефона, и позвонил сестре.

— Герман! — обрадовалась Вика. — Ты где? Мы уже беспокоимся.

— Да так, езжу по делам... — объяснить, что к чему, было бы очень долго. Вот приеду домой и расскажу. Тем более что история должна выйти долгой — сестра ведь ничего не знала про Регину, а соответственно и про Добрякова, и про все остальное.

— Узнал что-нибудь новое про Светку?

— Да пока нет...

— А когда ты будешь?

— Не знаю. Скорее всего, поздно, — ответил я и усмехнулся. Мы с Викторией, сами того не желая, почти дословно процитировали сейчас утренний разговор Толстяка с супругой. Только моя собеседница, к счастью, была совсем не такой, как Ежиха.

— Хорошо, приходи, когда сможешь. Ключи у тебя есть. И не бойся меня разбудить, я ложусь поздно.

— Ты скажи Басе, что я задержусь, чтобы она не волновалась, ладно?

— Ну конечно, братик, как же иначе!

Когда мои подопечные вышли из ресторана, был уже двенадцатый час. Видно было, что времени они даром не теряли — оба, и Толстяк, и девица, успели уже слегка поднабраться.

— Региночка — ик! — птичка моя! — Добряков обнимал ее за талию. — Сейчас поедem к тебе... Я требую продолжения банкета!

— Ну нет! — с излишне громким смехом отбивалась от него Регина (все-таки Регина!). — Не сегодня. Сегодня ты напился, я тебя такого не люблю... Дай мне денег на такси.

— Ну, детка, — заныл Толстяк. — Неужели ты бросишь своего пупсика? Садись в мою машинку, поедem...

— Ну вот еще! А по дороге ты врежешься в какой-нибудь столб! Я же видела, сколько ты выпил... Не, дорогой, так дело не пойдет. Увидимся завтра. А сейчас давай денежку.

Толстяк неохотно вытащил пухлый бумажник. Регина сделала движение в его сторону, но Добряков ловко отвел руку с кошельком в сторону, вытащил несколько купюр и отдал ей, а сам бумажник вернул во внутренний карман.

Пока они прощались, во мне боролись две разные идеи. С одной стороны, очень соблазнительной казалась мысль подъехать к Регинке, когда она будет голосовать, и посадить ее к себе в машину. Можно было бы завезти ее в тихое место и как следует допросить... Нет, это было, пожалуй, слишком опасно. А если просто прикинуться шлангом и отвезти ее домой? По крайней мере узнаю, где у этой змеи логово... Нет, это тоже очень рискованно. Рыжая может меня узнать. Все-таки (я усмехнулся) не совсем чужие...

И я решил поехать следом за Добряковым. Девяносто пять процентов из ста было за то, что он сейчас поедет домой в Химки — однако оставались же еще и пять процентов другой вероятности. Кто знает, может быть, именно сейчас он решит навестить берлогу, где спрятана моя несчастная Светка...

Регинка быстро поймала машину (к сожалению, разобрать адрес, который она сказала водителю, мне не удалось) и укатила, а Толстяк уселся в свой «мерин». Похоже, он не шутил — он действительно собирался вести машину, несмотря на то что находился в изрядном подпитии. И хотя я сегодня уже слышал об этом от обеих его женщин — и от Змеи, и от Ежихи, — мне все еще верилось с трудом. Наверное, протестовал внутренний кодекс профессионала.

«Мерс» отчалил от своей стоянки, и я привычно пристроился у него в

хвосте. Время было уже позднее, и поток машин заметно поредел, однако сказать, что дорога опустела, было никак нельзя. Мне это было на руку — я не бросался в глаза, но и не терял Добрякова в толпе.

Надежды мои не оправдались — Толстяк, похоже, ехал домой. Во всяком случае, направлялся он точно в сторону Химок. Сначала он вел машину вполне прилично, но чем дальше мы отъезжали от центра и чем меньше автомобилей становилось вокруг, тем больше он расслаблялся. «Мерс» стал вилять, разок выскочил на встречную полосу и все чаще игнорировал красный свет светофоров.

Вот очередной светофор издали замигал нам зеленым, предупреждая, что путь скоро будет закрыт. Перекресток был далеко, но Добряков даже не сбавил скорость своего «мерина». Вокруг вроде бы было пусто, и он, видимо, решил проскочить. «Мерседес» уже пересекал перекресток, игнорируя красный огонь, как вдруг сбоку, как из-под земли, вылетела «Газель». Раздался такой ужасающий грохот и лязг, что я инстинктивно зажмурился, машинально ударив по тормозам. А когда открыл глаза, то увидел, что серебристый красавец «Мерседес» отлетел в сторону и со всего размаха врезался в столб. Я не первый день за рулем, видал аварии и пострашнее, но и тут зрелище было не из приятных. Вся передняя часть машины была смята буквально в лепешку.

Я выскочил из своего автомобиля, не зная, куда бежать сначала — к «мерсу» или к «Газели». Грузовичок вроде пострадал меньше — у него оказались разбита фара да изрядно помят радиатор. Дверь «Газели» отворилась, и из нее медленно выбрался водитель — совсем молодой парень, почти пацан. Он был бледен и страшно перепуган, но, к счастью, жив и на вид цел. Он хотел что-то сказать, показывая рукой на «Мерседес», и не мог выдать из себя ни слова, так его трясло.

— Батюшки, да что же это такое делается, ужас-то какой! — услышал я за спиной женский голос. Из остановившейся сразу за мной старенькой «шестерки» выскочила невысокая полная женщина лет шестидесяти и подбежала к нам.

— Я не... не...: он... сам... — бормотал парнишка. Женщина обняла его и прижала к себе:

— Успокойся, сынок, успокойся... Ты ни в чем не виноват. Это он на красный свет ехал, оглашенный... Мы все видели, вот с... — Она обернулась ко мне: — Как тебя зовут?

— Гера, — отвечал я.

— Ну, вот я и говорю... Мы с Герой все видели, все милиции расскажем, как что было... Ты сам-то в порядке? Руки-ноги целы? Голова

не болит? Ну, вот и славно... А ты, Гера, чего застыл, как Лотова жена? Вызывай скорее неотложку, может, он там жив еще? — Она кивнула на остатки «Мерседеса». — И в милицию тоже звони. Я сама бы позвонила, но у моего сотового только что батарейка разрядилась...

До приезда «Скорой» и гаишников мы с ней успели кое-как привести парня в чувство и поверхностно исследовать «мерс». Но водитель не подавал никаких признаков жизни. Открыть дверь и вытащить его тоже оказалось невозможно.

Да, не ожидал я, что сегодняшней вечер закончится именно так! Впрочем, Толстяк, наверное, тоже не ожидал, что его жизнь оборвется таким вот плачевным образом... Прибывшие на место происшествия врачи и милиционеры подтвердили, что Добряков Михаил Борисович, 1949 года рождения, уроженец подмосковного города Дмитрова, скончался на месте от полученных в результате аварии травм, несовместимых с жизнью. За рулем он находился в состоянии алкогольного опьянения, грубо нарушал правила дорожного движения, и, судя по свидетельствам очевидцев, дорожно-транспортное происшествие случилось по его вине.

Все это разбирательство заняло довольно много времени. Я как раз подписывал последний протокол, когда в кармане заверещал мобильник.

— Алло, Пистолет, это я!

— Да, Семушка, привет!

— Слушай, ну ты сможешь нас отвезти? Если нет, то так и скажи, мы такси возьмем. Без обид.

Черт, я же обещал отвезти их с семьей в аэропорт! Совсем из головы вон из-за всех этих дел...

— Конечно, старик, какие проблемы? Сейчас буду.

Так что в ту ночь мне пришлось проехать мимо Химок еще дважды — когда вез Семушку с женой и двумя детишками в «Шереметьево» и обратно. Откуда у меня на все это силы взялись — ума не приложу!

Глава 10 Виктория. Сильней любви в природе нет начала

После просмотра второй кассеты и спешного отъезда Германа Виктория опять прилегла и снова попыталась уснуть, но у нее ничего не вышло. В окно светило радостное майское солнце, и на душе у нее тоже было светло. Шесть дней, проведенных в разлуке с Игорем (пока она ездила на Украину, он навестил мать в деревне под Санкт-Петербургом), показались вечностью. Но сегодня он уже возвращался — а это значило, что вечером, ну, в крайнем случае завтра днем они обязательно увидятся. И Вика была счастлива. Она верила, что и у Германа тоже все будет хорошо — он съездит в Германию, получит наследство, отдаст деньги и снова обретет дочь. И тогда оба они — и брат и сестра обретут то, к чему сейчас стремятся. «Герман будет с дочкой, а я буду с Игорем! — сказала она себе. — Так должно быть по справедливости. Мы оба заслужили счастье».

Как же не везло ей до Игоря с мужчинами, боже, как не везло! А она, Вика, ведь была очень увлекающейся натурой. Сколько себя помнила, мечтала о любви, тайком от матери читала по ночам Бальзака, Золя и Мопассана, сочиняла в своем воображении упоительные романы, где главной героиней была она сама. Лет с двенадцати все ее существо жило каким-то неясным смутным томлением. Вика сама не знала, чего хотела и о чем грезила, чувствовала только, что это что-то необыкновенное, чудесное и манящее... Но не смела поделиться своими переживаниями ни с кем — кроме Берты. Лишь одна Берта понимала ее, без оскорбительной улыбки выслушивала ее туманные фантазии, отвечала на наивные вопросы, что-то уточняла, объясняла, рассказывала. После разговоров со старшей подругой Вика с удвоенным рвением выискивала в книгах места, где говорилось про «это», читать и перечитывать которые было очень любопытно и немного стыдно.

Мать, Мария Львовна, всегда была до ханжества строга во всем, что касалось вопросов пола. Любимым словом ее было «неприлично». неприлично было сказать, что хочешь в туалет, неприлично было носить юбку выше колен, неприлично было даже смотреть в кино на целующуюся пару.

Однажды, когда Берта была уже месяце на шестом, Мария Львовна с дочкой разбирали одежду Вики, чтобы посмотреть, что еще годится, а от чего уже надо избавляться.

— Мама! — сказала тогда Вика. — Давай отдадим это платье Берте. Мне оно велико, а ей будет как раз, она же беременна.

Лицо Марии Львовны покрылось красными пятнами.

— Не смей произносить такие слова! — закричала она. — Это неприлично для девушки.

С мальчиками Вика почти не общалась, более того, боялась и сторонилась их. Долгие годы все люди мужского пола казались ей какими-то особенными, словно инопланетными, существами. Оттого, наверное, и влюблялась она не в одноклассников, а в киноактеров, певцов, даже в литературных героев и персонажей, изображенных на картинах. Самым земным из объектов ее привязанности был военрук в школе, потому что он был похож на отца. Чувство это длилось дольше других, почти год, и о нем никто не знал — ни одна живая душа.

После признания Берты Вика со страшными предосторожностями взяла из отцовского кабинета медицинскую энциклопедию и ночью, прячась под одеялом, прочла все более или менее подходящие статьи. Поняла далеко не все, но в сочетании с рассказами Берты почерпнутые из энциклопедии сведения дали ей хоть какие-то теоретические знания. Практических же у нее не было очень долго. Ни в старших классах, ни на первых курсах консерватории у нее еще не случилось ни одного романа. Да что там романа, легкого флирта, простого ухаживания, самого невинного дружеского общения с юношей — и того не бывало.

Долго искать причины этому не приходилось — их было более чем достаточно. Во-первых, Вика сильно отличалась от своих сверстниц, причем отличалась явно невыгодно. Без косметики, с волосами, убранными в нелепый пучок, который ее старил, в мешковатых невзрачных костюмах, она была «серой мышью» или «синим чулком», кому какое название больше нравится, — а такой тип женщин отнюдь не привлекает внимание противоположного пола. Во-вторых, знакомиться ей было, собственно, и негде — она не ходила никуда, кроме занятий, не бывала ни на вечеринках, ни в парках, ни на загородных прогулках. А в-третьих, Вика сама как огня боялась мужчин. Стоило кому-то из них заговорить с ней, она смущалась, краснела как свекла или, еще того хуже, принималась глупо хихикать. Вспоминать об этом ей до сих пор было стыдно.

Но вот Вике минул двадцать один год, а через некоторое время был сдан последний экзамен летней сессии на четвертом курсе. Дома по этому случаю устроили праздник. Бася подала закуски, родители чокнулись бокалами, Вике тоже разрешили выпить немного шампанского, что случалось только по большим праздникам.

— Ну вот, ты уже совсем большая, перешла на пятый курс, — заявила Мария Львовна, улыбаясь дочери. — Пора уже и о замужестве подумать, правда, Валера?

Генерал чуть не поперхнулся икрой.

— У тебя есть кто-то на примете, дочка? — удивился он.

Вика, сама удивленная не меньше отца, хотела сказать что-то вроде: «Нет, папа!» — но не успела. Мария Львовна ответила за нее:

— Конечно, нет. Ей некогда заниматься глупостями, она отличница, идет на красный диплом. Я говорю, что это *нам с тобой* надо подумать о замужестве дочери, как ты считаешь?

— Мне казалось, что такие вещи человек должен решать сам, — осторожно проговорил генерал, накладывая себе на тарелку заливное.

— Ну вот еще! — возразила Мария Львовна. — У нее нет никакого опыта, знания жизни... Ты же не хочешь, чтобы она связалась с каким-нибудь проходимцем? Мы сами должны устроить ее судьбу.

Вскоре выяснилось, что мать не на шутку увлеклась этой затеей.

— Девочка будет солисткой оркестра, — вслух размышляла Мария Львовна. — Значит, ей нужен человек не из мира искусства. Две творческие единицы в доме — это хаос. Нужно будет поискать в министерской среде.

Она так и говорила — единицы. Генерал только хмыкал, Вика краснела. Ее навеянные поэзией Серебряного века мечты о пылком объяснении в освещенной луной беседке, жарких поцелуях в плывущей по заросшему кувшинками пруду лодке и страстных объятиях на кружевных простынях плохо сочетались с понятиями «среда» и «единицы».

Мать перебирала кандидатуры, Вика чувствовала себя в ситуации, многократно описанной в классической литературе. С одной стороны, «душа ждала кого-нибудь», с другой — она слишком хорошо знала мать и совсем не была уверена в том, что ей выберут что-то подходящее. Так и случилось. В один прекрасный день, придя после занятий домой, она поняла — в доме что-то происходит. У Баси, встретившей ее в передней, чтобы стряхнуть снег с шубы и шапки, были поджаты губы — верный признак того, что она недовольна чем-то, но сдерживается. На вешалке Вика увидела незнакомое мужское пальто — драповое и явно дорогое.

— У нас гости? — почему-то шепотом спросила Вика.

— Жених, — также шепотом отвечала Бася.

— Чей жених? — растерялась Вика.

— Твой.

Из столовой доносились два голоса: привычный — Марии Львовны и незнакомый, высокий и несколько манерный — мужской.

— А где папа?

— Сбежал, — фыркнула Бася и отправилась на кухню.

Еле живая от волнения, на негнущихся ногах, Вика вошла в столовую. Мария Львовна, нарядная, улыбающаяся поспешила ей навстречу.

— А вот и дочка! Виктория, знакомься, — представила она дочери молодого человека. — Это Аркадий, сын Егора Яковлевича.

Вика, наконец, решила поднять взгляд. Лучше бы она этого не делала! Аркадий оказался сутулым, с уже наметившимся брюшком — а ведь ему наверняка еще тридцати не было! — и близко посаженными бегающими глазками. Боже ты мой!

— Очень приятно, — с трудом выдавила из себя Виктория. Кто такой Егор Яковлевич, она и понятия не имела.

— Аналогично, — певуче протянул «жених», оглядывая курнышовские хоромы, картины на стенах, богемское стекло в витринах, россыпь фарфоровых статуэток, а заодно и генеральскую дочку.

— Виктория, ты ведь не устала? Ты сыграешь нам мое любимое каприччиозо Сен-Санса? Аркадий без ума от классической музыки, правда, Аркадий?

Аркадий торопливо закивал.

Вика со вздохом потянулась к скрипке. Она играла на ней сегодня много часов подряд и сейчас с куда большим удовольствием села бы за стол, выпила горячего чаю и поела бы душистых Васиных пирогов. Но объяснять все это матери было бесполезно.

— По-моему, очень милый молодой человек! — заявила Мария Львовна, когда Бася закрыла за Аркадием дверь квартиры. — А ты что скажешь?

— М-м-м... — промычала Вика.

— Что? Не слышу. Ты что, хочешь сказать, что он тебе не понравился?

— Нет, что ты, мама! Ты права — очень милый молодой человек.

Через три месяца в купольном зале ресторана «Прага» сыграли скромную свадьбу на пятьдесят человек. Вика была как во сне, ничего не видела и не слышала, с волнением и страхом ожидая того, что произойдет, когда они вернутся домой. До этого их отношения ограничивались совместными прогулками под руку да единственным поцелуем, состоявшимся в день «помолвки», как назвала Мария Львовна тот факт, что они подали заявление в загс. Тогда мокрые губы жениха мазнули Вику по губам, и это ей совсем не понравилось. Она украдкой вытерла рот тыльной стороной ладони и спросила себя — неужели это и есть то самое волшебство, которое воспевают поэты, сладкая печать любви, лепесток

алой розы и так далее? Не может быть! Наверное, она просто не распробовала...

Когда черная «Чайка» привезла молодых на улицу Герцена, Аркадий был уже изрядно навеселе. Им открыла Бася, с сочувствием поглядела на Вику, тихонько перекрестила ее и закрыла за ними дверь комнаты Виктории, которая отныне становилась спальней молодоженов. Едва они остались вдвоем, Аркадий принялся ее обнимать:

— Ну, женушка, ну наконец-то мы одни...

Его неловкие пальцы мяли платье и фату, безуспешно пытались расстегнуть крючки. Вика отстранилась:

— Подождите... Подожди, я сама.

— Давай, — с облегчением согласился новоиспеченный супруг. Он быстро скинул пиджак, стянул галстук и начал стаскивать брюки. У него были очень белые ноги, все покрытые рыжеватым пухом. Вику передернуло от отвращения. Она схватила с подушки кружевную ночную рубашку и ретировалась к двери:

— Я пойду в ванную...

В коридоре встретила Бася (родители оставались еще в ресторане с гостями). Вика упала ей на грудь и разрыдалась:

— Басенька, милая, ну зачем?... Ну почему...

И домработница гладила ее по волосам и тихо утешала:

— Ничего, моя девочка, ничего... Все будет хорошо. Поверь мне, это далеко не самое страшное...

От матери Вика никогда в жизни не видела такой ласки, не слышала таких слов...

С Васиной помощью она сменила подвенечный наряд на целомудренный шелковый халатик. Вика старалась переодеться как можно дольше, чтобы отдалить так пугающий ее миг. Но в конце концов больше тянуть уже было нельзя. Замирая от ужаса, Вика вошла в спальню. Аркадий, совершенно голый, лежал поверх одеяла.

— Ну, женушка, ну иди же ко мне, я заждался... Молодая супруга торопливо погасила свет.

Ту первую ночь Вика до сих пор вспоминала с ужасом. Было стыдно, больно и отвратительно. И если физическая боль со временем стала утихать и где-то недели через две (первое время они занимались *этим* каждую ночь) совсем прошла, то стыд и отвращение только усиливались. Каждый раз, когда муж приставал к ней с ласками (их у него было только две — поцелуй в губы и собственно половой акт), Вика стискивала зубы и принималась считать про себя до пятисот — дольше ее мучения, к счастью,

никогда не продолжались.

Впрочем, недолго продолжалось и ее замужество. Расписались они в самом конце апреля, а уже в середине августа молодой муж был с позором выгнан из генеральского дома.

Бася, целыми днями смахивающая пыль с трофейных богатств генерала, спросила как-то у хозяйки, Марии Львовны, куда это подевалась медная всадница с копьем да настольные часы с Орфеем. Произвели смотр и обнаружили пропажу еще одной статуэтки, полдюжины серебряных ложек, нескольких колец и браслета с рубинами. Мария Львовна была в шоке. На Басю она не подумала. У генерала в доме бывало немало всякого народу, но чтоб их такие солидные друзья воровали... А тут под вечер пришел генерал и, как в плохой комедии, сообщил, что только что заезжал с друзьями в комиссионку на Кузнецком купить для генерала Пташука к его юбилею саблю, а на витрине красуется знакомая всадница с копьем.

— А меня еврей во Львове в сорок пятом уверял, что она такая одна на весь мир, мол, сам мастер отливал.

Бася с хозяйкой переглянулись.

— Ты машину уже отпустил? — нервно спросила Мария Львовна.

— Отпустил, — генерал стал расстегивать китель.

— Вызови снова, — голос у супруги был командирский.

— Зачем? — удивился генерал.

— Затем, что в комиссионке стоит наша всадница! — Мария Львовна была в бешенстве.

— Успокойся, — генерал аккуратно повесил китель на плечики. — Комиссионка все равно уже закрыта, мы ее сами с боем взяли. А почему это ты решила, — при этом он бросил взгляд на застекленные витрины, — что это наша всадница?

— Да потому, что наша — ускакала. — Мария Львовна в изнеможении села на кресло.

— Как ускакала? — не понял генерал.

— Ну пропала, про-па-ла.

— Ты уверена? — До генерала стал доходить истинный смысл происшествия: в доме завелись воры.

На следующее утро, еще до открытия комиссионки, Мария Львовна стояла у ее дверей. В квитанции, выписанной на всадницу, была черным по белому написана фамилия сдавшего статуэтку. Это был Аркадий, сын Егора Яковлевича. Дальнейшее разбирательство, уже дома, прояснило ситуацию до конца: Аркадий играл в карты. Конечно, на деньги. Долги надо было отдавать, а долгов было много. Всадница была возвращена на место,

Аркадию указали на дверь. А Вика только вздохнула с облегчением. И пока мать искала ей нового мужа, она в очередной раз влюбилась. Но теперь не в киноактера и не в портрет кисти Ван Дейка, а во вполне реального человека, тромбониста из их оркестра — Мария Львовна добилась для дочери после консерватории распределения в Большой театр.

Жизнь Вики засверкала новыми красками, знакомые изумлялись происшедшим с ней переменам. Она похорошела, разругалась, глаза ее светились.

Однажды утром Бася услышала, как девушка, одеваясь в своей комнате, напевает песню из культового фильма «Возраст любви»:

Если ты в глаза мне глянешь, И тревожно мне, и сладко, Если ты вздохнешь украдкой, Мне печаль твоя видна, Если, мне целуя руку, Ты шепнешь одно лишь слово, Жизнь отдам и не спрошу я, Для чего тебе она...

— Да ты никак влюбилась, Вика! — с нежностью сказала Бася.

Вместо ответа генеральская дочка лишь потерлась щекой о ее ладонь. Бася вздохнула.

— Дай тебе Господь счастья, девочка... Вот только знаешь что... От Марии Львовны глаза прячь. Мало ли...

Наученной горьким опытом Вике первое время удавалось скрывать свои чувства от матери. А скрывать было что — однажды после репетиции тромбонист, слегка смущаясь, сказал, что у него есть лишний билет на Таганку и если она, Виктория, завтра свободна, то он был бы счастлив пригласить ее на спектакль «Жизнь Галилея». Вика летала, как на крыльях. Тромбонист, его звали Володей, был сиротой и жил в крохотной, но отдельной квартирке в Черемушках. На ночь Вика, конечно, оставаться у него не могла — из-за матери, да и отец тогда еще был жив, — но днем они иногда встречались там, и Вика уговаривала себя, что с ним все не так, как с Аркадием, что близость с Володей дарит ей истинное наслаждение — но ей все еще было стыдно и неловко в постели, все время казалось, что за спиной стоит мать со своим вечным «неприлично».

Их роман длился полгода, и Вика все ждала, когда же он сделает ей предложение, тогда она познакомит его с родителями. А он все молчал и молчал. Потом встречи стали реже, Володя постоянно был занят — то какие-то родственники просили перевезти мебель, то из Костромы приезжала тетка, и надо было поводить ее по магазинам... Она сначала верила его объяснениям, потом начала подозревать, нервничала, плакала, стала устраивать ему сцены ревности. А однажды, проходя по улице Горького, Вика увидела его в кафе «Космос» вместе с весело хохочущей

женщиной. По всему было видно, что им вдвоем хорошо. Виктория так и застыла у зеркального окна-витрины и глядела на парочку до тех пор, пока Володя случайно не поднял голову и не встретился с ней взглядом. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, потом тромбонист придвинулся к своей спутнице и больше уже не поворачивался.

Поздно вечером Виктория приехала в Черемушки и долго звонила в дверь, но ей никто не открыл. А на следующий день во время утреннего спектакля Володя избегал ее и старательно смотрел в другую сторону. В антракте она сама подошла к нему и тихо сказала:

— Нам надо поговорить. Давай сходим куда-нибудь, у нас же сегодня свободный вечер.

— Я не могу, — виновато улыбнулся он.

— Почему? — спросила она, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слезы.

Он молчал и все время вытирал носовым платком лоб.

— Я буду сегодня занят, — наконец выдавил он из себя.

— Чем? — Голос у нее задрожал.

— Виктория, — тромбонист набрал побольше воздуха в легкие, — нам не надо больше встречаться.

Она смотрела на него широко открытыми глазами. Слез не было — они застыли на подходе.

— Извини меня, я должен был тебе это раньше сказать. Но я не решался. Прости. Я полюбил другую.

Виктория на следующий же день ушла из оркестра Большого театра, потому что не могла видеть рядом того, кого любила и до кого не могла даже дотронуться. Дома ее поступок наделал большой переполох. Но еще большее потрясение ждало Марию Львовну, когда она узнала, что ее дочь беременна. Она бросилась выяснять: кто? И тромбонист был приглашен в генеральский дом для серьезного разговора. Виктория не знала об этом решении матери, и, когда вечером пришла домой и сквозь приоткрытую дверь в гостиной увидела знакомую туфлю на тонкой ноге тромбониста, стыд за мать заставил ее бежать во двор. Там она и дождалась того, чьего ребенка носила под сердцем.

— Виктория, — тихо сказал он, — что же ты мне ничего не сказала?

— О чем?

— Ты знаешь, о чем.

— И ты бы меня сразу обратно полюбил? Да?

Он молчал. Потом круто развернулся и зашагал к метро. Больше они никогда не виделись.

Через три дня Мария Львовна, предварительно переговорив с нужными людьми, отвела Викторию в больницу.

— Ни о чем не думай, — говорила она дочери. — Ты начнешь жизнь с чистого листа.

Чистые листы потом еще были, и не раз. Виктория влюблялась, каждый раз пылко, страстно, очертя голову, словно в омут бросалась. На каждого она обрушивала целый шквал чувств, весь запас нерастроченной нежности и заботы. Но она словно обречена была судьбой на несчастную любовь. Ее избранники или были женаты, или не обращали на нее внимания, или очень быстро расставались с ней, чаще всего безо всяких объяснений — просто исчезали из ее жизни, и все.

Одному из них, все-таки решившемуся на финальный разговор, Вика устроила допрос с пристрастием: ну почему, ну что во мне не так?

— Видишь ли, мне нравятся более темпераментные женщины, — выдавил тот из себя. — Ты, не обижайся только, несколько холодна в постели...

Вот оно что! Вот, оказывается, в чем дело... Виктория на самом деле до тех пор так и не научилась получать удовольствия от близости, но ей и в голову не приходило, что это может столь пагубно влиять на отношения. Когда у нее, наконец, появился новый кавалер, она стала играть в постели, как на сцене, изображая наслаждение, но и это ни к чему не привело. Через пару месяцев они все равно расстались. И снова — глухая боль, вселенская тоска и полное нежелание жить...

«Ты слишком их любишь! — говорила задушевная подруга Лиза. — Ты готова отдать всю себя. Так нельзя. Помнишь, у Пушкина? Чем меньше женщину мы любим... С мужчинами так же, только еще хуже. Надо быть загадочной и недоступной, чтобы у него возникло желание тебя завоевать».

И Вика пыталась быть загадочной и недоступной, но у нее ничего не получалось, а годы меж тем шли и шли. Когда умерла мать и она обрела наконец-то долгожданную свободу, ей было уже под пятьдесят. Похоронив Марию Львовну, Виктория еще несколько месяцев, словно по инерции, продолжала жить по ее законам: носила то, во что одевалась и раньше, никуда не ходила, все свободное время проводила дома за книгой или у телевизора. А потом она вдруг словно проснулась. В одно прекрасное майское утро она подошла к шкафу, решительно сгребла все, что там висело, и попросила Басю отнести на помойку. Потом вызвала такси и целый день моталась по бутикам. Продавщицы, почуяв выгодную покупательницу, целыми кучами подтаскивали ей на выбор кофточки, брюки, юбки, платья, свитера, пуловеры, кардиганы... Вика примеряла

одно, другое, третье и только ахала. Как же великолепно она выглядела во всем этом!

— Ой, а этот разрез не смотрится вызывающе? Как на ваш взгляд, это платье не слишком коротко? А разве в моем возрасте можно носить такое? — спрашивала она и слышала в ответ:

— Ну что вы! Вам ли говорить о возрасте? Вам это так идет! С такой фигурой, как у вас, именно такую одежду и надо носить! А такие ноги вообще грех прятать!

В тот день она накупила целый ворох красивых и модных вещей. А на другой отправилась в салон красоты, решительно отстригла волосы, покрасилась, выбрала подходящую прическу, сделала массаж лица, маски, маникюр и педикюр, наложила макияж... С тех пор все это вошло у нее в привычку. Она поражалась тому, сколько времени и сил требуется женщинам на то, чтобы следить за собой, но результат с лихвой оправдывал затраты. Финансовых проблем Виктория не знала — когда ей казалось, что пачка денег в потайном ящичке инкрустированного комода становится слишком тонкой, она просто снимала со стены очередную картину или вынимала из горки статуэтку. Вика с жадностью окунулась во все те развлечения, которых была лишена раньше, — полюбила питаться в ресторанах, съездила в Испанию, в Анталию и в Финляндию, стала ходить на концерты, в театры, на модные выставки, но самое главное — на всевозможные вечеринки и тусовки. У нее появились поклонники, она поняла, что еще может нравиться, и упивалась этим. В день, когда она сама — сама! — бросила любовника, просто потому что он ей надоел, Вика была счастлива как никогда в жизни.

А потом вдруг, точно принц на белом коне, возник Игорь. Она отлично помнила тот вечер, когда впервые увидела его. Это было у нее дома, праздновали Масленицу, и Бася напекла целую гору блинов. Игоря привел бывший муж Елизаветы Телепневой, Саша-оператор, как называла его Лиза, чтобы не путать с другим Сашей — из четырех ее бывших мужей двое были Александрями, но один работал на телевидении, а второй держал несколько магазинов.

— Игорь увидел тебя на премьере в «Табакерке» и просто голову потерял! — шепнул Вике на ухо Саша-оператор после того, как представил их друг другу. Виктория довольно зарделась.

Игорь сразу поразил ее молодостью, красотой, манерой держаться, но больше всего тем, что от него пахло табаком «Золотое руно» — точно так же, как от отца. Он также курил трубку, и это ему очень шло.

— Ничего не могу с собой поделать — люблю старый добрый

советский табак! — сказал он ей в бывшем отцовском кабинете, становившемся на время приема гостей курительной комнатой. И в интонации, с которой были произнесены эти совершенно невинные слова, и в сопровождавшем их мягком обволакивающем взгляде карих глаз была какая-то особая интимность, будто Игорь доверял ей свою тайну или открывался в нежных чувствах. За столом он держался великолепно, ел немного, но очень красиво и блистал остроумием. А в перерывах между подачей блюд поклонился Басе, поцеловал «руку, приготовившую эти божественные блины» и вдруг куда-то исчез. Его не было довольно долго, и Вика, улучив момент, тихонько поднялась из-за стола и отправилась на поиски так понравившегося ей гостя. Неужели он ушел, не попрощавшись? Нет, это было бы слишком обидно...

Пропажа обнаружилась в маленькой гостиной. Уютно устроившись в кресле, Игорь смотрел по видео «Собаку на сене». При ее появлении он тотчас поднялся:

— Ради бога, извините, что я у вас тут хозяйничаю... Но увидел вот тут на полочке кассету с моим любимым фильмом и просто не мог удержаться. Вы простите мою дерзость?

Сердце Вики затрепетало. Это был и ее любимый фильм, Попе де Вега она обожала с детства. Виктория была смущена. Уверенная в себе обеспеченная женщина, которой ей почти совсем уже удалось стать за последние годы, вмиг улетучилась, уступив место неловкой и застенчивой школьнице, не знающей, как вести себя с симпатичным мальчиком.

— Не буду вам мешать... — только и смогла пролепетать Вика. Она хотела уйти, но Игорь удержал ее за руку.

— Пойдите! Сейчас будет замечательный момент. Вслушайтесь в слова, которые говорит Диана: «Сильней любви в природе нет начала». Как вам эта фраза? Чудесно сказано, не правда ли?

И Игорь выразительно посмотрел ей в глаза...

— Знаешь, ведь это все не просто так! — уверяла ее Лиза. — Сашка мне рассказал, что Игорь ему настоящий допрос про тебя учинил — что тебе нравится да что не нравится, чем ты увлекаешься...

— Неужели я произвела на него такое впечатление? — не слыша подтекста в словах подруги, Вика так и светилась от радости.

Первой близости она боялась как огня. Но ее возлюбленный был так внимателен, так нежно-настойчив, так заботлив, что она быстро забыла обо всех своих комплексах. А потом случилось чудо — она поняла, что испытывает истинное наслаждение. Оказывается, Вика совсем не была фригидной. Просто рядом не было нежного понимающего и любящего

мужчины, который мог бы ей это дать понять.

С тех пор ее привязанность к Игорю не знала границ. Она боготворила его, сильнее, чем когда-то Бертю, и даже сильнее, чем отца. Только с ним Виктория по-настоящему поняла, что значит быть женщиной — любимой, желанной, оберегаемой от забот. Игорь не уставал удивлять ее своим вниманием, своей чуткостью. Он улавливал малейшие нюансы ее настроения, постоянно расспрашивал ее о том, что она думает и чувствует, будил в ней воспоминания и с интересом выслушивал ее откровения. Подобной близости с другим человеком у Виктории не было никогда в жизни. Она открыла Игорю весь свой внутренний мир, рассказала обо всем, что долгие годы хранилось в ее душе. Игорь великолепно умел слушать. Он не только молчал, не перебивая и не переводя разговор, но и всегда развивал начатую ею тему, говорил именно то, что ей нужно было услышать.

Так, когда она поведала ему о своих проблемах, связанных с матерью и ее воспитанием, Игорь заметил:

— Знаешь, мне кажется, что она просто ревновала к тебе твоего отца. Ты ведь очень привлекательна как женщина. А она ненавидела всех женщин в мире, особенно молодых, как потенциальных соперниц. Ведь, согласишься, твой отец сильно любил тебя, уверен, что намного сильнее, чем ее. И она не могла тебе этого простить.

Вика была в шоке от этих слов. Но после них, как ни странно, она совсем иначе стала смотреть на мать и даже начала лучше относиться к ней. Да, Мария Львовна допустила много ошибок, причинила ей, своей дочери Вике, много горя и боли. Но ведь она делала это потому, что любила. Любила так же, как теперь любила она, Виктория. Она ведь тоже отчаянно ревновала Игоря ко всем женщинам в мире и готова была на все, чтобы его не потерять.

«Жизнь отдам и не спрошу я, для чего тебе она...»

Глава 11 Ежиха по имени Жанна, или как утешить безутешную вдову

Когда я, в шестом часу утра, наконец, ввалился домой, на улице уже светало. Я кое-как добрал до кровати и собирался упасть и отрубиться, когда увидел, что на разобранной чьей-то заботливой рукой постели белеет поверх подушки сложенный листок бумаги. Я развернул записку и прочел:

«Братик, тебе звонили из Германии. Твой поверенный вылетел в Москву».

Новость порадовала. Хоть чем-то хорошим закончился этот сумасшедший день! Я повалился на кровать, уснул как убитый и проспал до полудня.

Разбудила меня Бася — громким стуком в дверь.

— Подъем, лежебока! — позвала она. — Двенадцать часов, все уже давно остыло.

Вместе с Викой, похоже, тоже недавно проснувшейся, мы позавтракали на большой генеральской кухне.

— Я смотрю, вы уже всюю друг на друга влияете, — добродушно ворчала Бася, накладывая нам на тарелки пышный омлет с ветчиной. — Ты, Герман, тоже, как Вика, стал — ложишься на утренней заре, встаешь за полдень. И ты, Виктория, тоже хороша. Нет чтобы чему-нибудь хорошему брата научить...

Мы понимали, что она шутит, и только смеялись, уплетая за обе щеки Басину стряпню.

— Ба, а у нас для тебя новость, — сказал я, допивая кофе. — Скоро из Германии прибудет поверенный твоего Отто, моего дедушки. Он сказал, что у него какое-то дело к тебе.

Бася всплеснула руками:

— Господи, что же ты раньше не сказал? У меня же ваниль закончилась, как же я торт печь буду? Он когда к нам придет?

— Не знаю, — я даже растерялся немного. — Но, думаю, не сегодня.

— Ну, слава богу, до завтра-то я успею ваниль купить...

— А сегодня придет Игорь, ты помнишь, Бася? — Так вот от чего у моей сестры все утро так светятся глаза. — Он очень хочет познакомиться с Германом.

— Конечно, Вика, — закивала моя дорогая Ба. — Но это-то мы с тобой давно обговорили и меню ужина продумали...

— Знаешь, Басенька, мне кажется, ужин все-таки придется делать не на четвертых, а на пятерых. — Вика налила себе еще немного кофе. — Я почти уверена, что Лиза тоже сегодня заглянет. Герман, — она игриво покосилась на меня, — произвел на нее неизгладимое впечатление. Лиза только о нем и говорит. Уж не знаю, чем ты ее так очаровал...

— Это у него наследственное, — вздохнула Бася.

— Ты ведь будешь сегодня дома, братик? — Вика отодвинула от себя чашку и аккуратно промокнула губы салфеткой. — Мне так хочется, чтобы ты встретился с Игорем...

Я кивнул, хотя, если честно, у меня сейчас не было особого желания общаться с ее поклонником. Я был в полном замешательстве. Тоненькая ниточка, дававшая мне возможность держать под наблюдением похитителей моей Светки, оборвалась. Еще только вчера мне улыбалась удача, ведь мне здорово повезло с этим Толстяком, он был моей надеждой — призрачной, но все-таки надеждой, — что я смогу что-нибудь узнать о моей девочке. Но вот его не стало. И у меня оставалась только Регина, ускользнувшая вчера, как змея в траву. Найти человека в таком огромном городе, как Москва, зная только имя и внешний облик, — задача нереальная.

После завтрака Бася отправилась за покупками, Вика тоже куда-то упорхнула, кажется, в парикмахерскую, а я остался в огромной квартире наедине со своими невеселыми мыслями и вскоре понял, что сидеть дома и бездействовать у меня просто нет сил. Да, Михаил Борисович Добряков вчера погиб — это действительно так. Но ведь человек никогда не уходит бесследно, остаются какие-то его связи, люди, фотографии, записи, да мало ли что... И может, если как следует покопаться, мне удастся нарыть хоть что-нибудь, хоть какую-то информацию...

Каким бы безвыходным ни казалось мое положение, у меня тем не менее оставалось еще как минимум два возможных пути — его дом и его работа, Останкино и Химки. И там и там могло обнаружиться что-то (или кто-то), имеющее отношение к похищению. Подумав, я выбрал дом, этот вариант показался мне более реальным. Там сейчас начнутся всякие похороны-поминки, соберется разная публика... Может, и получится что-нибудь выяснить.

Я быстро оделся, прихватил с собой двухлитровую бутылку минеральной воды и объемистый пакет с Васиными пирогами (научен был уже вчерашним горьким опытом), другую куртку, бейсболку и черные очки — кто знает, вдруг спешно понадобится изменить внешность? — и еще на всякий случай обе кассеты, полученные от похитителей во Львове и в

Москве. Бросил все это добро на заднее сиденье Сашкиной «Тойоты», залил на ближайшей автостоянке полный бак (как теперь легко в Москве стало с бензином, красота просто!) и помчался в Химки.

Так получилось, что в сознательном возрасте я сталкивался со смертью довольно редко. Мама и генерал (мне до сих пор было очень трудно даже думать про него «отец») умерли, когда я был еще маленьким, и с тех пор мне, слава богу, не приходилось терять никого из близких. Опираясь на свой небогатый опыт присутствия на похоронах — Марии Львовны, Юлькиного дедушки да кое-кого из знакомых, — я почему-то решил, что вокруг коттеджа на Северной улице сейчас будут бродить толпы народу. Какие-нибудь женщины в черных платках, мужчины со скорбными лицами, вездесущие старушки... Но я ошибался. На участке не было ни души, из дома не доносилось ни плача, ни причитаний, ни просто голосов. Все как вчера — тишь да спокойствие, лишь шорох листьев да веселое чирикание птиц, точно со вчерашнего утра ничего и не изменилось.

Пока я думал, что делать, на крыльцо вышла Ежиха, одетая в яркий легкий халатик, без всякого намека на траур, закурила и стала пристально смотреть на мою машину. Отступить было поздно. Я вылез и подошел к ней.

— Вы ведь Жанна?

Она заинтересованно кивнула, разглядывая меня с откровенностью, которая для замужней женщины была, пожалуй, излишней, а для вдовы даже просто неприличной.

— Примите мои соболезнования, — сказал я и потупился.

— Вы, должно быть, Мишин знакомый? — оживилась она. — Как жаль, что я так мало знала его друзей... Мы почти нигде не бывали вместе, и у нас никто почти не бывал... Ну что же мы стоим, проходите в дом!

Она легонько подтолкнула меня к двери, и я уловил легкий запах спиртного. Похоже, вдова уже начала поминать мужа.

Зеркало в прихожей было завешено черным платком, но это оказалось единственным знаком семейной скорби. Где-то в глубине дома орал телевизор, похоже, шел какой-то мультфильм. А в соседней комнате было включено радио, и веселый диджей бойко выдавал что-то остроумное.

— Пойдемте на кухню, — Ежиха-Жанна призывно улыбнулась. — Помянем Мишу, закусим...

Просторная, напичканная встроенной техникой кухня выглядела совсем новой, точно ею еще почти и не пользовались. Жанна усадила меня на стильный, но не слишком удобный кухонный диванчик и стала быстро собирать на стол — нарезала хлеб, вывалила из банок маринованные

огурцы, грибы и оливки, распечатала магазинные упаковки с кусочками ветчины, колбасы и соленой рыбы, вынула из холодильника початую бутылку хорошей водки. У меня сложилось впечатление, что она умирает от скуки и очень рада моему приходу, внесшему хоть какое-то разнообразие.

— А что же вы одна? Я думал, тут толпа будет, — осторожно заметил я.

Ежиха устроилась напротив меня на табурете. Полы коротенького халатика распахнулись, демонстрируя во всей красе привлекательные ноги.

— А кому тут быть? — вздохнула она скорее томно, чем печально. — Родители его умерли давно, друзья на работе... Так, звонят знакомые, но все больше вечером.

Похоже, я не ошибся в своих догадках, она действительно очень скучала — даже в день смерти собственного мужа.

— А кто же всем занимается? Похоронами и так далее?

— Мишин брат, Боря, агента нанял, — Ежиха придвинула мне рюмки. — Ну, что же вы сидите, разливайте...

Пить, будучи за рулем, совсем не хотелось — только сегодня ночью я имел несчастье наблюдать, к чему это приводит. Но и отказываться было опасно, это могло помешать установить контакт. Пришлось идти на хитрость.

— Кажется, еще кто-то подъехал, — сказал я. Окна кухни выходили во двор, и нам не было видно, что происходит на улице.

— Правда? — удивленно подняла брови Ежиха. — Я не слышала.

— Ну как же, только что...

Уловка удалась. Пока хозяйка дома бегала к другому окну, я быстро наполнил свою рюмку водой из фильтра.

— Вам показалось...

— Вот как? Тогда давайте выпьем за Михаила Борисовича, светлая ему память...

Я выпил свою воду и старательно захрустел огурцом. Жанна только крякнула. Похоже, эта рюмка и впрямь была у нее сегодня далеко не первой.

— А вы, вероятно, работали с ним? Вы тоже с телевидения, да? — поинтересовалась она и облокотилась на стол. От этого движения ее халатик эффектно распахнулся на груди, но она этого словно и не заметила.

— Не, мы больше по водительской части, — отвечал я неопределенно. — Но с Михалборисычем много общались, особенно в последнее время. Он меня сюда пару раз привозил, показывал, как этот дом

строился. Я тоже у матери в деревне, под Калугой, строительство затеял... Вот и советовался с ним.

Ежиха вроде бы проглотила мое вранье, но я на всякий случай соскользнул с опасной темы и воспользовался неубиваемым козырем:

— Мне Михаил Борисович много раз говорил, что у него жена молодая и красивая. А сегодня утром я как узнал об этом несчастье — по телику показывали в хронике происшествий, — так и решил к вам заглянуть. Мне все равно в эти края надо было ехать, а вам, может, помощь какая нужна...

С моей точки зрения, я плел полную околесицу, но Жанну она, похоже, устраивала. Безутешная вдова кивала головой и строила мне глазки:

— Ах, неужели он такое говорил, даже не верится... Знаете, если честно, жили мы с ним плохо... Да что там плохо, отвратительно жили! Он никогда мне ничего не рассказывал, никуда меня с собой не брал... Его целыми сутками не бывало дома, а если и был, то утыкался в эту свою дурацкую аппаратуру. Ни капли внимания ни мне, ни дочке!

Похоже, эту песню я уже вчера слышал...

— Давайте еще дерябнем! — Она сама разлила водку и выпила, даже не дожидаясь, пока я возьму свою рюмку в руки. А потом вдруг слетела со своего табурета, упала мне на грудь и расплакалась. Я обнял ее и погладил по спине.

— Мне жаль, — бормотал я. — Вы его, наверное, очень любили... — Я не знал, что говорить, и уже жалел, что приехал сюда.

Плечи Жанны стали содрогаться. Она издавала какие-то странные звуки, и вдруг я с удивлением понял, что она не плачет, а смеется.

— Любила? Ха! Да я его ненавидела! Козел! Меня он и за человека не считал, месяцами не замечал как женщину, по девкам бегал при живой жене! Загубил мне всю жизнь! У меня ведь профессия была, я в хорошем салоне работала, а теперь за семь лет уже забыла, как ножницы в руках держать! Кто меня теперь на работу возьмет? На что мы с Ликой жить будем?

Она сама вывела разговор в нужное мне русло.

— Мне казалось, что Михаил Борисович был человеком состоятельным, — осторожно сказал я. — А когда мы последний раз виделись, он обронил случайно, что скоро прилично заработает.

Ежиха только плечами пожала:

— Наверное, за «Кладоискателей»... Он ведь в новом проекте участвовал. Слышал про такой?

Наконец-то я хоть раз мог быть честен! Мой кивок вдову почему-то очень огорчил.

— Ну вот, вся страна о передаче знает, хоть ее еще нет, — пригорюнилась Ежиха. — А мне он, думаешь, хоть слово сказал? Стороной узнала, от общих знакомых. А так уехал — и все. Куда уехал, где был две недели? Только Полинка сказала, что на Украину, по поводу этой передачи...

Жанна поднялась и тихо попросила:

— Обними меня...

Я не мог отказать женщине, тем более вдове.

Мы стояли так, обнявшись, наверное, с минуту. Потом я почувствовал соленый вкус на своих губах. Целовалась она здорово, ничего не скажешь.

— Не оставляй меня сейчас. Мне так тоскливо... — прошептали ее губы. Жанна взяла мою руку и положила себе на грудь.

Никогда еще в жизни я не утешал вдов таким способом.

Все так и случилось прямо здесь, на неудобном кухонном диванчике.

— Придешь на похороны? — спросила она потом.

— Конечно, — согласился я, натягивая брюки. — Только когда и куда?

— Еще не знаю. Боря, его брат, вечером позвонит, скажет.

— Я тоже позвонил бы, только я вашего телефона не знаю.

— А и не надо. Приезжай завтра с утра, я тебе все скажу.

Я поцеловал ее на прощание и пошел к двери. Ежиха молча вышла следом, прислонилась спиной к витой решетке крыльца и смотрела, как я иду к своей машине. Окликнула она меня, когда я уже открыл дверцу и усаживался за руль:

— Ой, слушай, а как же тебя звать, я и не спросила?

— Гера, — отвечал я. — Меня звать Гера.

— А я Жанна, — она улыбнулась. — Вот и познакомились.

* * *

— А тебе снова звонили из Германии, — встретила меня в дверях Виктория. — Только уже не из Германии, а из Москвы, он уже прилетел, этот твой поверенный, Плейшнер, кажется.

— Лейшнер, — машинально поправил ее я.

— Ну да. Я сказала, чтобы искали тебя по сотовому, но они ответили, что ты «недоступен».

— Разве? — удивился я, кинув взгляд на телефон. С ним вроде все было в порядке. Ах да, ведь в этом поселке под Химками очень плохая связь... Я вспомнил, с каким трудом Толстяку дался разговор с Региной. — И к чему же вы пришли в результате?

— Я сказала, что ты обязательно будешь дома после семи, они обещали перезвонить.

— Молодец, — похвалил я сестру. — Ты все сделала правильно.

Весь день мне не давал покоя вопрос, может ли мне чем-то помочь связь с Жанной. В том, что она не только ничего не знает, но даже не подозревает о похищении Светки, я был уверен почти на сто процентов. И все-таки на сегодняшний день она оставалась для меня единственным источником информации. Я решил, что съездить к ней завтра все-таки придется, хотя бы затем, чтобы узнать, когда и где будут похороны. Было какое-то предчувствие, что мне обязательно нужно там появиться.

Я зашел к Басе и ахнул. По нашей старой квартирке словно ураган прошел. Из шкафов выдвинуты ящики, коробки со всякой мелочью валялись в углу неряшливой горой, на полу были разбросаны катушки с нитками, какие-то задвижки, пряжки, расчески, карандаши, бусы — словом, все то, что годами хранится в ящиках, ящичках и шкатулочках, таинственным образом размножаясь год от года. Среди всего этого беспорядка потерянно бродила Бася.

— Ба, тебя никак ограбили, — неловко пошутил я. — Ты что, ищешь что-то?

— Ищу, — кивнула бабушка. — Весь день копаюсь, с ног сбилась.

— А что потеряла-то?

— Да ключ...

— Какой ключ, от чего?

— Это я тебе потом расскажу. Когда найду.

Моя дорогая Ба действительно даже пошатывалась от усталости. Я обнял ее — маленькую, сухонькую, такую родную.

— Веришь ли — у меня самая лучшая бабушка на свете!

— Не верю! — с ехидцей отвечала она. — Была бы самая лучшая, научила бы не бегать по бабам при живой-то жене.

— Ба, ты что?... — удивился я.

— Не делай такое монашеское лицо, — Бася нахмурилась. — От тебя духами несет за версту.

— А что за ключ-то ты ищешь? — я спешно перевел разговор на другую тему. — Может, я тебе так открою, без ключа?

— Нет, — улыбнулась Бася. — Без ключа *это* не откроешь.

Скрипнула входная дверь, заглянула Вика:

— Герман, там Лиза пришла, уже третий раз о тебе спрашивает...

Бася только хмыкнула.

Лиза сегодня была не в сером костюме, а в салатовом, — но сходство с сиамской кошкой от этого не пропало.

— Герман, как я рада вас видеть, — она изящно протянула мне тонкую руку для поцелуя. — Ну, и как ваши дела? Как вам Москва? Где вы уже побывали? На театральный фестиваль в «Эрмитаже» ходили? Если хотите, могу составить вам компанию, у меня там знакомые...

Это была уже вторая за сегодняшний день женщина, которая кокетничала со мной, но, мой бог, как же были непохожи их методы!..

— Не, я лучше телевизор посмотрю... — чтобы спастись от ее напора, я решил, что называется, «прикинуться валенком». — А на телевидении у вас случайно нет знакомых?

— Есть, конечно, я же человек искусства. А для чего это вам, если не секрет?

— Да вот сегодня узнал, что один мужик с телевидения, некто Добряков Михаил Борисович, попал в аварию.

На ее лице ничего не отразилось.

— Как вы сказали? Добряков? Нет, я такого не знаю. А кто он такой?

— Говорю же, телевизионщик. Представляете, сел пьяным за руль, врезался в столб — и насмерть.

— Ах, какой ужас, — равнодушно сказала Сиамская кошка, повернулась к Виктории и заговорила о гастролях итальянского балета.

В эту минуту в прихожей раздался звонок. Сестра так и подскочила:

— Это он! Наконец-то.

И пулей вылетела в прихожую.

Не скрою, что я глядел на дверь с любопытством. Мне интересно было узнать, каков же он, избранник моей Вики. Почему-то я уже заранее был настроен против него и, похоже, не ошибся в своих предположениях.

Вошедшему, должно быть, было лет тридцать пять. Холеное лицо, едва намечающаяся лысинка старательно замаскирована, тонкие нервные пальцы, брови, сросшиеся тонкой дорожкой на переносице, масляный взгляд, элегантный костюм и вызывающе дорогой галстук. Одно слово — красавчик! Терпеть не могу таких хлыщей.

Игорь держал в руках завернутый в золотую бумагу шикарный букет ярко-алых роз и бутылку французского шампанского.

— Барбара Иоганновна, приветствую вас. Выглядите просто великолепно! — он поцеловал Басю в щеку и отдал ей вино. — Окажите

любезность, пристройте это, пожалуйста, в морозилку, на улице такая жара, совсем лето... А это тебе, о, моя королева! — он изогнулся в поклоне, вручая Вике цветы.

— Боже, Игорь, какая красота! — От радости лицо Виктории сделалось такого же цвета, как розы в букете. — Но это... Это просто слишком! Сегодня ведь не праздник...

— Как знать, как знать, — загадочно улыбнулся ее кавалер. — Лизанька, здравствуй, голубушка, ты, как всегда, обворожительна. Вика, дорогая, я могу претендовать на честь быть представленным твоему брату?

— О, конечно, конечно, — сестра суетилась в поисках подходящей вазы. — Знакомьтесь. Герман, мой брат, — Игорь, мой... мой друг.

Игорь хотел что-то сказать, но тут зазвонил телефон. Я взглянул на часы — ровно семь. Хваленая немецкая пунктуальность.

Вильгельм Лейшнер сообщил, что прибыл в Москву и готов встретиться со мной в любое время. Я, как уже было условлено у нас с Ба, пригласил его к нам послезавтра, на шесть часов. Поверенный оставил мне на всякий случай номера своих телефонов, после чего мы очень любезно распрощались.

Я говорил с ним по аппарату, стоящему в холле, поэтому все присутствующие, отделенные от меня только приоткрытой дверью гостиной, слышали наш разговор. Бася была мною очень довольна:

— Какой же ты молодец! Не забыл ничего, помнишь язык... И произношение у тебя прекрасное.

И мне была очень приятна ее похвала.

— Герман, вы, оказывается, великолепно говорите по-немецки! — улыбнулась мне Сиамская кошка. — У вас так красиво получается. Я даже пожалела, что не знаю этого языка.

— Игорь тоже очень хорошо знает иностранные языки, — заявила Вика, не сводившая со своего кавалера влюбленных глаз. — Правда, друг мой?

Игорь взял ее ладонь в свою.

— Виктория, — сказал он с интонацией, которой позавидовал бы каждый провинциальный герой-любовник, — я хотел бы, чтобы твои близкие знали меня не только как твоего друга, но и как твоего жениха. А чтобы для этого у них были все основания, я хочу прямо сейчас, при всех, попросить твоей руки.

Он вынул из кармана пиджака бархатную коробочку точно такого же цвета, как розы, раскрыл ее и достал колечко с ярко блеснувшим камнем.

— Ты согласна, любимая? — вполголоса, но так, чтобы было слышно

всем нам, спросил он.

Вика только поглядела на него. Такого выражения счастья, как было в тот миг у нее на лице, я не видел никогда в жизни — ни до, ни после. Она светилась во много раз ярче, чем камень в оказавшемся у нее на пальце колечке.

— Ну что же, надо открывать шампанское. — У Баси в руках уже был поднос с фужерами. — Герман, ну-ка займись!

Хлопнула пробка, искрящийся напиток заиграл в хрустале. Мы поздравили жениха и невесту, после чего Ба пригласила нас к ужину. И хотя она ничего не знала о предстоящей помолвке, стол был накрыт так торжественно, словно Бася загодя готовилась к празднику. Впрочем, у нее так было всегда.

— Вам не нравится Игорь? — спросила Сиамская кошка, когда мы с ней, в перерыве между горячим и десертом, вышли покурить на балкон.

— Не нравится, — подтвердил я.

— Ничего удивительного, это бывает, — рассудительно отвечала Лиза. — Мой третий муж, он был психолог, рассказал мне как-то, что братья и особенно отцы всегда ревнуют своих сестер и дочерей к их избранникам. Им кажется, что их любимицы достойны чего-то большего и лучшего...

На следующий день я снова поехал в Химки. Остановился в уже ставшей знакомой аллейке, поднялся на крыльцо, отделанное витой решеткой, и уже собирался позвонить, как дверь распахнулась и навстречу мне, волоча за собой какие-то большие пакеты, вышли толстенькая дочка Добрякова и невысокая шустрая старушка.

— Добрый день! — сказал я.

— Здравствуйте, — пропищала девочка тоненьким голоском.

— Здравствуй, здравствуй, — закивала старушка. — Это ты, что ли, будешь Гера?

— Я буду, — не стал отрицать я.

— Ну заходи тогда, Жанночка тебя с утра ждет.

— Может, помочь вам? — я с сомнением покосился на их пакеты.

— Сами справимся, чай, мусорка недалеко... Сама-то, видишь, — доверительно шепнула мне старушка, — уборку затеяла. Грех-то какой... Мишеньку еще земле не предали, а она уж давай его одежду выбрасывать!

— Семеновна, с кем ты там? — слышался голос Ежихи.

— Да Гера твой приехал.

— Ну что же ты его не пускаешь в дом?

— Иди, милоч, иди к ней, — благословила меня Семеновна.

Я вошел в холл и изумился царящему в нем беспорядку. Повсюду были разбросаны вещи, в основном одежда и обувь. Посреди этого хаоса с воинственным видом стояла взъерошенная Жанна.

Только вчера я наблюдал похожую картину — только у себя дома. Что-то уж слишком много в этой истории становится повторов и совпадений...

— Что это у вас тут? — удивился я.

— Барахло его хочу выбросить, — отвечала Жанна. — Чтобы даже духу его поганого тут не было!

Да, сильно же она, должно быть, ненавидела мужа, если принялась выкидывать его вещи меньше чем через двое суток после его кончины.

— Ладно, это подождет! — Ежиха прижалась ко мне горячим худым телом. — Пойдем наверх! — шепнула она.

Я уже повернулся к лестнице, как вдруг мое внимание привлекло нечто в россыпи обуви. Не веря своим глазам, я подошел поближе, наклонился и поднял заинтересовавшую меня вещь. Это был маленький детский сандалик с рисунком в виде травинок и ярким красным маком вместо застежки. Точь-в-точь такие же босоножки были на моей Светке, поющей песенку про кузнечика на второй кассете.

— Это Ликины? — выдавил я из себя.

— Конечно, — Ежиха улыбнулась моей несообразительности. — Правда, красивые? Это мы ей на заказ шили. Давно уже, она из них года два как выросла.

— На заказ?

— Ну да. Мы ей всю обувь на заказ шьем. У нее ножка очень нежная.

— Ты хочешь сказать, что такой второй пары нет?

— Ну, я не знаю. Я ведь сама это все придумала — и эти маки, и эту травку... Не думаю, что мастер будет воровать чужую идею: все-таки мы у него постоянные клиенты... Гера! Да что с тобой? Гера! Ты что, меня не слышишь? Тебе плохо? Ты так побледнел... Я колебался недолго.

— Послушай, Жанна, мне нужно показать тебе одну вещь... У тебя в доме найдется видеомагнитофон?

Она нервно засмеялась.

— Пойдем, покажу.

— Сейчас, только возьму кое-что в машине. Ежиха привела меня в комнату на втором этаже.

Видимо, это был кабинет Добрякова, не кабинет даже, а настоящая студия, битком набитая компьютерами и разной другой профессиональной техникой, в которой я мало что понимал.

— Это его, Михаила?

— Нет, блин, мое! Его, конечно.

— Поставь, пожалуйста, вот это, — я протянул ей кассету.

Жанна защелкала кнопками и рычажками, один из экранов засветился, и через какие-то мгновения в комнате раздалось «В тлаве сидел кузнечик...».

— Ой, — удивилась Ежиха, — откуда у тебя это?

— Расскажу обязательно! — пообещал я. — Но сначала ты мне скажи — ты узнаешь сандалики? Это те же или другие?

Вместо ответа Жанна встала, подошла к занимавшему почти целую стену стеллажу, покопалась на полках, вытащила еще какую-то кассету, поставила ее и включила телевизор. Я увидел незнакомую квартиру, наряженную елку, Жанну и Лику, только маленькую — примерно в возрасте моей Светки.

«Лику, к тебе сейчас придет Дедушка Мороз! — говорила Жанна дочке, сидя перед ней на корточках. — Ты споешь ему песенку, которую мы с тобой учили?»

— Что это? — я вопросительно посмотрел на Ежиху.

— Подожди. Сейчас, — она схватила пульт и принялась проматывать пленку. — Вот, гляди.

И я увидел. Лику в красном платье и в тех же самых сандаликах стояла на стуле, в той же позе, что и Светка, и пела ту же песню про кузнечика, также не выговаривая букву «р», только ее голос звучал четче и звонче.

— Видишь? Это монтаж. Я ничего не мог понять.

— Жанна, что это значит? Ежиха только плечами пожала.

— Значит, что кто-то взял запись с поющей Ликой и зачем-то переделал ее так, что на пленке получилась другая девочка. Кто это мог быть, я догадываюсь, а зачем — ума не приложу.

— Ты хочешь сказать, что это сделал Толе... твой муж?

— Ну, а кто же еще? И наверняка прямо здесь, — Жанна показала на аппаратуру. — А что это за девочка у тебя на кассете?

— Моя дочь. Ее у меня украли.

— У тебя украли дочь? — ахнула Жанна. — Давно?

— Пятнадцатого мая. Мне присылали кассеты с ее изображением, но, похоже, меня дурили, выдавая за мою Светку твою Ликку.

Ежиха снова прокрутила мою запись, внимательно вслушиваясь в звук.

— Ты видишь, — она была очень серьезна. — На пленке лицо твоей девочки как будто смазано, и голос звучит глухо... Такую подделку смонтировать, в принципе, несложно — достаточно добавить шумов,

заменить лицо, волосы и платье...

— Господи!

— Гера! — Ежиха вдруг посмотрела на меня совершенно круглыми от ужаса глазами. — Это что же получается: Мишка украл твоего ребенка?

Жанна была первым человеком, кому я рассказал абсолютно все: о Регине; о том, как я нес ее по лестнице с перебитой, как мне тогда казалось, ногой; как потом бегал и искал Светку; как с меня потребовали миллион; как приехала сестра с завещанием; как я случайно оказался в бывшей профессорской квартире и нашел дочкино платье; как хозяин квартиры сообщил мне паспортные данные ее мужа и как я его выслеживал. Когда дело дошло до второго появления на сцене Регины, я было запнулся, но Ежиха положила мне на руку свою горячую ладонь и попросила:

— Говори все, как есть. Он с девкой был, да? Вместо «девки» она употребила совсем другое слово, и это, как ни странно, мне помогло. И я рассказал все и дальше — вплоть до аварии.

— Вот оно что... — Лицо Жанны было совершенно серым, измученным и больным. — Но клянусь тебе, я ровным счетом ничего об этом не знала! Ты веришь мне?

Я ей верил.

Ежиха вдруг сорвалась с места и заметалась по студии, подбежала к стеллажу.

— Давай поищем здесь. Может, найдем что-нибудь... Добряков был аккуратным человеком — каждая кассета оказалась подписана и датирована. Пару полок занимали в основном семейные архивы, запечатлевшие взросление Лики, остальные кассеты относились к работе. Ничего интересного.

— Должно быть, должно быть, — бормотала Жанна. — Не может не быть. Открывай стол.

— Заперто... Не знаешь, где может быть ключ?

— Ломай! — решительно скомандовала Ежиха.

— Ты уверена?

— Конечно, уверена! Теперь я хозяйка, что хочу — то и делаю!

Она оказалась права. В запертых ящиках обнаружилось немало интересного для нее, включая украшения в коробочках и документы на приличную сумму в банке. Но меня интересовали только кассеты. Их было с десятков, на корешках значились даты разной давности и загадочные надписи в духе «И1» или «Р3». Жанна наугад ткнула в видак одну из кассет, промотала до середины, включила изображение и смачно выругалась. То, что мы увидели на экране, предназначалось, конечно, не для наших глаз, и

уж точно не для глаз Ежихи.

— Вот гад, вот сволочь, вот кобель! — возмущалась она, глядя на то, как ее покойный муж кувыркается в постели с какой-то крашеной блондинкой. — И ведь не говорит ей, что устал и что завтра у него тяжелый день! А меня на голодном пайке держал, подонок! Представляешь, подарил мне на Восьмое марта игрушку из секс-шопа: на тебе, дорогая, чтобы не скучать!..

— Давай лучше посмотрим вот это, — я протянул ей кассету, на которой стояло «Май, девочка. 2002». — Мне почему-то кажется, что это то самое...

Предчувствия меня не обманули. Это была предварительная съемка, превратившаяся потом в пленку, попавшую ко мне еще во Львове. На ней была видна профессорская квартира, мелькала Регинка, ставящая мою Светку в нужной позе у занавешенной темной тканью стены, и явственно слышался голос Добрякова, отдававшего им распоряжения. Я был вне себя. Единственное, что как-то мирило меня с происходящим, было их обращение со Светкой. На девочку не кричали, ее не обижали, а вели себя так, словно предлагают ей интересную игру, и дочка, судя по всему, чувствовала себя неплохо.

— Ну, хоть с дочкой твоей все в порядке, видишь? — попыталась утешить меня Жанна.

— Было в порядке. Во Львове... — проговорил я. Страшная догадка посетила нас обоих одновременно.

— Ты хочешь сказать, что... — начала Ежиха.

Но я не хотел ничего говорить. Ответа на вопрос, для чего нужно было подменять Светку Ликой, у меня пока не было. Вернее, был, но я отдал бы все на свете, чтобы он оказался ошибочным.

Глава 12 Две вдовы

Следующий день начался с похорон. Я приехал прямо на кладбище в «Востряково» и какое-то время дожидался «моих», высматривая в толпе скорбящих безутешную вдову со стрижкой «а-ля ежик». Народу проводить Толстяка явилось, как ни странно, довольно много, но среди них не было никого, кто мог бы меня заинтересовать.

Я старался держаться в стороне: надо было присмотреться к знакомым Добрякова, самому особо не бросаясь в глаза — среди пришедших могли быть те, кто входил в шайку похитителей и знал меня? лицо. Я был в черных очках — это все, что я мог себе позволить для конспирации.

Жанна в элегантном черном брючном костюме и даже в шляпке прибыла в сопровождении двух мужчин — низкорослого и полного, чем-то похожего на покойного, только постарше, и молодого, высокого и мускулистого, бритого налысо и с квадратным подбородком. Первый, очевидно, был брат усопшего, о том, кто был второй, я и гадать не стал.

Ежиха нашла меня взглядом, я подошел поздороваться. Она протянула мне руку в кружевной черной перчатке:

— Гера, я рада вас видеть. Познакомьтесь, это Борис, брат моего мужа, а это, — она стрельнула глазами в качка, — Николай, наш похоронный агент.

Мужчины пожали мне руку, извинились и поспешили в здание крематория. Мы с Ежихой остались наедине.

— Ты как? — тихо спросил я.

Она пожала плечами, оглянулась вокруг, показала на горло и призналась вполголоса:

— У меня этот маскарад уже во где! Скорее бы все это закончилось...

— Потерпи... — посочувствовал я.

— А ты как? Узнал что-нибудь про дочку?

Я отрицательно покачал головой. Тут к вдове подошли две какие-то пожилые женщины, и я счел лучшим ретироваться.

Ожидание было долгим и томительным. Я стоял в стороне и уже жалел, что пришел сюда. Наконец, нас всех пригласили в ритуальный зал — прощаться.

Хоронили Добрякова в закрытом гробу — видимо, последствия аварии оказались значительными. И меня, честно говоря, этот факт только порадовал. Никакого удовольствия от лицезрения «трупа врага», столь

часто упоминаемого в классической литературе, я бы не получил.

Когда распорядительница похорон визгливым голосом поинтересовалась, не хочет ли кто-нибудь сказать несколько слов о покойном, от входа раздался торопливый стук каблучков. Кто-то из следящих за модой женщин опаздывал на церемонию. Я посмотрел в ту сторону и даже не удивился, увидев змею-Регину.

Она была в узком черном платье, рыжие густые волосы убраны под черный тонкий шарф. «Прямо, как вторая вдова», — отметил я про себя. Регинка, ни на кого не глядя, подошла к гробу и встала в изголовье. Жанна, стоявшая точно напротив нее по другую сторону, смерила рыжую недоуменным взглядом, но та даже внимания на нее не обратила, потупила взор и застыла, прижимая к груди букет темно-красных, почти черных роз.

Начался ритуал прощания. Сначала вышел вперед брат Добрякова и долго говорил о том, каким хорошим человеком был Миша, потом его место занял какой-то телевизионщик с монологом, повествующим, какого замечательного сотрудника они потеряли, потом кто-то из женщин заплакал... Меня всего трясло от нетерпения. «Только бы не упустить Регину, только бы не упустить», — повторял я про себя. И даже занял позицию у двери, чтобы не дать этой гадине проскользнуть.

Наконец, скорбные речи, тяжелые вздохи и возложение цветов закончились. Под траурную музыку гроб уехал в открывшуюся в стене нишу. Участники церемонии потянулись к выходу. Жанна, проходя мимо меня, молча сжала мою ладонь и прошествовала дальше. Регинка меня пока не заметила, она так и шла, опустив очи долу.

Ну что же, мне это было только на руку. Я отправился за ней и, улучив момент, подошел сзади, взял ее под локоток и тихо проговорил:

— Как нога, зажила?

Видимо, я так крепко схватил ее, что она вскрикнула, пожалуй, сначала от боли, а уж потом от неожиданности. Она явно не была готова увидеть меня здесь.

— Тише, тише, — я увлек ее в боковую аллею кладбища. — Идем поговорим.

Регина не сопротивлялась, только испуганно смотрела на меня. Среди всех этих могил, крестов, памятников и искусственных цветов мы смотрелись, должно быть, как в сцене из фильма. Только меня в тот момент меньше всего волновало, как я выгляжу, — я наконец-то мог дать волю распиравшим меня чувствам.

— Где мой ребенок? — я готов был разорвать ее на части.

— Ты с ума сошел! — отвечала она дрожащим голосом. — Я к этому

не имею никакого отношения.

— Врешь, — сказал я. — Я тебя сейчас в милицию сдам. Они там тебе быстро докажут, к чему ты имеешь отношение.

— Пусти, больно! — она смахнула мою руку со своей. — Я когда еще тебе говорила идти в милицию, забыл?

— Ты что же, станешь отрицать и что была знакома, — я кивнул в сторону похоронной процессии, — с этим твоим Мишей?

— Не стану! — отрезала она.

— А что была во Львове вместе с ним? И что в львовской квартире, которую вы на пару снимали, обнаружилось платье моей Светки — это что, тоже не доказательство?

— Какое платье? Не знаю никакого платья! — она продолжала отпираться, но было видно, что она растеряна. Я возликовал. Мне хотелось захватить ее врасплох, и, похоже, эта затея удалась.

— А вот такое платье. Голубенькое, с матросским воротником и колокольчиком на капюшоне. Ты его уронила за кресло в спальне, да и забыла.

— Вот черт! — Регинка даже ногой притопнула. — Как же ты туда попал, в ту квартиру?

— А тебя это не касается! Тоже мне, профессорская внучка! Да ты небось до этого и во Львове-то никогда не была! Специально притащилась туда за большими деньгами!

Рыженькая на некоторое время замолчала, сорвала с ближайшего куста веточку и стала обрывать с нее свежие зеленые листочки. Потом переломила пополам оголившийся прутик, отшвырнула его в сторону и подняла на меня глаза. Странно, но она выглядела даже довольной.

— Ты прав, мы действительно притащились, как ты говоришь, во Львов в ожидании больших денег. Но Миши нет, так что эти деньги придется получить мне. И я их получу.

— И не я ли тебе их дам? — я был сражен ее наглостью.

— Ты. Больше никому.

— Вот как? И за что же?

— Ну, ты же хочешь вернуть свою девочку, правда? А значит, заплатишь этот самый миллион, как миленький!

— Ты, ты... — я чуть не бросился на нее.

— Тихо, тихо! Держи себя в руках. Кругом люди, на нас уже смотрят. И уйми свой темперамент, мы сейчас не на диване.

— Я тебя убью! — прошипел я.

— Ты меня и пальцем не тронешь! — отвечала рыжая стерва. — Ведь

я твоя последняя надежда спасти дочку, правда? А если с моей головы хоть один золотой волос упадет, тебе ее не видать как своих ушей.

Куда только девались ее растерянность и испуг? Да, похоже, я поторопился торжествовать победу.

— Где моя Светка?

— Так я тебе и сказала!

Я открыл было рот, но тут наше уединение нарушил Борис, брат Добрякова.

— Гера, вот вы где! А я вас по всему кладбищу ищу... Жанна Петровна просила вас разыскать.

Я бросил взгляд на Регину — у меня было желание привязать ее какой-нибудь веревкой покрепче к росшему рядом толстому вязу, чтобы она не сбежала. И она сразу поняла, в чем дело:

— Иди-иди! Я тебя дождусь. Мне сейчас самой невыгодно тебя потерять — надо же обсудить все детали. Иди к вдове, утешь ее, — она нехорошо усмехнулась. — А я тебя подожду у выхода.

Но пока у выхода меня ждала Ежиха. И не одна, в обществе бритоголового похоронного агента.

— Гера, ну куда же вы пропали? — недовольно выговорила мне она. — Так нехорошо, семеро одного не ждут. Вы едете с нами на поминки или нет?

— Жанна, дорогая, — стал оправдываться я. — Извините, но я никак не могу. Так по-дурацки складываются обстоятельства. Простите. Я и на похороны-то выбрался с трудом, пытался как-то сегодня освободиться, но не получилось. Я вам обязательно позвоню.

Мне было неловко перед ней, но, подняв глаза, я увидел, что она совсем не расстроена. Более того, вдова улыбалась — но не мне, а шкафообразному агенту.

— Ладно, тогда мы отправляемся без вас. До свидания. Позвоните как-нибудь, — Ежиха чмокнула меня в щеку. Номера ее телефона я не знал.

Я боялся, что рыжая змея все-таки обманет меня, но она действительно никуда не сбежала. Цокая каблучками, прохаживалась вдоль стоящих за оградой машин, нетерпеливо поглядывала по сторонам.

— Которая твоя?

— Садись, — я подошел к «Тойоте» и открыл дверцу. Регина забралась на переднее сиденье с очень довольным видом.

— Меня в отличие от тебя на поминки не позвали... А пожрать хочется. Предлагаю поехать в какой-нибудь кабац, там и разговаривать будет удобней. Или ты не можешь отказать безутешной вдове и

отправишься сейчас в Химки?

— Прекрати. Поедем, куда скажешь.

— Ну, вот и чудно.

Я нажал на газ, и машина тронулась с места.

— Я смотрю, ты завел дружбу с этой вешалкой? — Она сдернула с головы шарф, развернула к себе зеркало заднего вида и стала поправлять рыжие волосы.

— С кем? — не понял я.

— Ну с Жанночкой с этой. А?

— Не твое дело. И оставь зеркало в покое, если не хочешь, чтобы мы последовали примеру твоего Миши.

— А ты мне не хаами! — возмутилась рыжая, но все же вернула зеркало назад. — Я тебе не Жанна, я привыкла к вежливому обращению.

— Да далась она тебе, эта Жанна! Успокойся, теперь вам делить нечего — Миши вашего общего больше нет. А ей, между прочим, хуже, чем тебе, — у нее ребенок.

— И что ты мне предлагаешь, жалеть ее? Вот еще! Ей теперь и дом достанется, и квартира, и деньги — у Миши были кое-какие сбережения... А я осталась и без него, и без средств к существованию.

— Бедняжка! — иронически заметил я.

— И не говори. Самой себя жалко. Теперь вся надежда на тебя и на твои отцовские чувства.

— Какая же ты дрянь!

Регинка поглядела на меня зелеными в крапинку глазами:

— Знаешь что — остановись вон там. По-моему, симпатичный кабачок. А то я есть хочу — умираю.

Мы подъехали к придорожному ресторану, стилизованному под деревянную избушку, зашли внутрь и выбрали себе место на открытой веранде второго этажа.

Я заказал себе только стакан минералки — мне кусок в горло не лез, Регина же не собиралась ни в чем себе отказывать. Подробно расспросив обо всех блюдах официанта, она выбрала салат из креветок, печенку с грибами и вишневый пирог.

Эта девица не переставала меня удивлять происходящими с ней переменами. Только что она была одним человеком — и тут же, прямо на глазах, преображалась в совершенно другого. Во время поедания салата ее вдруг потянуло на откровенность.

— Мы собирались с Мишей пожениться, — говорила она, не переставая жевать. — И поженились бы, если бы не эта его нелепая смерть.

С таким мужем я бы большие дела делала... Да, я была ему отличной парой, не то, что эта дура Жанна. Как же все-таки он не вовремя умер... Теперь мне придется самой заботиться о себе, — она отодвинула тарелку с опустевшей половинкой авокадо.

— Я уже выразил тебе свое сочувствие. Чего ты еще от меня хочешь?

— Как чего? Денег, конечно!

Ей подали печенку, и она с жадностью на нее набросилась. С непрожаренного куска мяса капала кровь, Регина собирала ее хлебом с тарелки и слизывала с губ, только что не урча от удовольствия.

«Как вурдалак», — подумалось мне.

Когда она покончила с десертом, в глазах ее появилось выражение сытости и счастья.

— Ну, чего ты еще не понял? — Она откинулась в кресле. — Спрашивай, пока я добрая. Расскажу.

Более всего меня волновал один, самый главный вопрос, но я не стал задавать его сразу, так как знал, что ответа все равно не получу. Я решил зайти издалека — вдруг она проговорится о чем-нибудь важном...

— Откуда вы узнали о моем наследстве?

— Понятия не имею, — отвечала Регинка, закуривая тонкую сигаретку с золотым ободком на фильтре. — Миша откуда-то прослышал... Предложил мне поучаствовать в спектакле, я согласилась — надо же девушке как-то на колготки зарабатывать...

— А потом рвать их, делая вид, что попала под машину.

Она довольно улыбнулась.

— Это я сама придумала! Полдня ногу гримировала... Здорово получилось, правда? Ты ведь тогда ничего не заподозрил, признайся! И Юлю твою удалить тоже я сообразила...

— Вот как, значит? — я уже догадывался о чем-то подобном.

— А ты думал? Просто так, что ли, она на передачу попала? Миша помог, благо он в этом проекте работает. Она, кстати, у тебя девочка ничего... У тебя, я смотрю, вообще неплохой вкус на женщин, вот только Жанна...

— Так вы все время держали Светку в этой самой профессорской квартире? — перебил я.

— Угу, — кивнула Регина, стряхивая эффектным движением пепел. — Не сразу, конечно, только после того, как ты от меня второй раз ушел. А ты, значит, после нашего отъезда все-таки ухитрился туда проникнуть? Молодец, соображаешь, я от тебя не ожидала...

— А платье вы зачем с нее сняли?

— Ну, мало ли... Вдруг ты все-таки заявишь в милицию — с тебя станется, — они станут искать девочку в голубом платье. Вот я и купила ей на рынке, или, как это у вас называется, на базаре, джинсики с футболочкой.

— Регина, где теперь Светка? — простонал я. Она отрицательно покачала головой. — Ну, скажи хоть, на Украине или в России?

— Не скажу. Может, на Украине, может, в России, а может, и вообще в Америке. В надежном месте, тебе никогда не найти, — она явно упивалась своей властью надо мной.

— Ведь вы везли ее на самолете! — вспомнил я. — Как же вам это удалось — без документов?

— И это знаешь? — удивилась Регинка, туша свою сигаретку. — Да ты, я смотрю, прямо Шерлок Холмс... А документы у нас, к твоему сведению, имелись. Да такие, что никто ничего и не заподозрил. Миша ведь профессионал был в компьютерной графике...

— А чтобы в самолете Светка вела себя тихо, вы, сволочи, дали ей лошадиную дозу снотворного...

— Ну, Герочка, ты просто ясновидец какой-то! Все знаешь... Вижу, я тут просто не нужна, тебе и без меня все известно...

Регина сделала вид, что пытается подняться из-за стола, я спешно удержал ее за руку.

— Ну-ну, — засмеялась она, не отнимая руки. — Успокойся, какой ты горячий! Вроде немец, а темперамента в тебе, как в испанском мачо. Я, кстати, до сих пор вспоминаю наш с тобой отдых на диване со льдом, а ты?

Я поглядел ей прямо в глаза и спросил:

— Для чего нужно было подделывать вторую кассету? Ведь там не Света, а Лика Добрякова? Почему вы не сняли Светку?

— Вот дьявол! Это она тебе сказала, эта сука Жанка?

— Сам догадался, — буркнул я.

— Да не ври! Без нее бы ты ни до чего этого не допер... — Рыжая недовольно поморщилась, словно обдумывая что-то, потом стукнула ладонью по столу и очень по-деловому проговорила: — Значит, так. Больше я тебе ничего не скажу, пока ты мне не выложишь, как на духу, что ты знаешь и откуда.

— А если не расскажу?

— Тогда прощайся с дочкой.

— А ты тогда прощайся с миллионом.

— Я-то без миллиона проживу, — нехорошо рассмеялась она. — А вот ты без дочки... Мы, знаешь ли, даже не будем ее убивать — зачем брать

грех на душу? Просто завезем куда-нибудь подальше да отпустим на все четыре стороны. Или продадим на вокзале. Говорят, нищие покупают детей, чтобы милостынню с ними просить. И не только нищие. Знаешь, кто еще детей покупает? И зачем?

Этого я уже выдержать не мог и бросился на нее. Я готов был ее убить, но наткнулся на очень серьезный и холодный взгляд зеленых глаз, который сразу остудил меня, точно ведро ледяной воды.

— Сядь! Сядь, если ты этого не хочешь, — очень спокойно сказала Регина. И мне ничего не оставалось, как повиноваться.

Прибежал официант — спросить, что у нас случилось.

— Все в порядке, — обворожительно улыбнулась эта тварь. — Просто мой поклонник такой страстный, что не всегда умеет держать себя в руках. Принесите нам, пожалуйста, пятьдесят граммов коньяка, только самого лучшего. И лимончик не забудьте.

— Да перестань ты, Герман, — проговорила она, когда официант ушел. — Валяй, рассказывай. Тебе ведь все равно некуда деваться.

Самое ужасное, что она была права. У меня не было времени на то, чтобы изобрести что-то убедительное, и, подумав, я рассказал ей правду — о соседке, решившей, что я хочу снять ту квартиру, о пане Петро Носе, о таксисте, везшем их в аэропорт, и даже (без подробностей) о своем визите к Жанне и совместном просмотре кассеты.

— Ясно, — кивнула Регина, когда я закончил. — Ну что же, у меня пока нет причин тебе не верить.

— Я тебя только об одном прошу, — я уже не бушевал, а только умолял. — Объясни, почему на второй кассете не Светка...

— Да не волнуйся ты! — Она отодвинула пустую рюмку. — Я же сказала, что девочка твоя далеко, в надежном месте. — Ну не мотаться же туда каждый раз ее снимать?

Ох, как мне хотелось ей верить...

— Как же ты все-таки не боишься? — поинтересовался я. — Ну, допустим, заплачу я тебе этот проклятый миллион. Но ты же понимаешь, что, как только я получу свою дочь, я же тебя и твоих поделщиков из-под земли вырою?

— Ну, про поделщиков моих, я так поняла, ты ничего не знаешь, — хитро улыбнулась рыжая гадина. — Миша не в счет, его уже сожгли. А я... За меня не беспокойся. Меня ты точно не найдешь. Я буду уже далеко от этой гребаной страны.

— Вот что, — я принял решение, — твоя взяла. Ты получишь свои деньги. Но при одном условии — мне нужны стопроцентные гарантии, что

моя дочь жива.

Регинка снова задумалась, потом поднялась, подхватила свою сумочку.

— Пойду носик попудрю, — заявила она, словно и не слышала того, что я только что сказал. — А ты пока можешь расплачиваться, мы скоро уже поедем.

И опять я с трудом удержался от желания рвануться за ней. От этой хитрой стервы можно было ожидать чего угодно.

Но она опять не сбежала, быстро вернулась и протянула мне свой миниатюрный мобильник:

— Это тебя!

Я недоуменно поднес телефон к уху и услышал голосок... Светки!

— Гелман, але! — прочирикала она.

— Светик, девочка моя... — Горло сдавило спазмом.

— А мы сейчас пойдём на моле! — в свойственной ей манере дочка тут же принялась излагать все, что занимало ее в данный момент. — Мне Нина сделала венок из цветов, я в нем класивая. А еще у меня есть новая кукла Юля. А ты когда плиедесь, Гелман?

— Ну, убедился? — Регина отобрала у меня телефон и стала быстро тыкать в кнопки наманикюренными коготками.

Я сидел как пришибленный. Это действительно была Светка, сомнений быть не могло.

— Где она? Где моя дочь? Да отвечай же ты, черт возьми, оставь в покое этот дурацкий телефон!

— Ну, вот и все! — Регина отложила свой мобильничек. — Это я номер удалила, а то мало ли что тебе в голову придет... Ну что, убедился, что девчонка твоя жива и здорова? Будешь теперь меня слушаться?

— Да, буду, черт бы тебя побрал!

— Ну, вот и молодец, какой хороший мальчик. — Она потрепала меня по волосам. Я дернулся, Регина хрипловато засмеялась. — Значит, так. Поезжай сейчас домой и занимайся своими делами. Постарайся как можно скорее попасть в Германию и получить свое наследство. А потом, когда все будет готово, я скажу тебе, что делать.

— А как я тебе сообщу, что все готово?

— Не беспокойся, это не твоя забота. Я сама тебя найду. Ну что, идем? — она поднялась из-за стола и изящным движением поправила свое черное платье.

Я чувствовал себя совершенно обессиленным. Да, я получил подтверждение, что со Светкой все было нормально — но это было единственное, что я узнал. А меня интересовало еще очень многое...

— Скажи, но как вам удастся следить за мной? — спросил я, когда мы уже спускались по резной деревянной лесенке. — Вы всегда в курсе и где я нахожусь, и что я делаю... Неужели у вас действительно целая шайка, целая система наблюдения?

Рыжая змея с зелеными в крапинку глазами соблазнительно засмеялась:

— Ох, до чего же вы, мужики, любите все усложнять... Знаешь, дорогой, все гораздо проще, чем ты думаешь...

На прощание она долгим, нежным движением погладила меня по лицу. И — я готов был себя за это убить! — но, черт возьми, как же завело меня ее прикосновение...

После ресторанчика наши пути разошлись. Я сел в Сашкину «Тойоту», рыжая поймала машину и укатила в неизвестном направлении.

Я был совершенно выбит из колеи, меня раздирали самые противоречивые чувства. Когда я услышал дочкин голосок, у меня просто камень свалился с души. И во мне проснулся какой-то охотничий азарт. Я не хотел, не мог выступать в роли овцы, покорно бредущей на заклатие. Я обязан был бороться — вот только не знал как...

«Ну нет, господа похитители, не на того напали! Я это вам просто так не спущу!» — думал я.

Чем ближе к центру города, тем интенсивнее становилось движение. А я был так взволнован, что мне даже трудно было управлять машиной. Я припарковался где-то на обочине, закурил и попытался проанализировать ситуацию.

«Итак, я узнал сегодня довольно много, теперь главное — не упустить ничего важного. Начнем с разговора со Светиком. Что она сказала? Во-первых, назвала некую Нину. Что мы можем о ней предположить? Да ничего, кроме того, что Нина эта, судя по всему, нормально заботится о моем ребенке — веноч вон свила, куклу купила... Видимо, и кормит, и не обижает, иначе дочка бы пожаловалась. Это, конечно, утешительная информация, но она ничем не может помочь мне в поисках Светки. В мире, наверное, несколько миллионов Нин, а про эту я ничего больше не знаю, даже возраста — Светик всех людей в мире, включая нас, ее родителей, зовет по именам. Этой Нине равновероятно может быть и пятнадцать лет, и восемьдесят пять...

Ладно, пока бог с ней, с Ниной, дочка упомянула другую, куда более важную вещь — «моле», то есть море. Это уже кое-что... Хотя если подумать, то тоже ничего. Морей на свете, конечно, намного меньше, чем Нин, но тоже немало. И Черное, и Балтийское, и Каспийское, и Азовское...

И даже Московское — на севере от города, рядом с теми же Химками. Да, похоже, из разговора со Светиком ничего ценного мне выудить не удалось.

Ну, а Регина? Ведь тоже сказала много важного.

Например, то, что похитители специально услали Юльку на остров. Но больше всего меня занимали слова «все намного проще, чем ты думаешь». Что же, интересно, она имела в виду?»

Я прикурил одну сигарету от другой. «Она мне это сказала... Когда? Да, точно, в ответ на вопрос о том, как им удастся узнавать о каждом моем шаге. И что же получается? Получается, что они не следят за мной, но все обо мне знают. Не следят, но знают... Черт, выходит, кто-то постоянно рассказывает им обо мне!»

От этого открытия я даже дернулся, сигарета дрогнула в руке и обожгла пальцы. «Кто может быть в курсе последних событий моей жизни и сообщать о них обо всех этим подонкам? Специально или неумышленно? Вряд ли неумышленно... Но кто же, кто? Ведь о том, что со мной происходило, знали только самые близкие. Неужели кто-то из своих?...»

Юлька, Бася, Вика, Сашка Семенов — перебирал я варианты, один абсурднее другого. Еще был этот хлыщ Игорь, очень хотелось бы думать на него — но Виктория клялась и божилась, что он и слыхом не слыхивал про мое наследство... И тут меня осенило, словно током ударило. Сиамская кошка! Она же с первых минут узнала о завещании! И постоянно спрашивала Вику обо мне, пытаясь узнать как можно больше подробностей...

«Вот оно что...» — пробормотал я про себя. Мне и раньше была подозрительна эта Лиза Телепнева, но до последнего момента я предполагал, что она просто развонила по Москве о моих делах. Проболталась, например, на телевидении (кто-то, то ли Вика, то ли она сама, говорил мне, что один из ее бывших мужей работает в Останкино), слухи дошли до Добрякова... Но теперь вырисовывалась совсем иная картина. Получалось, что Сиамская кошка была не просто глупенькой болтушкой, а нацеленно собирала сведения обо мне и передавала сообщникам. Вот ведь тварь!..

Я долго негодовал по поводу своего открытия, а когда немного успокоился, на меня вдруг снизошло озарение. Мне придумалось, как можно попробовать перехитрить этих сволочей, идея эта была проста и изящна одновременно. Я немного помусолил ее с разных сторон, затем, очень довольный собой, вынул из кармана мобильник, пролистнул записную книжку и набрал номер.

— Добрый день, — сказал я. — Это говорит Герман Шмидт. Нам

необходимо срочно встретиться.

* * *

Домой я успел как раз к ужину, что очень обрадовало Басю. У нее был усталый вид — моя дорогая Ба уже всюю готовилась к *немецкому приему*.

— Ты как? — улыбаясь, спросил я.

— Ваниль купила! — сообщила с улыбкой Бася. — Так что торт будет.

— А тот ключ, который ты искала, нашелся? Бабушка сокрушенно покачала головой:

— Нет, не нашелся. Прямо извелась я с ним вся... Садись, поешь, — она принялась накладывать мне голубцы.

— Так что это за ключ такой, можешь сказать? — поинтересовался я, уплетая за обе щеки.

— Да памятный он мне, с войны еще.

— С войны? Так уже сто лет прошло! Ты давно выкинула его, наверное.

— Не могла я его выкинуть, ну никак не могла! — возмутилась Бася. — Добавки дать?

— Давай... Заглянула Вика:

— Ой, Герман, ты уже дома?!

— Да, недавно вернулся.

— Вика, может, поешь? — Бабушка быстрым привычным движением поднялась из-за стола.

— Нет, Басенька, спасибо, не буду, поздно уже. Если только чаю... Сиди, сиди, я сама налью.

Сестра пристроилась напротив меня с чашкой, взглянула в мою сторону, набрала воздуха, но ничего не сказала, опустила глаза и вроде даже смутилась. Я с интересом наблюдал за ней:

— Ты чего, Вика?

— Герман... — неуверенно проговорила она. — Ты только не сердись... Я сегодня рассказала Игорю о твоём наследстве. Но ведь сейчас уже можно, правда? Он ведь уже практически член нашей семьи?

— Да ладно! — я потрепал ее по руке. — Что ты так волнуешься? Ну, сказала и сказала. Все равно вскоре уже все узнают...

Она так и просияла:

— Правда, ты не сердишься? Ой, Герман, а можно он к нам завтра тоже придет? Ну, на этот, как Бася говорит, немецкий прием?

Такое развитие событий меня вполне устраивало.

— Конечно, пускай приходит. И еще, сестренка... Мне очень хотелось бы, чтобы была Лиза. Это возможно сделать?

— Проще простого! — рассмеялась Вика. — Как только она узнает, что ты хочешь ее видеть, так тут же прибежит. Ты же знаешь, что она от тебя без ума, все уши мне тобой прожужжала — и, красивый ты, и мужественный, что сейчас редкость, и на Пола Ньюмена похож...

— Ох, Герман, Герман, — Бася только вздохнула. Собрала со стола посуду и отправилась на кухню.

Едва за ней закрылась дверь, я повернулся к Вике:

— Сестренка, у меня радость, да какая! Виктория заинтересованно поглядела на меня.

— Я сегодня встречался с одним из похитителей...

В общем, мне дали поговорить по телефону со Светкой. С ней все в порядке, я сам в этом убедился.

— Герман, Господи!.. — Вика повисла у меня на шее. — Я же знала, я же говорила, что все будет хорошо... — лепетала она. — Осталось совсем немного. Скоро все закончится, вот увидишь. И мы все будем счастливы.

У нее в глазах стояли слезы.

Глава 13 Да, это было неожиданно...

Мы все подготовились к «немецкому приему» на славу. Бася превзошла саму себя, мы с Викой помогли ей привести генеральскую квартиру в порядок и надраили все семь комнат и коридор. Наш новоиспеченный родственник Игорь приволок бутылку «Праско-вейского» коньяка. Лиза разрядилась, как на свадьбу, и принесла с собой целую папку нот — очевидно, собралась развлекать гостей музыкой.

Ровно в шесть часов в прихожей раздался звонок. Мы с Басей поспешили к двери. На пороге стояли два господина представительного вида — один постарше, лет за пятьдесят, другой помоложе, примерно мой ровесник.

— Добрый день, — сказал на хорошем русском языке тот, что постарше. — Мы бы хотели видеть госпожу Барбару Шмидт и господина Германа Шмидта.

— Проходите, пожалуйста, проходите, — Бася шире отворила входную дверь. — Мы вас ждем.

Они очень долго вытирали ноги о коврик.

— У вас немножко грязно на улице, — виновато пояснил старший. — Даже машина не спасает.

Мы с Басей почувствовали себя виноватыми, что у нас на улицах немножко грязно.

— Ой, да проходите, не обращайтесь внимания, — забеспокоилась бабушка.

Стали знакомиться. Тот, что помладше, был Вильгельмом Лейшнером, поверенным Отто фон Фриден-бурга. А господин постарше, он представился как Курт Гранау, оказался его секретарем.

— А вы, наверное, госпожа Барбара Шмидт? — спросил секретарь.

— Да, это я, — улыбнулась Бася.

Гости прошли в глубь широкого коридора генеральской квартиры. Посмотрели вверх, в восхищении закивали головами и перебросились парой фраз на немецком языке.

— Na ja, die Zimmerdecken sind hoch,^[12] — согласилась Бася. — Dazu auch eine antike Stuckarbeit. Allerdings wurde hier seit langem nicht renoviert.^[13]

— Beherrschen sie Deutsch...^[14] — улыбнувшись, сказал Лейшнер. — Aber gewiss! Wie ich es ausser Acht lassen koennte?^[15]

Я не удержался и тоже вступил в разговор.

— Ich glaube, dass wir uns miteinander verstaendigen wuerden,^[16] — сказал я.

— Soweit ich sehen kann, — обратился с улыбкой Лейшнер к Грану, — haben wir gerade dasjenige Haus gefunden.^[17]

Мы все четверо дружно рассмеялись. Бася, извинившись, отошла на кухню.

— Сейчас будет кофе, — сказала она. — А пока, Герман, ты можешь проводить гостей в кабинет. Я думаю, им будет там интересно.

Она оказалась права. Кабинет Курнышова привел гостей в восторг. Они принялись рассматривать фотографии, висящие на стенах, а там было на что посмотреть: генерал у танка «Т-34», у стен Рейхстага, на фоне колонны военнопленных, с маршалом Рокоссовским, с маршалом Коневым. А вот в доме генерала снят сам легендарный маршал Жуков — сидит в окружении других гостей за большим круглым столом, который и сейчас сохранился в зале. Видно, эти немцы хорошо знали историю. А если учесть, что эти две истории были туго переплетены в одну, это было и немудрено. Натыкаясь то тут, то там на известные по событиям Второй мировой лица, они легко называли фамилии, радуясь при этом, как дети.

Не успели они закончить осмотр, как заглянула моя дорогая Ба и пригласила всех в столовую. Я представил гостям свою сестру Викторию, ее жениха Игоря и подругу Елизавету. Немцы раскланялись с ними, Лейшнер выразил свое восхищение красотой и отличным вкусом москвичек, Курт Грану перевел его слова, и все дамы были очень довольны.

Сели за стол, покрытый цветной скатертью — специальной для кофепития. Бася действительно постаралась изо всех сил. Маленькие бутерброды-канапе, воздушные пирожные, фирменный торт «Высокий замок» — все было на высшем уровне. Бабушка явно хотела произвести на немцев самое лучшее впечатление. Я предложил гостям по рюмочке знаменитого коньяка, и они не отказались.

Когда кофе был выпит, все вкусности съедены, а комплименты хозяйкам исчерпаны, Лейшнер повернулся к Басе и проговорил по-немецки:

— Фрау Шмидт, у меня к вам дело. Перед смертью мой клиент Отто фон Фриденбург просил передать вам кое-что. Как вам будет удобнее — чтобы я сделал это здесь или мы перейдем с вами для этого разговора в другую комнату?

— Конечно, говорите здесь, — отвечала Бася на том же языке. — У меня нет секретов от моих близких.

Вильгельм Лейшнер вздохнул.

— Мне трудно говорить об этом... Мы с герром От-то были не только деловыми партнерами, но и добрыми друзьями. Его смерть была большим ударом для меня, это невосполнимая потеря... Я не присутствовал при его кончине. Но врач, провожавший его в последний путь, рассказал мне потом, что мой друг до последней минуты сохранял ясность ума. И перед смертью он заговорил о вас. Он сказал, что не забывал вас ни на одно мгновение из тех долгих лет, что вы были в разлуке. Сказал, что вы навсегда остались для него той, что сидела в саду, в венке из альпийских цветов, на куче опавших листьев. «Передайте Барбаре, что я всегда помню о ней», — это были его самые последние слова.

Моя дорогая Ба слушала его, вся подавшись вперед и натянувшись, точно струна; слезы печали и радости заволакивали бездонные серые глаза.

Вика и Лиза недоуменно хлопали ресницами — они явно не улавливали сути разговора, и Игорь вполголоса объяснил им, в чем дело. Сестра была права — немецкий язык он понимал действительно неплохо.

— И еще, — поверенный бросил взгляд на своего секретаря, — Отто фон Фриденбург просил обязательно передать вам вот это.

Курт Грану протянул ей прозрачную пластиковую коробочку, внутри которой был маленький невзрачный белый цветок. Я почти сразу догадался, что это, — ведь такие цветы есть и у нас, на Западной Украине, в Карпатах, и с ними связаны те же красивые легенды.

Бася ахнула:

— Это... Это...

— Это эдельвейс, — объяснил поверенный. — Отто часто говорил мне о том, как сожалеет, что не мог подарить вам этот цветок раньше. Он просил меня непременно сделать это, когда я вас увижу.

Бася прижала коробочку к груди и выбежала из комнаты. Мы все были очень растроганы происходящим, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина. Первой с неловкостью справилась Сиамская кошка. Она очаровательно улыбнулась и принялась занимать гостей светской беседой — расспрашивала, как понравилась им Москва, и с особым интересом напирала на то, что привело немцев в Россию.

— У нас дела с герром Германом Шмидтом, — отвечал ей, через перевод своего секретаря, Вильгельм Лейшнер.

Вскоре вернулась Бася, глаза ее еще были красны, но она уже взяла себя в руки. Бабушка предложила гостям еще кофе, и все с энтузиазмом

согласились.

— Ну, а теперь главная новость, — проговорил Лейшнер, когда чашки второй раз опустели. — Курт, я прошу вас переводить мои слова, чтобы меня лучше поняли — это очень важно. Мне нелегко об этом говорить, но другого выхода нет. Герр Шмидт, фрау Шмидт, мы вынуждены принести вам свои глубочайшие извинения. Вышло неприятнейшее недоразумение. Дело в том, что, как выяснилось, никакого состояния у Отто фон Фриденбурга нет. Сведения о вашем наследстве были слишком поспешными и ошибочными.

— Что?

— Что вы такое говорите?

— Не может быть!

— Как это могло случиться?! — одновременно воскликнули все присутствующие — все, кроме Баси.

Немцы были заметно смущены.

— Видите ли, уважаемые господа и дамы... Нам самим очень досадно, что так получилось. Поверьте, подобные ситуации крайне редки — но они случаются. Дело в том, что завещание на своего внука герр Отто составил еще давно. Тогда его дела были в полном порядке. Но в старости он стал много болеть, его дела вел управляющий, который оказался мошенником. Узнав, как пошатнулось его положение, герр Отто пошел на большой риск — и удача от него отвернулась. Он потерял почти все свое состояние. А я узнал обо всем этом только недавно.

— Какой ужас! — сказала Сиамская кошка.

— Но как же теперь быть... э-э-э... моему родственнику? — спросил Игорь.

— Герману Шмидту теперь — увы! — наследовать почти нечего. Максимальная сумма, которая может остаться от состояния его деда после улаживания всех недоразумений и погашения всех задолженностей, даже не окупит его поездки в Германию.

— Герман, но как же теперь... Как же Светка? — У Вики дрожали губы.

— А что Светка? — спокойно сказала Бася. Она ведь ничего не знала о похищении правнучки! — Светка прекрасно обойдется и без этих призрачных денег. У нее, слава тебе Господи, и мать и отец есть, вырастят ребенка безо всяких наследств.

Но остальные присутствующие, похоже, отнеслись к услышанному не так легко. И Сиамская кошка, и Вика, и этот ее Игорь — все были просто ошарашены.

Немецкие гости чувствовали себя крайне неловко. Они переглянулись, поднялись и стали прощаться. Мы с Басей попытались их задержать, но у нас ничего не вышло.

— Нет-нет, нам, к сожалению, уже пора ехать. Благодарим вас за прекрасный вечер, все было великолепно.

Я вышел проводить их на лестничную площадку. Поплотнее прикрыл за собой дверь и пожал обоим руки.

— Благодарю вас, господа! У меня нет слов, чтобы выразить, как вы меня выручили.

— Что вы, что вы! — вполголоса отвечал секретарь. — Не стоит благодарности. Ради спасения ребенка мы способны на большее, чем этот маленький спектакль.

— Кажется, ваши гости поверили в ту абракадабру, которую мы несли, — подтвердил Лейшнер. — Хотя на самом деле я никогда в своей жизни не говорил ничего более глупого.

— У вас, у русских, сейчас появилось такое выражение, никак не могу его запомнить — что-то про спагетти в ушах...

— Вешать лапшу на уши, — понял я.

— Вот-вот. Мы хорошо повесили им лапшу на уши, — засмеялись немцы и откланялись: — До встречи в Германии, герр Шмидт! И не затягивайте с приездом — наследственные дела не любят проволочек.

Я вернулся в квартиру в приподнятом настроении. План, придуманный мной вчера, вполне удался.

В столовой продолжалось возбужденное обсуждение нового поворота событий. Только Бася спокойно убирала со стола.

— А по мне — так оно и к лучшему! Жить спокойнее. От больших денег одни неприятности, — сказала она.

Но все остальные присутствующие явно не были с ней согласны.

Я вынул из кармана сигареты и двинулся в сторону балкона.

— Да, это дело явно надо перекурить... Лиза, вы не составите мне компанию?

— С удовольствием, — Сиамская кошка мгновенно оказалась рядом со мной. Она все еще была сильно взволнована. — Ах, Герман, я до сих пор в себя прийти не могу! Надо же, какое разочарование! Представляю, как вам сейчас тяжело! Вы почти уже были миллионером — и вдруг...

Я придвинулся к ней поближе и заглянул в яркие голубые глаза:

— Значит, Лиза, я вас привлекал только как богатый наследник? И теперь, когда мои миллионы растаяли, как дым, вы сразу потеряли ко мне интерес?

— Ну что вы! — она кокетливо потупилась. — Я совсем не так меркантильна. Не скрою, в образе богатого наследника вы были обворожительны, но вы таким и остались в моих глазах...

— Значит, я могу рассчитывать на то, что вы позволите проводить вас домой? — я невольно начал изъясняться в том же стиле, что и она.

— Можете. Тем более, что я как раз собиралась уходить...

Я сообщил своим, что отвезу Лизу домой. Игорь пожал мне руку, Вика рассеянно пожелала удачи, Бася не вымолвила ни слова, но ее взгляд был очень красноречив.

Сиамская кошка жила совсем недалеко — на Большой Грузинской, недалеко от зоопарка. Я вел «Тойоту», поддерживал непринужденную беседу и одновременно судорожно размышлял. Лиза великолепно владела собой, но меня это нисколько не удивляло — в этой истории лицедеев было хоть отбавляй. Я и не ждал, что она чем-то выдаст себя, меня интересовало совсем другое. По идее, Сиамская кошка сразу же должна была сообщить своим поделщикам о том, что никакого миллиона у меня нет и не будет. И мне было очень интересно, как именно она это сделает. Скорее всего, по телефону...

Конечно, я понимал, что очень рискую. Причем не только собой, но и Светкой. Нельзя было сбрасывать со счетов, что злоумышленники, потеряв надежду заполучить деньги, с досады сделают с моей дочерью что-нибудь страшное. Но теперь в моих руках была заложница — Сиамская кошка, — и я был почти уверен в своих силах.

На улицах было непривычно свободно, и мы добрались до ее дома меньше чем за четверть часа.

— Ну вот я и дома, — улыбнулась Лиза. — Благодарю вас, Герман, вы так любезны...

Я протянул ей папку с так и не понадобившимися нотами и выжидательно улыбнулся. Интересно, пригласит она меня подняться или нет? Наверное, нет, ей срочно нужно позвонить и поговорить без свидетелей — и уж тем более без такого свидетеля, как я. Она не спешила покидать машину.

— Надо же, еще так рано, совсем светло. Вы ведь не торопитесь? Хотите подняться, посмотреть, как я живу?

Приглашение было как нельзя на руку. Теперь главное было задержаться у нее подольше. И, например, притвориться спящим, чтобы подслушать ее телефонный разговор. Я изобразил на лице живейшую радость:

— О, это так мило с вашей стороны!

У Сиамской кошки было небольшое двухкомнатное гнездышко, полное маленьких подушечек, фарфоровых фигурок, разнокалиберных вазочек и фотографий в резных рамочках. Она усадила меня на низкий мягкий диван, налила выпить и предложила полистать журналы.

— Располагайтесь, а я сейчас. Только переоденусь в домашнее.

«Домашним» оказался кружевной прозрачный пеньюар, столь откровенный и соблазнительный, что говорить нам уже ничего больше не понадобилось...

Однако прикинуться спящим мне не удалось. Когда кукушка на старинных часах у нас над головой прокуковала одиннадцать, Сиамская кошка прильнула ко мне и ласково потерлась щекой о мою обнаженную грудь.

— Котик, не обижайся, но тебе пора. Завтра у меня запись на радио, и мне надо вставать очень-очень рано...

Я пустил в ход все свое мужское обаяние, но Лиза была непреклонна. Остаться на ночь она мне не разрешила — видите ли, она не сможет выспаться, когда рядом будет такой замечательный мужчина, как я, а завтра обязательно нужно быть в форме. Вот так меня, очень мягко, но настойчиво, истинно по-кошачьи, выставили за дверь. Разочарованный, я еще немного подождал в машине у подъезда, в надежде, что, спровадив меня, Лиза отправится с докладом к своему боссу. Но этого не случилось. Почти сразу же после моего ухода свет в окнах четвертого этажа погас и больше уже не загорался. Похоже, Сиамская кошка действительно улеглась спать. И если позвонила кому-то, то сделала это очень быстро. Или же говорила в темноте.

Мне ничего не оставалось, как отправиться домой. «Ну ничего, — уговаривал я себя, — посмотрим, что они будут делать дальше...»

За время жизни в Москве я научился уже довольно ловко справляться с замками в Викиной двери. А сейчас я открыл их почти бесшумно, вошел в прихожую, переобулся и тихо двигался по коридору к своей комнате, как вдруг услышал доносящиеся из-за двери гостиной голоса. Там ссорились Вика и Игорь.

И я замер у двери точно так же, как сделал это почти тридцать лет назад — в день моего рождения и смерти нашего с Викой отца. Все повторилось в точности — только я был уже совсем не тот, да и люди за дверью оказались совсем другие.

— Как же ты все-таки могла так сглупить! — раздраженно выговаривал моей сестре Игорь. — Так сразу принять все на веру, ничего не уточнив...

— Милый, но я же не знала... — оправдывалась Вика. — Кто же мог подумать, что никакого состояния нет, когда приходит такая вот официальная бумага, на бланке, с печатью...

— Официальная бумага! — передразнил Игорь, и меня передернуло от того, как этот хлыщ позволял себе разговаривать с моей сестрой. — Ты хоть прикинь своими куриными мозгами, во что мне все это уже обошлось! Одна Мишкина поездка во Львов со всеми этими кассетами и поддельными документами стоила несколько штук баксов. Не считая этой его рыжей, она вообще деньги сосет, как пылесос...

— Игорек, я тебе все компенсирую... Ты же знаешь, у меня деньги есть... Только не сердись на меня, ну, пожалуйста... Ну, миленький...

Я слушал и не верил своим ушам.

— Отстань! — грубо одернул Вику Игорь. — Нашла время лезть с нежностями! Ты мне лучше скажи, что с девчонкой-то теперь будем делать?

— Как что? Конечно, вернем ее Герману...

— Сдурела, что ли? Она нас всех видела — и меня, и Мишку, и Регинку. А у них в этом возрасте язык, как помело. Наверняка проболтается. Нет, надо что-то придумать...

— Ну что же тут можно придумать, Игорек?

— Сказал же, отвяжись! — В комнате послышалось движение, очевидно, он встал и заходил по комнате. — Этот твой брательничек-то дорогой когда вернется?

— Думаю, утром. Они с Лизой так глядели друг на друга...

— Значит, время есть. В общем, возвращать девчонку ему нельзя, это исключено. Убивать ее, конечно, тоже бы не хотелось, но...

Больше ждать я не мог, был просто не в состоянии. Ударом ноги открыл дверь гостиной, влетел и повалил этого гада на пол. Думаю, что я разорвал бы его на клочки, если бы не Виктория. Она закричала и повисла на мне, вцепившись просто-таки намертво. Пока я пытался ее стряхнуть, Игорь успел подняться. Но тут мне удалось оторвать от себя Вику, и я снова бросился на него.

— Где моя дочь?! — хрипел я. — Говори, сволочь, или я тебя убью!

— Герман, не надо! Герман, пожалуйста... — причитала Виктория.

Я успел хорошенько врезать ему пару раз, на третий он вырвался и бросился вон из комнаты. Я рванул было за ним, но сестра с неожиданной быстротой оказалась между ним и мной и загородила собой дверь.

— Нет! — кричала она. — Не трогай его! Лучше меня убей, я это заслужила! Но его не трогай!..

Боролись мы с ней очень долго — все-таки она была существом

слабого пола, к тому же моей сестрой, еще так недавно чуть ли не самым дорогим на свете человеком, и мне не хотелось причинять ей боль. Она же дралась так неистово, как только может доведенная до отчаяния женщина. Когда же я, наконец, все-таки освободил проход и выбежал, ее ненаглядного Игорька уже и след простыл.

Я вернулся в генеральскую квартиру. Виктория, растрепанная, в кофточке с оторванным рукавом, сидела в углу и то ли плакала, то ли скулила.

— Что же ты наделала? — устало сказал я.

Она подняла голову, и я поразился переменам, происшедшим с моей сестрой. Практически на моих глазах она из моложавой, ухоженной и привлекательной женщины превратилась в старуху. Она встала и молча побрела из комнаты.

— Нина Ивановна? — услышал я из коридора ее голос. — Это Виктория. Извините, что так поздно, но дело срочное. Приехал Светин отец, он живет в другой стране. Он срочно хочет забрать Свету. Да. Приедем, как только сможем. Завтра утром, наверное...

— Кто такая Нина Ивановна? — спросил я уже в передней.

— Мать Игоря... — тихо прошелестела сестра.

* * *

Нина, которая сплела моей дочке венок и купила куклу, жила в Сосновом Бору — под Санкт-Петербургом, на самом берегу Балтийского моря. Мы решили, что быстрее всего доберемся туда на машине, — и я в который раз с благодарностью вспомнил Сашку Семенова.

Пока «Тойота» мчала нас по Москве и области, Виктория сидела на заднем сиденье как мышка и только изредка вздыхала или всхлипывала. Но на подступах к Твери ее словно прорвало — она разрыдалась и принялась говорить без остановки.

— Ведь меня же предупреждали! — плакала она. — И Лиза, и другие... Что у него уже было три жены, все старше него и богатые, он их обобрал и бросил...

Я молча слушал — ничем помочь сестре я уже не мог. И вскоре узнал всю историю с похищением. Письмо из Германии действительно

завалилось за тумбочку в прихожей — только лежало оно не полгода, а несколько дней, и найдено оно было не при Лизе, а при Игоре. Игорь же его и вскрыл, несмотря на робкие протесты Вики, что, мол, чужие письма читать нехорошо. Он велел пока ничего не говорить Басе, чтобы ей не стало плохо от сильного потрясения, и, уходя, забрал ярко-желтый конверт со всем содержимым с собой. А через два дня появился у Вики — злобный и поведал ей жуткую историю. Оказывается, он в свое время по неосторожности столкнулся с миром криминала, и его «поставили на счетчик». Теперь он должен ни много ни мало миллион долларов — или бандиты его убьют.

Вика была в шоке. А придя в себя, стала спешно подсчитывать — квартира, дача, картины, материны украшения... Но Игорь ее остановил:

— На миллион у тебя все равно не наберется! Да и потом, если продавать все это срочно, потеряешь чуть ли не половину стоимости. А ждать некогда — они поставили очень жесткие сроки.

— Но что же делать? — Вика чуть не плакала.

— Мне придется жениться...

— На ком? — застонала Виктория.

— Да есть тут одна, дочка нефтяного магната... Хорошенькая, но не в моем вкусе. Влюблена в меня по уши. И очень ревнивая. Я почему не хочу с ней связываться — тогда у нас с тобой вообще не будет возможности видаться, она ни за что не даст. А ты же знаешь, как я тобой дорожу.

Слышать все это для страстно влюбленной женщины было невыносимо.

— Но неужели нет никакого другого способа? — вскричала она.

— Есть, дорогая, — вкрадчиво сказал Игорь тем самым бархатным голосом, который сводил ее с ума. — Но это потребует от тебя жертв.

— Я сделаю все, что ты захочешь! Только останься со мной...

* * *

— Но как же ты могла... — Я с трудом управлял автомобилем.

— Я любила. А когда любишь, то готов на все. Понимаешь, на все. Даже жизнь отдать.

— А убить? Если бы он сказал тебе убить? Меня, или Светку, или

Басю... Ты что, тоже бы согласилась?

Сестра только разрыдалась в ответ. И мне было ее жаль.

— И кто все это придумал?

— Игорь с Михаилом. Они хорошо знакомы — по работе. Игорь ведь тоже на телевидении работает, ты знал?

— Нет.

— А у Миши этого, ну, который в аварии погиб, была девушка, Регина. Она то ли актриса начинающая, то ли модель неудавшаяся... Вот они и разыграли похищение.

— А потом? Когда Добряков разбился?

— Все взяла в свои руки Регина. У нее вдруг проснулась такая хватка... Игорь даже испугался. Она его живо подмяла под себя...

Она резко затушила вот уже которую за сегодняшний день сигарету.

— Ведь я только сейчас поняла, что он мне все врал! Не было никаких бандитов, никакого счетчика... И любви у него никакой ко мне не было. Но ведь как притворялся...

Некоторое время мы ехали молча.

— Знаешь, братик, — заговорила опять сестра, — я ведь по несколько раз в день туда, Нине Ивановне, звонила... Спрашивала, все ли в порядке, здорова ли Светка, не нужно ли чего-нибудь... И денег им дала с собой — шестьсот долларов. Чтобы у нее, у Светки твоей, ни в чем проблем не было.

Она еще поплакала, повздыхала, потом наклонилась ко мне со своего заднего сиденья, положила руку на плечо:

— Прости меня, а?

— Извини, Виктория. Не сейчас.

* * *

Указанный Викторией дом оказался заперт. После всех этих событий, да еще ночи, проведенной за рулем, нервы у меня были не в пределе. Я набросился на нее:

— Что это еще за фокусы?

— Это не фокусы... — растерянно бормотала сестра. — Я же звонила... Может, я дома перепутала... Да нет, точно здесь, мы же тут

были...

— Эй! — окликнула нас через противоположный забор какая-то женщина. — Вы кого ищете?

— Нину Ивановну...

— Так она с внучкой на море пошла.

— С внучкой? — удивился я.

— Ну да! — словоохотливо пояснила соседка. — У ней, видишь ли, сынок-то жениться намылился, с ребенком берет. Так они пока там в городе женихаются, а ребеночка-то Нинке подкинули. А она и рада — все не одна... И так уж привязалась к девочке, так привязалась, внучкой зовет. И то — девочка-то славная такая, Светкой звать...

Следуя ее указаниям, мы вышли на берег. Окрестности городка Сосновый Бор являли собой очень живописную картину — голубое небо, бескрайнее море, теплый песок, стройные сосны и яркие разноцветные купальные костюмы отдыхающих. Счастье еще, что был будний день. Представляю, что тут творится в субботы и воскресенья, если даже в среду на пляже яблоку негде упасть. Я растерянно выглядывал среди бегающих, играющих, плещущихся в воде и строящих замки из песка детей знакомую светлую головку, как вдруг...

— Гелман, Гелман, ты плиехал!..

Я схватил в объятия свое белобрысое сокровище, прижимал к себе, гладил, целовал, совершенно не стесняясь своих слез.

— Ишь ты, папаша, соскучился как по дочке-то... — Полная женщина с круглым добрым лицом была, очевидно, тронута до глубины души. — А вы, — обратилась она к Виктории, — стало быть, бабушка Светуньке будете? А то, честно-то вам сказать, я уже запуталась, кто у вас там кому кем приходится.

— Я сама запуталась. Вы даже представить себе не можете, как запуталась... — призналась ей Вика, но Нина Ивановна, конечно, не поняла смысла ее слов.

* * *

За две недели, проведенные в Сосновом Бору, Светка успела загореть, посвежеть и, кажется, даже подрасти. Дорогу она перенесла на удивление

сносно и Москвой осталась вполне довольна, но, оказавшись дома, категорически заявила, что если мы не пойдём на море, то она на меня очень обидится.

— Доня, ничего не получится. Здесь нет моря, — я не мог налюбоваться своей похорошевшей, чудом возвращенной мне дочкой.

— А вот у Нины есть, — закапризничала Светка и наморщила носик.

— И у нас есть, — успокоила ее Бася. — Сейчас я тебе его сделаю. — И она пошла в ванную.

Светка, конечно, подняла ее на смех, когда прабабушка за ручку подвела ее к большой ванне, ножками для которой служили чугунные львиные лапы.

— Ну это же не моле, — развела руками дочка, — это же ванна.

— Да, это ванна, но ты когда-нибудь видела, чтобы ванна стояла на львиных ногах?

Светка сразу же переключилась на эту невидаль, присела на корточки, внимательно изучила передние ножки, затем уползла под купель, чтобы исследовать дальние. Когда же она вылезла, в руках у нее оказалось что-то большое и железное, окутанное древней паутиной.

— А чего я нашла! — задорно сообщила она. — Это, наверное, Булатино потелял.

— Ключ! — ахнула Бася. — Нашелся!..

Эпилог

Немецкая пунктуальность все-таки вещь постоянная. Ровно в тот день, когда мне обещал сотрудник посольства, я получил все документы для въезда в Германию. На родину своего деда я отправился один: Светка осталась в Москве под присмотром Баси, а Юлька все еще упрямо шла к своему кладу на далеком острове. Виктория продала подлинник Айвазовского и уехала путешествовать. «Чтобы не показываться тебе на глаза», — сказала она. Ни Игорь, ни Регина больше не появлялись.

Вильгельм Лейшнер был очень любезен: он встретил меня в Зальцбурге, пригласил к себе в дом и всячески выказывал мне знаки внимания. Мы провели в городе целую неделю, занимаясь оформлением бесконечного количества документов. Мой дед оказался очень интересным человеком — в его владении были и виноградники на Рейне со своим винокурным заводом, и пастбища на заливных лугах, и стада коров молочных и мясных пород, несколько пасек и даже речные заводы, специально приспособленные для разведения королевской форели. У Васиного избранника были и гончарные мастерские, и сервисные автоцентры, и цеха по производству мебели, и даже собственная типография. Как сказал мне Вильгельм Лейшнер, Отто фон Фриденбург не просто был владельцем всего этого богатства: он всю свою жизнь досконально изучал каждое дело.

— Было такое ощущение, что он специально не давал себе ни минуты покоя: любое свободное время — когда он не при деле — раздражало его. Вот вы увидите его сказочное владение в горах: там им столько вложено — руками, мозгами, фантазией, — что диву даешься его энергии.

Мы приземлились на вертолетной площадке, с высоты птичьего полета напоминающей маленькое ровное блюдечко. Господину Лейшнеру надо было через три часа возвращаться назад, но он успокоил меня, что до отлета он успеет в общих чертах ознакомить меня с альпийским владением деда. Когда вдаль показался большой дом, стоящий у подножия горы, я ахнул: было такое впечатление, что он вырос из этой горы, что он ее продолжение, а она, гора, и есть часть дома.

— Нравится? — Лейшнер был доволен эффектом, какое произвел на меня дом.

— Такое нельзя построить, такое должно само вырасти... — сказал я.

Дом был со своим характером, в нем чувствовалась многовековая

история — портреты его многочисленных владельцев смотрели на меня со стен.

«А ведь это мои родственники», — подумал я и стал с большим интересом всматриваться в их черты. Дольше всего я простоял перед изображением своего деда Отто фон Фриденбурга — он тоже пристально смотрел на меня...

— Завтра вечером я за вами заеду, — сказал на прощание Лейшнер. — Думаю, вам будет интересно побродить здесь одному. Жаль, конечно, что с вами нет жены: вдвоем делать открытия интересней.

Я обошел весь дом и поднялся в спальню, о которой мне столько рассказывала бабушка.

Адам и Ева на мозаике с нежностью глядят друг на друга.

«Господи, — думал я, глядя сквозь стеклянный купол поразительной по красоте комнаты на усыпанное звездами небо, — это ведь рай, настоящий рай».

Я лег на кровать, словно сошедшую с иллюстрации к волшебной сказке, но долго не мог уснуть: впечатления дня держали меня в напряжении. Я подумал, что лучше бы, наверное, было встать и перейти в другую комнату — одному на таком широком ложе было не очень уютно. Оно словно специально было создано для того, чтобы делить его с любимой женщиной.

Точно услышав мои слова, дверь отворилась и в спальне появилась Юлька, почти голая, в одной только юбочке из пальмовых листьев, следом за нею Ежиха в ярком халатике, потом Регина, затянута в змеиную шкуру — зеленую с золотыми крапинками. Замыкала все это шествие Сиамская кошка.

— Он любит меня, — сказала Юлька Еве. — Это точно. Я ему законная жена, в конце концов. — Она подошла к самой стеклянной стене и, подняв босую ногу, вступила прямо в мозаику.

— Он и меня любил. — Ежиха сбросила свой халатик и провела ладонью по обнаженной груди. — Он такой нежный любовник, ты ведь, Ева, сама все видела. — И она последовала примеру Юльки.

— Он не просто нежный любовник, он страстный любовник. — Прежде чем войти в картину, Регинка гибким движением освободилась от своей змеиной шкуры. — Под нами лед таял. Я бы такого не хотела упускать.

— Вот увидите, он забудет обо всех вас и останется со мной, — заявила Сиамская кошка. — Только мне надо переодеться в домашнее.

— Девочки, не спорьте. — Ева хрустнула яблоком. — Он вас всех

любит. Он ведь не однолюб.

— Это он в меня, — раздалось из противоположного угла спальни. Там стоял генерал Курнышов в парадной форме и в орденах. — Я думал, что однолюб, пока не встретил Берту. — Он обнял за талию рослую девушку в кожаном костюме с длинными, развевающимися по ветру волосами.

Она помахала мне рукой, и я понял, что это моя мать.

— Ты сделал несчастной и меня, и Вику! — Мария Львовна ударила оземь хрустальный бокал, и он рассыпался на тысячу разноцветных осколков.

— Перестань, мама, папа ни в чем не виноват! — Виктория стояла в тени дерева, и я не видел ее лица. — Я сама во всем виновата, и я наказана за это. Но я не жалею. Я любила!

— И я любила! — заверила Еву Юлька. — И я! — подхватила Сиамская кошка.

— И я! — заявила Жанна.

— И даже я! — поддакнула Регина.

— Разве *так* любят, девочки? — Отто фон Фриденбург строго глянул на них с портрета. — Вы спросите Басю, она вам все объяснит.

И тут над ними всеми запорхал, хлопая прозрачными крыльями, ангел в виде тоненькой сероглазой девушки. Девчонки замахали руками, отгоняя ее, начался визг, шум, грохот... Я проснулся и открыл глаза. В горах гремел гром, бушевала гроза.

— А вот и Вселенский потоп, — я рассмеялся. Над моей головой дрожали тучи, и ливень, разбиваясь о стеклянную преграду, шумным водопадом сбегал по хрустальным стенам. Я лежал с открытыми глазами, перебирая в памяти подробности только что увиденного сна.

Ева улыбалась мне. Я встал, подошел поближе, провел по стене рукой. Приятная прохлада мозаики холодила ладонь. И вдруг в каком-то месте квадрат мозаики от прикосновения моей руки подался назад, в глубь стены: под рукой образовался небольшой провал. Я заглянул внутрь — характерный разрез напоминал собой замочную скважину. Я посмотрел еще раз: да, это была именно замочная скважина, ключ для такого замка должен был быть немаленьким.

— Ключ! — Я даже вскрикнул от догадки, осенившей меня. — Ключ!

Провожая меня, моя Ба дала мне ключ, завернутый в кусок от бархатной шторы. Тот самый, который моя Светка выудила из-под ванны в пыли и паутине. Ключ был необыкновенный: сантиметров двадцать в длину, в виде змеи — свернутый хвост как раз и образовывал собой кольцо

ключа. Голова с открытой пастью, двумя острыми зубами и раздвоенным языком венчала его другую сторону.

— Берта, твоя мама, в детстве очень боялась эту змею, — Бася протирали змеиную голову салфеткой. — Как увидит — в слезы. Я и убрала ее, змеюшку эту, под ванну — и напрочь забыла. Столько лет прошло...

Я, честно говоря, не очень-то хотел брать с собой эту железку, думал, Бася забудет. Но она не забыла:

— Повернешь два раза направо, потом три раза налево, потом еще семь раз направо, после этого отпускаяй ключ, не держи его.

— Как это ты все запомнила? — улыбался я, в душе посмеиваясь над ее серьезным отношением к несерьезному, как я считал, занятию: каким-то ключом открыть какой-то замок в стене. И чтобы не обижать мою Ба, я бросил на дно сумки железную змею.

— Тут и запоминать нечего, — пожалала она плечами. Двое образуют пару, у них появляется дитя — значит, их уже трое. А за семь дней бог сотворил мир. Вот тебе и два, и три, и семь.

— Двое образуют пару. — В ночном доме, под шум дождя, мои слова прозвучали очень торжественно. Я повернул ключ два раза направо. В замке что-то щелкнуло. — Потом у них появляется Светка. Или Берта. Или Герман, — так же громогласно объявил я; ключ послушно сделал три оборота налево. — И все это благодаря сотворению мира. — Тут сверкнула молния, раздались удары грома. Я стал проворачивать ключ — раз за разом семь раз. И с каждым поворотом ключ, как змея, уползал куда-то в глубину замочной скважины. Когда был довернут седьмой поворот, за хвост змеи, образующий кольцо ключа, уже почти невозможно было ухватиться. Я сразу вспомнил Басино: «Отпускаяй ключ, не держи его», — и разжал свои пальцы. Ключ тут же исчез в недрах замка, уполз, как самая настоящая змея. Кусок сдвинутой мозаики встал обратно на место, наглухо закрыв только что зияющую прорезь замка. Наступила тишина. Я стоял, не понимая, а что дальше... И тут вся громада стены, вместе с Адамом и Евой, поползла вверх.

За нею открылась ниша, за прозрачными стенами которой сбегала водопадом вода. Ниша осветилась искусно сделанной подсветкой, и я понял, что это даже не ниша, а маленькая круглая комнатка, словно молельня. Только вместо алтаря в ней была картина — огромная, выше человеческого роста — портрет красивой молодой девушки. В венке из мелких белых цветочков она сидела в ворохе осенних листьев и смотрела прямо на меня. За спиной у девушки виднелись два больших полупрозрачных крыла. Я не мог оторвать глаз от этого ангела в женском

обличье — а эти бездонные серые глаза... И я сразу узнал ее, это была моя дорогая Ба, только очень молоденькая.

Долго простоял я перед картиной, постигая смысл происходящего.

«...Самый главный секрет этой спальни — быть здесь вдвоем с любимой. Если это условие нарушить, наши прародители удивятся. Ведь они однолюбы».

Даже если бы я знал слова деда...

Стена остановилась сантиметров за тридцать до границы комнаты. Замерла. Сверху, тихо урча механизмами, стала возвращаться мозаика. Она опустилась бесшумно, как занавес в театре.

На меня удивленно смотрели Адам и Ева.

notes

[1] Голово (укр.) — начальник, шеф.

[2] Робить (укр.) — делать.

[3] Гарненька (укр.) — хорошенькая.

[4] Брама — арка, подъезд в Польше и на Западной Украине.

[5] Помню, ездил (укр.).

[6] Семью. Приезжие явно, русские, судя по говору. Женщина молодая, ох, и красивая! Рыжая, ноги от зубов растут! Я бы такую и сам с удовольствием... А мужичонка с ней — глядеть не на что. Толстый, лысый, пожилой уже, лет пятьдесят ему, наверное. Хотя видно, что богатый. Пятьдесят гривен мне бросил и сдачу не взял. И еще ребенок с ними был.

[7] Ну да, девочка, маленькая совсем, годика три, наверно.

[8] Да чего рассказываться ее и не разглядел совсем, она спала всю дорогу. Они уже даже е машину с ней сели со спящей, мужик ее на руках держал. Девочка как девочка, белобрысенькая вроде. Я на нее вообще не смотрел, все больше на ее мамашу.

[9] Так в аэропорт! У них и чемоданы были, меня попросили их нести.

[10] Да как обычно, о чем люди говорят, когда на поезд или на самолет торопятся? Успеем ли, не забыли ли чего, в порядке ли билеты, документы... Спешили, волновались.

[11] Да нет вроде... Говорю, она же спала все время на заднем сиденье...

[12] Да, потолки высокие.

[13] И лепнина старинная. Только ремонт давно не делали.

[14] Вы понимаете по-немецки...

[15] Ну, конечно, как я мог выпустить это из головы?

[16] Я думаю, мы найдем общий язык.

[17] Я вижу, мы не ошиблись: мы попали именно в тот дом.

Содержание

[Олег Рой Эдельвейсы для Евы \(Капризы судьбы\)](#)

[Глава 1 «Кладоискатели», или лучше бы этот день никогда не наступал](#)

[Глава 2 Герман. детство на улице Герцена](#)

[Глава 3 Виктория. детство на улице Герцена](#)

[Глава 4 Герман. Завещание Отто Фон Фриденбурга](#)

[Глава 5 Пани Барбара](#)

[Глава 6 Герман и Виктория. Мы с тобой одной крови](#)

[Глава 7 Ну и змея!](#)

[Глава 8 Моя дорогая Ба](#)

[Глава 9 Собаке собачья смерть](#)

[Глава 10 Виктория. Сильней любви в природе нет начала](#)

[Глава 11 Ежика по имени Жанна, или как утешить безутешную вдову](#)

[Глава 12 Две вдовы](#)

[Глава 13 Да, это было неожиданно...](#)

[Эпилог](#)